

Автор бестселлеров по версии New York Times

АЛЕКСАНДРА АЙВИ

БЕЗЛИКИЙ

Прятаться уже поздно...

БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ

Грабитель в маске, выстрел, бесконечный кошмар, оставшийся после него. Винтер Мур было всего четыре года, когда она стала свидетельницей убийства своей матери.

Последние двадцать пять лет она пыталась заглушить эту травму нескончаемой работой. И все же каждый год Винтер закрывает свой популярный ресторан в Айове, чтобы вернуться в родной городок Пайк, штат Висконсин, и предаться скорби.

Только на этот раз ее визит будет ознаменован неожиданной опасностью и шокирующими открытиями о прошлом — и о ее матери.

В ТОМ, ЧТО ХОТИТЕ НАЙТИ

«Зачем ее убили?» Именно это написано на фотографии, которую недавно умерший шериф Пайка оставил Винтер. На снимке, взятом с камеры видеонаблюдения, запечатлен момент рокового ограбления — и у Винтер возникают пугающие вопросы.

Вскоре она открывает ящик Пандоры с мрачными тайнами и подозреваемыми. Когда начинают происходить странные происшествия и поступают угрозы, становится ясно, что Винтер сама стала мишенью. Врагов, кажется, слишком много — за исключением одного человека...

ВАС ПРОСТО МОГУТ УБИТЬ

С тех пор, как подростками они познакомились на консультациях по психологической помощи, начальник егерской службы Ноа Хеллер пытался убедить себя, что Винтер — просто друг. Но теперь, когда она в опасности, с отрицанием покончено.

Отправившись к ней, он помогает Винтер пройти по запутанным дорогам жизни ее матери — прежде чем его подруга потеряет свою собственную. Потому что кто-то хочет, чтобы Винтер Мур исчезла навсегда.

Александра Айви

Безликий

Серия: ПАЙК, штат ВИСКОНСИН-2

Перевод: MonaBurumba

Редактура: MonaBurumba

Русификация обложки: Хексаны

Переведено специально для группы: vk.com/monaburumba

Глава 1

Вторая неделя апреля радовала большинство жителей городка Ларкин, штат Айова. Худшие из суровых зимних дней, как они надеялись, прошли, и в воздухе уже витал аромат весны.

Но у Винтер Мур это время неизменно вызывало болезненные воспоминания о жестоком убийстве ее матери.

Выйдя из своей небольшой квартиры, Винтер спустилась по узкой лестнице, ведущей в недавно отремонтированную кухню ее ресторана «Винтер Гарден».

Обычно ее встречал аромат теплого хлеба и свежей зелени. Однако сегодня утром в просторной комнате с блестящей техникой из нержавеющей стали и зелено-белым мозаичным полом было темно, а в воздухе ощущалась явная прохлада.

Винтер проигнорировала мелкую дрожь, пробежавшую по ее телу. На следующей неделе на кухне будет кипеть работа. Два повара и четыре официанта будут суетиться вокруг, двигаясь в синхронном танце, чтобы приготовить изысканные блюда на завтрак и обед, обеспечивавшие успех ресторану последние семь лет.

Только сегодня окна и двери «Винтер Гарден» останутся закрытыми. Молчаливая дань памяти умершей матери. И осознание того, что без трастового фонда, оставленного ею в наследство Винтер, ресторан так и остался бы несбыточной мечтой.

Воспользовавшись боковым выходом, Винтер вышла из трехэтажного кирпичного здания, которое когда-то принадлежало небольшому фермерскому хозяйству и использовалось в качестве местного магазина. Здание бросили несколько десятилетий назад, и Винтер потребовалось несколько месяцев и огромная сумма денег, чтобы превратить его в ресторан и уютную квартиру для себя.

Однако результат в итоге стоил каждого потраченного цента и любой головной боли.

Винтер вздрогнула, когда резкий ветер налетел на нее с неожиданной силой, подхватив серебристо-белокурые волосы, заставив их развеяться и танцевать, пока они не закрыли ее тонкое лицо. Недовольно щелкнув языком, она нетерпеливо подхватила длинные пряди и заправила их под воротник своей пуховой куртки.

Когда Винтер работала, то всегда собирала волосы в хвост. Сегодня утром она переборолала себя: не только оставила волосы распущенными, но и нанесла тушь на длинные ресницы, обрамляющие ее ореховые глаза, и сменила выцветшие джинсы и повседневную

кофточку на шерстяные брюки и желтый свитер.

К сожалению, обещание весны оставалось скорее пожеланием и молитвой, чем реальностью. Несмотря на утренний солнечный свет, температура держалась около нуля, а ветер дул достаточно холодный, чтобы пронизывать ее насквозь, как нож.

Сгорбив плечи, Винтер пробиралась через пустой участок рядом со зданием своего ресторана. Когда-то давно здесь располагалась пекарня, но после пожара, случившегося три года назад, владельцы съехали. Винтер выкупила землю и превратила ее в парковку. Со временем она планировала использовать часть территории для создания зоны питания на открытом воздухе, окруженной садом. Однако сейчас она рада, что у нее есть много места для парковки.

В Ларкине не найти лучшего места для бизнеса, чем городская площадь, но это место возникло, когда транспортные средства состояли из лошадей и колясок. Во время воскресных утренних бранчей ее клиентам долгое время приходилось парковаться за несколько кварталов от ресторана.

Винтер пряталась за зданием в тщетной надежде, что оно защитит от ветра, когда рядом с ее потрепанным черным пикапом припарковался фургон со знакомым логотипом на боку.

С удивлением Винтер наблюдала, как из машины выпрыгнула женщина и направилась к задней части фургона. Тоня Нокс была владелицей сувенирного магазина, расположенного на другой стороне парковки, и одной из лучших подруг Винтер, несмотря на то, что она старше ее на пятнадцать лет.

Именно Тоня провела Винтер через кошмар лицензирования бизнеса, налогов и местного зонирования. Она же стала для Винтер плечом, на котором можно поплакаться, когда водопровод замерз и лопнул, вынудив закрыть ресторан на неделю. И когда владелец конкурирующего ресторана в городе заплатил своим сотрудникам, чтобы они оставляли неприятные отзывы в Интернете.

Винтер остановилась, глядя, как Тоня открывает заднюю дверь своего фургона. Подруга была на несколько дюймов выше Винтер и вдвое ее больше. Но никто не назвал бы Тони толстой, она просто имела крепкие мышцы, наработанные в гончарной мастерской, которая размещалась в задней части сувенирного магазина. Тоня могла поднимать и переносить тяжелые блоки глины, не обливаясь потом. Винтер, напротив, была стройной, как тростинка. Дедушка часто повторял, что при сильном порыве ветра ее может просто сдуть.

Как по команде, порывистый ветер растрепал волосы Винтер, побуждая ее направиться к грузовику и завести мотор. Стоять на улице не только слишком холодно, но и время поджимало. Она хотела поскорее отправиться в путь.

— Привет, Тоня. Что ты делаешь здесь в такой час? — окликнула она подругу. — Я думала, ты хотела выспаться?

Ресторан «Винтер Гарден» открывался в шесть утра и работал до двух часов дня. Это означало, что Винтер вставал в четыре, чтобы начать готовиться к рабочему дню. Тоня, обычно, спала до середины утра и открывала сувенирный магазин в полдень. Конечно, она еще и давала уроки гончарного мастерства по вечерам, так что часто уже за полночь закрывала свой магазин.

Это делало их идеальными соседями.

Тоня повернулась, обнажив многочисленные пирсинги, украшавшие ее нос, губы и уши. У нее были короткие черные волосы и бледные глаза, которые она подводила черной подводкой. Под кожаным тренчем тело Тони покрывали татуировки, символизирующие ее

любовь к искусству.

Она не пыталась выглядеть как гот. Она просто была готом.

До смерти отца, который умер, когда ей был двадцать один год, Тоня намеревалась стать известной художницей в Париже. Вместо этого она вернулась домой из художественной школы, чтобы заняться магазином сувениров и ухаживать за матерью.

— Я решила, что красота сильно переоценена, — объяснила ей Тоня. — В моем возрасте повезло, что я не забываю надевать штаны перед выходом из дома.

— Это не имеет ничего общего с возрастом. Я вчера забыла лифчик. — Винтер засунула руки в карманы своей куртки. — Ты работаешь в студии сегодня утром?

— Не-а. Я хотела застать тебя до того, как ты уедешь в Пайк.

— Меня? Тебе что-нибудь нужно?

— Вот. — Тоня залезла в багажник своего фургона и достала маленькую урну, украшенную цветами и крошечными ягодами, вытравленными в глине, мерцающую глазурью цвета слоновой кости.

— Она прекрасна. — Винтер окинула подругу озадаченным взглядом. — Эта новая работа для твоего магазина?

— Нет. Я сделала эту урну для могилы твоей матери.

Винтер пронзила теплая волна благодарности. Жизнь в маленьком городке означала постоянное нахождение в окружении семьи и друзей, но в то же время Винтер чувствовала себя одинокой. Ее мать жестоко убили в результате бессмысленного преступления. Тем она отличалась от своих соседей. Тоня была одной из немногих, кто понимал, насколько тяжел этот день для Винтер.

— Тебе не нужно было этого делать. Ты уже подарила мне одну урну.

Тоня пожала плечами.

— Прошло несколько лет. Я подумала, что ты захочешь перемен.

— Это... — Слова застряли у Винтер в горле. Она проглотила комок. — Она идеальна. Спасибо.

Ее подруга сдвинулась с места, испытывая явный дискомфорт. Тоня могла создавать удивительные произведения искусства, но свои эмоции предпочитала скрывать под напускной грубостью.

— Да, да.

— Я серьезно, Тоня, — настаивала Винтер. — Не только урна, которая великолепна, но и память. Это много значит для меня.

Тоня нетерпеливо махнула рукой.

— Пора ехать. Слишком холодно, чтобы стоять здесь и трепать языками.

— Я найду в магазин завтра, и мы сможем поболтать без угрозы обморожения, — пробормотала Винтер.

Бережно держа урну в руках, она направилась к своему грузовику и завела двигатель. На сердце стало легче, чем обычно, когда она начинала свое ежегодное паломничество.

Ровно через три часа она добралась до Пайка, штат Висконсин, и проехала через линию кедровых деревьев, обозначающих край кладбища. Припарковав грузовик, Винтер подошла к могиле матери, которая находилась на участке, отведенном для семьи Херст.

Когда-то они были известной семьей в городе, благодаря чему заслужили впечатляющий мраморный мавзолей и большие деревья, дающие тень на всю территорию. Винтер не знала, когда Херсты потеряли свое состояние, но по размеру и изяществу

различных гробниц, разбросанных по участку, можно судить об их упадке.

С годами она определила, что последние богатства достались ее прабабушке и прадедушке. Их могилы украшали большие мраморные ангелы, вырезанные вручную, но не оказалось ни склепа, ни кованой ограды, чтобы защитить их от вандалов. Просто две могилы, зарытые в землю. На могилах ее бабушки и дедушки не имелось даже ангелов. Просто обычные мраморные надгробия, а у ее матери — еще скромнее. Если бы не красивая урна, которую Винтер аккуратно поставила на белую плиту и наполнила свежими цветами, могила казалась бы совсем безликой. Как будто человек под землей не стоил того, чтобы тратить время и средства на память о нем.

Когда Винтер была маленькой, она спросила отца, почему он решил похоронить ее мать в Пайке, а не в Ларкине, куда она могла легко приходить. Он ответил, что ее бабушка настояла на том, чтобы Лорел похоронили в родной земле, но в его словах чувствовалась та напряженность, подразумевающая, что он не сказал ей правду. По крайней мере, не всю правду.

Закончив вытирать грязь, скопившуюся на надгробии, Винтер провела некоторое время, рассказывая матери о последних событиях в своей жизни. Делиться было особо нечем. Только новости о ресторане и новом глушителе на пикапе. Ее жизнь не представляла собой ничего захватывающего. На самом деле, Винтер чуть не уснула, пытаясь припомнить что-нибудь интересное.

Может быть, ей стоит подумать о том, чтобы добавить немного остроты в свою личную жизнь, с грустью признала она. Ресторан теперь работал стабильно, а ее квартира полностью отремонтирована. Пора приложить немного усилий, чтобы привести в порядок себя.

Как она собиралась это сделать — вопрос, на который у Винтер не находилось ответа.

Еще нет.

Порыв ветра пронесся по воздуху, потрепав ее куртку и откинув волосы на лицо. С покорным вздохом Винтер поднялась на ноги и смахнула грязь с рук. В этом году холоднее, чем обычно. К тому же ей предстояла еще одна остановка, прежде чем она сможет вернуться под защиту своего грузовика.

Схватив пряди волос, она заправила их под куртку и пошла по узким дорожкам, разделявшим кладбище на участки. Оно не занимало много места, и более новые могилы располагались ближе к главной дороге. Винтер торопилась к кургану земли, который совсем недавно взрыли, когда с запозданием заметила высокого мужчину, стоявшего рядом с надгробием. Когда она приблизилась, он повернул голову, чтобы изучить ее, открыв бледные глаза, которые в сочетании с короткими светлыми волосами намекали на нордическое происхождение. Высокий и худощавый, он показался Винтер близким к ее собственным двадцати девяти годам.

— Вам помочь? — спросил он. Его интонация говорила о том, что он не просто вежлив. Он приготовился предложить любую помощь, в которой она могла нуждаться.

Винтер засунула руки в карманы своей куртки и пожалела, что не захватила перчатки из грузовика.

— Простите, я искала могилу шерифа Янсена, — сказала она.

— Это здесь. — Он кивнул в сторону участка, покрытого замерзшей землей. — Я его сын, Кир.

— Сочувствую вашей потере.

Он кивнул, посмотрев на нее с откровенным любопытством.

— Вы знали моего отца?

— Не совсем. Он расследовал убийство моей матери.

Кир нахмурился, как бы пытаясь вспомнить ее лицо.

— Ваша мать была из Пайка?

— Изначально. Ее звали Лорел Херст. По крайней мере, пока она не вышла замуж за моего отца, Эдгара Мура, и не переехала в Айову.

— Лорел Мур. — Он повторил имя; затем его глаза резко расширились. — Женщина, которую застрелили на старой автозаправке «Шелл».

Винтер вздрогнула.

— Да.

Ужасно, что жизнь ее матери теперь определялась ее смертью. Никто не вспоминал, что она была художницей с талантом к акварели. Или что она оставила карьеру, чтобы заботиться о муже и маленькой дочери. Всегда говорили «женщина, которую жестоко убили».

— Я помню ту ночь. — Кир медленно кивнул головой. — Мой отец привел вас к нам в дом.

Она посмотрела в сторону надгробия.

— Он был очень добр. Я все еще сидела в машине после... — Слова замерли на ее губах, но, сделав над собой усилие, Винтер заставила себя продолжить. Она не могла сказать Рудольфу Янсону, как сильно он помог ей той ночью, но могла поделиться своей благодарностью с его сыном. Она чувствовала, что ему будет приятно узнать, что его отец проявил к ней участие. — Он нашел меня и отвез к вам домой, чтобы моя бабушка могла поехать в больницу. Врачи все еще надеялись, что мою маму удастся спасти. — Грустная улыбка тронула ее губы, когда она вспомнила, как сидела на краю деревянного кухонного стула с тяжелой кружкой, зажатой в ее маленьких ручках. — Он сделал мне горячий шоколад и укутал в одеяло, пока не пришла бабушка, чтобы забрать меня к себе домой. — Она покачала головой, встретив прямой взгляд Кира с грустной улыбкой. — Он помещивал горячий шоколад мятной палочкой. Странно, что такие вещи остаются в памяти. Я почти ничего не помню о той ночи, но горячий шоколад и мятная палочка запомнились мне так ярко, как будто это случилось вчера.

— Вы правы. — Выражение его худого, красивого лица стало мрачным. — Полученные травмы творят очень странные вещи с нашим разумом.

Его голос звучал резко, как будто он недавно пережил потрясение, и она смутно вспомнила, что в Пайке совсем недавно случились какие-то трагедии.

Винтер потянулась, чтобы слегка коснуться его руки.

— Шериф Янсен был хорошим человеком.

— Да. — Кир нахмурился, наклонив голову, как будто его осенила внезапная мысль. — Вы знаете...

— Что?

— Я потихоньку разбираю отцовские коробки. Медленно — вот главное слово, — сказал он. — И вот наткнулся на конверт с именем вашей матери на лицевой стороне.

Винтер от удивления отдернула руку и моргнула.

— Что в нем?

— Я не знаю, но он лежал вместе с документами, которые отец принес домой из офиса шерифа после выхода на пенсию, так что могу предположить, что это как-то связано с этим

делом.

— Дело закрыли давным-давно, — отметила она. — Просто случайное ограбление, которое закончилось фатально плохо. Расследование закончено.

Кир покачал головой, прежде чем Винтер замолчала.

— Если преступника так и не поймали, и не осудили, то, по словам моего отца, дело нельзя закрывать. Он проводил свои отпуска, просматривая старые отчеты в надежде, что мог что-то упустить.

— Человек, преданный своему делу.

Губы Кира искривились.

— До самого конца, — проговорил он с болью в голосе. Затем покачал головой, как бы отгоняя плохие воспоминания. — Хотите посмотреть?

Винтер вздрогнула, когда порыв ветра прошелся холодком по ее позвоночнику. А может быть, это просто нахлынули воспоминания о том, что случилось с ее матерью двадцать пять лет назад. В конце концов, одно дело — посетить могилу и положить свежие цветы. И совсем другое — копаться в ужасных воспоминаниях о том, как испуганным ребенком она сидела на заднем сиденье машины, когда ее матери выстрелили в упор четыре раза в грудь.

— Я не уверена, — прошептала она.

— Господи, простите меня. — В его чертах застыло сожаление. — Последнее, чего вы, наверное, хотите, это чтобы вам напоминали о той ночи.

Винтер отмахнулась от извинений Кира.

— Обычно я не трачу время на то, чтобы вспоминать об убийстве, — призналась она. — Но я стараюсь не забывать о ней. Я была так молода, когда мама умерла, что у меня не так много воспоминаний. Поэтому я здесь. Сегодня годовщина ее смерти. — Она оглянулась на могилу рядом со своими ногами. — И поскольку я слышала о вашем отце, захотела воспользоваться возможностью попрощаться с шерифом.

— Дам вам время подумать об этом, — пробормотал Кир. — Я буду весь день в доме отца, пытаюсь починить крышу, которая решила протечь посреди ночи. Это двухэтажный дом с зелеными ставнями в нескольких кварталах к северу отсюда. Просто двигайтесь по Олсон-стрит и поверните налево на Четвертую. Вы его не пропустите.

— Спасибо.

Винтер стояла неподвижно, как статуя, пока Кир уходил, ее живот сводило от странного беспокойства.

Этот день всегда давался ей нелегко, но обычно он не сопровождался какими-то трудностями.

Сейчас она чувствовала себя так, словно стояла на краю пропасти. Сядет ли она в свой грузовик и вернется к комфорту привычной рутины? Или совершит прыжок в неизвестность?

Глава 2

В

интер крепко спала, когда звук чего-то стучащего за дверью мотеля вырвал ее из беспокойного сна. Она заставила себя открыть глаза, гадая, не идет ли там какое-то строительство. Звук напоминал работу отбойного молотка.

Сдвинувшись на мягком матрасе, она натянула одеяло на голову, но стук продолжался. Более того, он стал громче.

Кроме того, кто-то звал ее по имени.

Какого черта?

Скатившись с кровати, Винтер, спотыкаясь, отодвинула край занавески. Она дважды моргнула, прогоняя помутнение из глаз, и выглянула наружу.

Было уже достаточно поздно, солнце поднялось над горизонтом, заливая бледным солнечным светом усыпанную гравием парковку. Винтер повернула голову и посмотрела на темную фигуру, стоящую перед ее дверью.

Ноа Хеллер.

Его вид поразил ее с ошеломляющей силой. Не только потому, что он последний человек, которого она ожидала увидеть стучащим в дверь ее номера в мотеле, но и потому, что он как раз из тех мужчин, которые вызывают у женщин реакцию «удар под дых».

И дело не только в его фигуре ростом в шесть футов, которую подчеркивали мускулы, наработанные физическим трудом в качестве офицера по охране природы. И не в загорелом лице с чертами, выточенными до сурового совершенства. Или темных глазах, в которых читалась властность, не сопоставимая с его тридцатью одним годом.

Дело в силе его присутствия. Как будто он носил с собой свое личное силовое поле, которое захватывало и удерживало внимание. Не поверхностная харизма кинозвезды. Или хитрое обаяние продавца. Ноа Хеллер обладал глубоким, резонирующим магнетизмом, абсолютно естественным и неотразимым.

Откинув с лица спутанные волосы, Винтер поспешно натянула брюки и свитер. Она не взяла с собой сумку, поэтому ей пришлось надеть ту же одежду, что и вчера.

Приведя себя в приличный вид, она распахнула дверь и с недоумением посмотрела на друга.

— Ноа? — взглянув через его плечо, она увидела зеленый джип, припаркованный рядом с ее грузовиком. — Что случилось?

Он засунул руки в передние карманы джинсов, отчего его мощные мышцы вздулись под утепленной фланелевой рубашкой. Для того чтобы Ноа надел простую куртку, должно стать ну очень холодно.

— Все в порядке. По крайней мере, дома все в порядке, — заверил он Винтер, его темный взгляд прошелся от ее спутанных волос до пальцев ног. — Меня больше беспокоит то, что происходит здесь.

Она выдохнула, даже не подозревая, что сдерживает дыхание. Часть ее существа всегда подспудно ожидала катастрофы. Ее психотерапевт сказал, что это реакция на травму, полученную в детстве. Лично Винтер считала, что это просто благоразумие.

Надеяться на лучшее и готовиться к худшему, верно?

— С чего бы тебе беспокоиться?

— Я заходил к тебе в квартиру, но тебя там не оказалось, и я позвонил твоему отцу. Он сказал, что ты останешься в Пайке.

Винтер помрачнела. Она совсем забыла, что к ней собирался зайти Ноа с бутылкой ее любимого вина. Наряду с Тоней, он был одним из немногих, кто знал, что она ежегодно ездит в Пайк, чтобы навестить могилу матери. Когда ее клиенты спрашивали, почему она всегда закрывает ресторан на второй неделе апреля, Винтер отвечала, что это для того, чтобы сделать ремонт и обновить оборудование. Она не хотела, чтобы кто-то вторгся в ее личное горе.

С Ноа все иначе.

Он был не только другом, но и пережил свою собственную трагедию, когда его родители погибли в аварии, устроенной пьяным водителем. Ноа тогда было всего

четырнадцать лет. Они оба пережили утрату, которую другие не могли понять.

— Это не объясняет, почему ты стучишь в мою дверь в... — Она подняла руку, чтобы взглянуть на часы. Ее глаза расширились от шока. — Черт, уже десять часов?

— Ты приезжаешь сюда с шестнадцати лет, но никогда не остаешься, — проговорил он. — Я волновался.

Винтер с трудом пыталась сосредоточиться на его словах. Ее мозг все еще путался от долгих часов, которые она провела, ворочаясь на жестком матрасе.

— Как ты меня нашел?

Его губы скривились в улыбке.

— В Пайке всего два мотеля и один пансион. Не нужно быть гением, чтобы разыскать тебя.

Звук шин, скрипящих по гравию, вывел Винтер из оцепенения. Ноа проехал три часа, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Он проявил гораздо больше заботы, чем ее собственный отец. Когда она позвонила и сказала, что останется в Пайке, отец пробормотал что-то невнятное и быстро прервал связь. Он даже не вспомнил, что сегодня годовщина смерти его жены.

По правде говоря, доктор Эдгар Мур не интересовался ничем, кроме преподавания литературы в местном колледже в Ларкине и коллекционирования старых рукописей.

Она отступила назад.

— Заходи.

Ноа быстро вошел в комнату, его брови приподнялись, пока он оглядывал тесное пространство с дешевой мебелью. Здесь стояла узкая кровать и один комод с прикрученным к нему портативным телевизором. Потолок подпирали балки, которые выглядели так, будто их сделали из пенопласта, а на стенах красовались облупившиеся психоделические обои.

— Фу... — Он вздрогнул, оборачиваясь кругом. — Явно не эта великолепная гостиничная обстановка соблазнила тебя задержаться в Пайке.

Винтер вдыхала теплый запах сосны, исходивший от Ноа. Она не думала, что это одеколон, просто свежий аромат, которым он благоухал, проводя так много времени на свежем воздухе.

— Ну, не знаю, похоже на интерьер в сериале «Семейка Брэди», — поддразнила она, кивнув в сторону оранжево-фиолетового и лаймово-зеленого пледа, который сбросила на пол. — Или, может быть, на коробку с расплавленными мелками.

Он улыбнулся ей в ответ. Они всегда легко общались друг с другом. Еще с тех пор, как познакомились на групповой терапии по преодолению горя, когда ей было четырнадцать, а ему шестнадцать. Это одна из причин, почему они никогда не встречались. Любовников найти несложно. И еще легче потерять. Хорошего друга обрести гораздо труднее. И намного ценнее.

— Похоже на обстановку в доме моей бабушки, — пробормотал Ноа.

— Да, и как у моей. Наверное, в семидесятых в Пайке проходила распродажа ковров из лохмотьев авокадо.

Ноа помрачнел.

— Надеюсь, тот, кто их продавал, обанкротился. Мне бы не хотелось думать, что это может вернуться в стиле ретро-шик.

Винтер фыркнула.

— Не в каждом доме могут быть полы, стены и балки из дерева, — сказала она, имея в

виду домик, который Ноа построил рядом с озером в нескольких милях к северу от Ларкина.

— Почему нет?

Она указала на край кровати.

— Садись.

В комнате не стояло стульев, и Винтер не хотела, чтобы Ноа возвышался над ней, когда она будет объяснять, почему осталась в Пайке, а не вернулась домой.

Он не виноват. Просто она была маленького роста, а комната слишком тесная.

— Да, мэм. — Он присел на край матраса и уставился на нее с любопытством. — Теперь расскажешь?

Она поспешила схватить манильский конверт, который бросила на стойку рядом с раковиной в ванной около трех часов ночи. Только так ей удалось перестать смотреть на него, чтобы попытаться заснуть.

Вернувшись и встав перед Ноа, она сунула конверт ему в руку.

— Вот.

Его взгляд оставался прикованным к ее лицу. Мог ли он увидеть напряжение, от которого ее лицо застыло? Возможно.

— Что это? — спросил Ноа.

Винтер облизала губы. Они были сухими и потрескавшимися.

— Прежде чем уйти с кладбища, я решила найти могилу шерифа Янсена.

Ноа нахмурился, как бы отыскивая в памяти это имя.

— Это тот человек, который расследовал убийство?

Теплая волна разлилась по Винтер. Ноа обладал длинным списком достоинств. Он был умным, верным, преданным своей работе офицером по охране природы и порядочным членом общества.

О, и великолепным.

А еще он оказался первым человеком в жизни Винтер, который действительно прислушивался к ее словам. Тот факт, что он вспомнил шерифа Янсена, доказывал, насколько внимательно он к ней относится.

— Да. Он умер пару месяцев назад, — пояснила она. — Пока была там, я познакомилась с его сыном, Киром.

— Ты осталась не поэтому. — Голос Ноа прозвучал странно ровно.

Она покачала головой.

— Нет. Он сказал мне, что у его отца есть конверт с именем моей матери на лицевой стороне. И спросил, хочу ли я его забрать

— Очевидно, ты захотела.

— Я сомневалась. Даже после того, как заехала к нему домой, чтобы забрать его, я несколько часов сидела в своем грузовике, раздумывая, хочу ли посмотреть, что внутри. — Винтер припарковалась на подъездной дорожке, окоченев от холода и темноты, ползущей по тихому району, прежде чем, наконец, открыла конверт и достала то, что находилось в нем.

— Любопытство победило?

— К сожалению.

— Почему ты так говоришь?

— Посмотри сам.

Медленно Ноа открыл клапан и наклонил конверт. Он потряс его, чтобы вытряхнуть фотографию 8x10, которая хранилась внутри. Винтер шагнула в сторону, чтобы снова

взглянуть на зернистую черно-белую фотографию, которая преследовала ее во снах.

Нечеткое изображение стройной женщины, стоящей рядом с белым внедорожником с открытой водительской дверью. На ней было дизайнерское пальто длиной до колена и кожаные сапоги на трехдюймовом каблуке. Длинные роскошные светлые волосы обрамляли ее бледное лицо, которое даже на расстоянии, размытое из-за плохого качества фотографии, поражало своей красотой. По другую сторону от женщины виднелись очертания бензоколонки, а над ней располагался навес, где флуоресцентные лампы боролись с темнотой, окружавшей заправочную станцию.

Ноа поднял голову, чтобы встретиться с встревоженным взглядом Винтер.

— Это с той ночи, когда напали на твою мать?

— Да. Это кадр с записи камеры наблюдения.

— Господи.

***

Незнакомец простоял возле мотеля всю ночь. В ожидании. Наблюдая.

В ежегодном паломничестве произошла загадочная перемена. Раньше Винтер приезжала в Пайк, чтобы посидеть у могилы матери. Иногда она задерживалась на час или два. Если погода была хорошей, она оставалась на весь день.

Незнакомец наблюдал за ней из зарослей кедров, наслаждаясь возможностью вспомнить. И, возможно, позлорадствовать. Нет, не злорадствовать. Не совсем верное слово. Чтобы... почувствовать. Да. После бесконечных дней серого, унылого небытия, это редкий шанс вспомнить гудящее возбуждение, которое когда-то вносило в его жизнь яркие краски.

Никто не знал правды о том, что произошло в ту роковую ночь. Никто, кроме Незнакомца. Это настолько большая тайна, что она должна оставаться глубоко похороненной.

На глубине шести футов.

Этот год сложился по-другому. Винтер отдала дань уважения и принесла новую урну, наполненную свежими цветами. Затем она почистила мраморное надгробие, прежде чем пройти по кладбищу. Прогуливалась ли она просто так, чтобы размять ноги? Нет. Она остановилась у одной могилы, чтобы поговорить с мужчиной.

Незнакомец продолжал наблюдать. И следовать. И ждать.

Любопытство сменилось тревогой, когда Винтер вошла в небольшой обшарпанный дом в нескольких кварталах от кладбища, а затем быстро вернулась к машине с манильским конвертом, крепко зажатым в руке.

Незнакомец не знал, что находилось внутри, но это изменило традицию Винтер, нарушив покой Незнакомца.

Перемены никогда не приводили к добру.

Никогда.

Глава 3

Ноа не знал, чего именно ему ожидать, когда сел в свой джип, чтобы отправиться в Пайк.

Он встревожился прошлым вечером, когда пришел в квартиру Винтер и обнаружил, что там темно и все наглухо заперто. Не только потому, что не хотел, чтобы она ехала так далеко одна и в грузовике, который сама называла «темпераментным», а он считал «смертельной ловушкой». Винтер ведь знала, что он будет ее ждать. По традиции, которую они завели на

ее шестнадцатый день рождения. Она ехала в Пайк, чтобы посетить могилу матери, а он ждал ее, чтобы утешить.

Его беспокойство усилилось, когда она не ответила на его звонки или сообщения. В конце концов он связался с профессором Муром. Тот сказал, что Винтер проведет ночь в Пайке. Он не знал почему, и даже не был в курсе, когда она планирует вернуться, но, по его словам, с Винтер все в порядке.

Ноа не чувствовал такой уверенности.

Шоссе между Ларкином и Пайком содержалось в хорошем состоянии, но на протяжении бесконечных миль не встречалось ничего, кроме кукурузных полей. Что, если бы машина Винтер сломалась? Всегда оставалась вероятность, что ее телефон мог разрядиться. Или же, что она не сможет дозвониться. Любой, кто жил в отдаленных районах Айовы и Висконсина, знал, что сотовые телефоны не всегда надежны.

Он чувствовал, что должен убедиться, что с Винтер все в порядке.

И даже после того, как добрался до Пайка и обнаружил грузовик Винтер возле дешевого мотеля, Ноа не успокоился. Он должен ее увидеть.

Почему? Об этом он предпочитал не задумываться.

Теперь он в замешательстве смотрел на размытую фотографию.

— Неудивительно, что ты расстроилась. Зачем шерифу хранить этот снимок?

— Посмотри на обороте, — потребовала она.

Ноа перевернул фотографию и изучил слова, нацарапанные неровным почерком.

— *«Сумочка у него. Зачем ее убивать?»* — прочитав вслух, он поднял голову и озадаченно нахмурился. — Что это значит?

Наклонившись, Винтер выхватила фотографию из его рук и перевернула ее обратно. Ноа мгновенно ощутил ее мягкий женский запах. Он почувствовал знакомую искру узнавания. Не имело значения, что от Винтер не пахло привычным ароматом теплого хлеба и трав, который прилипал к ее коже после долгого утра на кухне. Она по-прежнему вызывала восторг. Ему приходилось регулярно напоминать себе, что она — друг, и не более того.

— Смотри. — Винтер указала на центр фотографии, к счастью, отвлекая его от опасных мыслей. — У грабителя мамина сумочка и свободный путь к спасению. Зачем ему стрелять в нее?

Ноа пожал плечами.

— Наверное, он боялся, что она его узнает.

— Его лицо закрыто.

Ноа присмотрелся. Разглядеть мужчину, стоявшего наискосок от матери Винтер, удавалось с трудом. Он держался в тени заправочных автоматов, но Ноа мог смутно различить, что мужчина на несколько дюймов выше своей жертвы и одет в пуховик, из-за которого невозможно определить, худой он или толстый. Он также разглядел, что на голове грабителя натянута лыжная маска.

— Это не значит, что она не могла определить его голос, — заметил Ноа, стараясь сохранить разумный тон. В животе у него образовался узел. У Ноа вдруг появилось плохое предчувствие относительно того, почему Винтер осталась в Пайке. — А может, он под кайфом. В меня стрелял мужик, потому что был пьян и не хотел, чтобы я сообщил его жене, что он рыбачил вместо того, чтобы быть на работе.

— А может, не существовало никакой причины, — согласилась она. — Я понимаю, что эта фотография не дает ответов. Только еще больше вопросов.

Ноа медленно поднялся на ноги, рукой убирая с ее щеки спутанные светлые волосы. Винтер никогда не была элегантной, утонченной женщиной. Она не носила дизайнерскую одежду и не проводила часы в салоне, укладывая волосы или крася ногти. Одна из его бывших подруг назвала ее представительницей богемы, и он понял, что это слово как нельзя лучше подходит Винтер.

Она была неординарной, творческой и эфемерной, как летний туман. Кроме того, она, как и он, занималась защитой окружающей среды. Он поразился решению Винтер построить теплицы на ферме ее деда и использовать урожай для своего ресторана, а также фермерского рынка. Другие жители города высмеивали ее «хипстерский» стиль, утверждая, что добропорядочные, солидные люди из Ларкина никогда не будут наслаждаться вишневым чатни на своих сэндвичах или вегетарианским хашем на завтрак.

Они ошибались.

Уже через год бизнес Винтер процветал так, что другие рестораны города могли только позавидовать.

Добиться такого успеха Винтер стоило больших трудов. Он не собирался допустить, чтобы что-то ее отвлекало.

— Не делай этого, Винтер, — прошептал он мягко.

— Чего не делать?

Ноа провел ладонью по ее щеке. Но это не походило на ласку. Не совсем. Скорее, успокаивающий жест, хотя он и не мог удержаться, чтобы не насладиться ощущением ее атласной кожи.

— Ты смирилась со смертью матери. Ты построила прекрасную жизнь и бизнес, — напомнил он ей. — И что еще важнее, ты стала женщиной, которой твоя мать могла бы гордиться.

Винтер посмотрела на фотографию, зажатую в руке.

— Думаешь, мне стоит выкинуть ее в мусорное ведро?

— Я потратил годы, пытаюсь найти причину смерти своих родителей. Мысль о том, что это был просто обычный несчастный случай, так меня злила.

Она кивнула.

— Я помню.

Его губы скривились. Она имела в виду его вспышки во время посещения группы психологической поддержки. Это лишь верхушка айсберга. Его бедная бабушка годами терпела раздражительные настроения Ноа и намеренные попытки нанести удар по всему и всем, кто пытался приблизиться к нему.

— Ты также должна помнить, что только когда я признал, что судьба зачастую несправедлива, что хорошие люди умирают, а дерьмовые живут, и что в этом нет ни смысла, ни причины, — только тогда у меня получилось оставить прошлое позади, — сказал он.

— Это ужасно.

— На самом деле это освобождает, — настаивал Ноа. — Мне больше не нужно проводить ночи без сна, пытаюсь понять, за что меня наказали. Или бояться, что если я не буду достаточно хорош или умен, то у меня отнимут кого-то, кого я люблю.

На лице Винтер промелькнуло сожаление о том, что она заставила вспомнить своего друга его болезненное прошлое.

— Я понимаю. Правда, понимаю. — Она покачала головой. — Но это совсем другое.

Ноа боролся со своим желанием продолжить спор. Винтер была доброй, нежной и

упрямой, как мул.

— Почему?

Печаль коснулась ее лица.

— Я не виню себя в смерти матери.

— Но?

— Но хочется понять, не было ли здесь чего-то большего, чем просто случайное ограбление.

— Разве это имеет значение?

Она сделала паузу, как будто действительно обдумывая его вопрос.

— Да, — наконец произнесла Винтер. — Имеет.

Ноа сопротивлялся желанию схватить фотографию и смыть ее в унитаз. Не существовало никакого способа заставить Винтер забыть о том, что она видела. Он должен как-то убедить ее перестать копаться в прошлом.

— Знаешь, когда я только начал посещать групповые консультации, я завидовал тебе.

Винтер посмотрела удивленно.

— Почему?

— Потому что ты оплакивала свою мать, но приняла ее смерть, — признался Ноа. — Ты не искала постоянно ответы на вопросы, почему она умерла.

— Мне было четыре года, когда она погибла. Я долго не понимала, что она не вернется домой. — Винтер пожала плечами. — Я слишком активно училась расти без мамы, чтобы задаваться вопросом, почему ее у меня забрали.

— Так зачем искать ответы сейчас? Это не изменит прошлого.

— Нет, но я могу изменить свое будущее.

— Не думаю, что это хороший путь.

Она вздохнула.

— Перестань быть таким разумным.

Он провел пальцами по ее щеке, прослеживая линию подбородка.

— Что ты хочешь от меня?

— Чтобы ты выслушал.

Ноа заставил себя кивнуть. Как бы он ни хотел настаивать на том, что ничего хорошего не может быть от срывания струпов со старых ран, он не ее врач. Он был другом Винтер. А друзья всегда готовы слушать.

— Я могу это сделать.

Винтер отступила назад, держа в руках фотографию.

— Шериф Янсен хранил этот снимок двадцать пять лет. Почему?

— Так ведь преступника так и не поймали? Возможно, шериф думал, что это поможет в конечном итоге опознать убийцу.

Она указала на нечеткий контур грабителя.

— Ноа, эта фигура на фотографии — не более чем темное пятно. На видео должно быть изображение получше, — настаивала она. — И почему вопрос на обороте? Он явно считал, что в стрельбе есть что-то странное.

Ноа нахмурился. Она права? На этом снимке преступник направил пистолет на Лорел Мур, в его свободной руке отчетливо виднелась ее сумочка. Лорел подняла руки вверх, как бы заверяя грабителя, что не собирается доставлять неприятности. Ему не составило бы труда развернуться и исчезнуть в окружающей темноте.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

— Я не уверена. — Винтер пожевала нижнюю губу. — Жаль, что шериф уже умер.

— Почему бы нам не вернуться в Ларкин, и ты сможешь подумать об этом? — предложил Ноа. Оказавшись дома, Винтер могла бы оставить прошлое там, где ему и место. В прошлом.

Она покачала головой.

— Сперва я хочу поговорить с Тилли Лиддон.

— Кто это?

— Она работала кассиром на станции в ту ночь, когда застрелили мою мать, — объяснила Винтер.

— Почему ты хочешь поговорить с ней?

— Когда я читала полицейский отчет...

— погоди, — перебил он, испытывая шок. — Ты читала полицейский отчет?

Винтер кивнула, как будто для нее совершенно естественно ознакомиться с мельчайшими подробностями убийства матери.

— Я нашла его в кабинете моего отца. Я очень любопытна.

Он прищелкнул языком.

— Ты же знаешь, что говорят про чрезмерное любопытство.

Она лучезарно улыбнулась.

— Я такая, какая есть.

Так и было. Винтер обожала читать, путешествовала по историческим местам, когда у нее появлялось время, и посвятила себя тому, чтобы относиться к своим клиентам так, как будто они ее семья.

— Объясни толком, что тебя беспокоит в кассирше.

— Она утверждала, что находилась на станции одна и что отлучилась в подсобку, — сказала Винтер. — Только услышав выстрелы, она поняла, что совершено преступление, и выбежала на улицу, чтобы обнаружить мою мать мертвой, а грабителя уже и след простыл.

— И?

Винтер подняла фотографию и указала на заправку на заднем плане. Здание выглядело едва ли больше сарая с огромным окном, на котором красовалась надпись «Шелл», и стеклянной дверью.

— Что за человек выглядывает из окна?

***

Винтер почувствовала напряжение Ноа, хотя и не совсем поняла причину. Ладно, возможно, она просто заблуждалась. Никогда не возникало причин подозревать, что смерть ее матери стала чем-то иным, кроме как цифрой статистики. Еще одна жертва бессмысленного преступления.

Только после того, как она открыла конверт.

Тем не менее, это не походило на дикие обвинения или поспешные выводы. Винтер согласилась с Ноа, что существует дюжина причин, по которым преступник мог нажать на курок. Страх. Наркотики. Безумие...

Но она никак не могла вернуться в Ларкин, не задав несколько вопросов. Шериф Янсен был опытным законником. Если его что-то насторожило на фотографии, то она обязана по крайней мере попытаться узнать больше о том, что произошло той ночью.

Зайдя в офис мотеля, чтобы выписаться, Винтер спросила дорогу к дому Тилли Лиддон. Женщина средних лет без колебаний предоставила подробный маршрут с приятной улыбкой, несмотря на убийства, которые недавно опустошили Пайк. Маленькие города никогда не меняются.

Через десять минут Винтер остановила свой грузовик перед небольшим домиком из каркасных конструкций с узким крыльцом и боковым настилом, покосившимся под тяжестью коробок, пластиковых контейнеров и по меньшей мере двух заплесневелых матрасов.

— Должно быть, это здесь, — пробормотал Ноа, наклонившись вперед, чтобы выглянуть в лобовое стекло.

Винтер сморщила нос. Даже при свете утреннего солнца она почувствовала, как по ней пробежала мелкая дрожь.

— Какое грустное зрелище, правда?

Ноа бросил на нее озадаченный взгляд.

— Дом?

— Да.

— Я не уверен, что испытываю при этом какие-то эмоции, но признаю, что он выглядит запущенным.

Винтер продолжала изучать окна, закрытые плотными шторами, и двор, захламленный мусором.

— Дома сами по себе просто здания, но они отражают людей, которые живут в них, — настаивала она. — Этот дом печальный. Запущенный. Нелюбимый.

Он окинул ее внимательным взглядом, снисходительное веселье смягчило его черты, прежде чем Ноа вышел из грузовика и направился к крыльцу.

— Пойдем посмотрим, что она скажет.

Винтер пришлось спешно догонять друга, прежде чем он постучал в дверь. Изнутри послышался звук включенного телевизора, достаточно громкий, чтобы просочиться сквозь тонкие стены, но ответа не последовало. Ноа постучал снова. И снова.

— Господи, нельзя что ли подождать, — раздался голос перед тем, как входная дверь рывком открылась.

На пороге стояла женщина ростом ненамного выше Винтер, в старом халате до колен и поношенных тапочках. Ее вьющиеся волосы были выкрашены в черный цвет, а на худом лице виднелись глубокие морщины, свидетельствующие о многолетнем курении. Она настороженно посмотрела на Ноа, а затем на Винтер.

От нее пахло сигаретным дымом, кофе и затхлым сожалением.

— Да? — потребовала она хриплым голосом. Как будто женщина разучилась говорить.

— Тилли Лиддон? — спросила Винтер.

— Ну, я Тилли. — Хозяйка дома, которой на вид было около пятидесяти лет, нахмурилась. — Полагаю, вы из офиса шерифа? — Она не стала дожидаться ответа Винтера. — Скажите этой сучке, чтобы она от меня отвязалась. Я жду мусорный контейнер, чтобы начать уборку.

— Я не из офиса шерифа, — заверила ее Винтер.

— О. — Тилли нахмурила брови, а затем резко и некрасиво рассмеялась. — Тогда, полагаю, вы хотите выжать из меня деньги на какое-то бесполезное дело. Не повезло. Мне нечего отстегнуть.

Винтер покачала головой.

— Я здесь не ради денег.

На лице Тилли появилась настороженность.

— Тогда чего ты хочешь?

— Я надеялась, что смогу задать вам несколько вопросов.

— Это какое-то исследование? — Хмурый взгляд сменился внезапным приливом жадности. — Мне заплатят? Я не возьму меньше двадцати пяти баксов. Мое время стоит того.

Винтер снова покачала головой.

— Я Винтер Мур.

— И что? — усмехнулась Тилли. — Это должно что-то для меня значить?

— Моей матерью была Лорел Мур. — Тилли растерянно заморгала при упоминании этого имени, и Винтер вздохнула. Существовал только один способ оживить память женщины. — Ее застрелили на заправке, где вы работали двадцать пять лет назад.

Тилли вздрогнула, как будто Винтер физически ее ударила.

— Что это значит? — зашипела она. — Какая-то шутка?

— Нет, мисс Лиддон. Я в Пайке, чтобы навестить могилу моей матери...

— Послушай, я собираюсь сказать тебе то же самое, что говорила этому проклятому шерифу все сто раз, когда он меня допрашивал, — перебила Тилли, ее шок сменился уродливым гневом. — Я ничего не видела. Я была в подсобке, когда этот ублюдок застрелил твою мать. Извини, я ничем не могу тебе помочь.

Винтер не знала, чего она ожидала. Возможно, спутанные воспоминания после того, как прошло столько времени. Или даже нежелания обсуждать событие, которое, наверняка, глубоко травмировало всех участников.

Но не такой ярости.

Неужели Тилли боялась, что Винтер винит ее в том, что она ничего не сделала, чтобы защитить ее мать?

Винтер вытащила фотографию из конверта, который сжимала в руке.

— У меня есть фотография.

— Что ж, тебе повезло. — Тилли отступила назад, ее лицо покраснело, а глаза потемнели от эмоций, которые Винтер не могла прочитать. — У меня есть дверь. И замок.

Винтер поспешно протянула руку, помахав фотографией перед носом Тилли.

— Это снято незадолго до того, как мою мать застрелили. Кто-то стоит в окне и наблюдает за происходящим.

Тилли напряглась, ее взгляд инстинктивно опустился на фотографию, которая почти касалась ее носа.

— Я ничего не вижу, — пробормотала она.

Винтер потянулась, чтобы указать на заправочную станцию.

— Вон там.

— Это тень.

— Это вы, — настаивала Винтер.

Тилли грубо отпихнула руку Винтер.

— Ты этого не докажешь.

— Я нет, но фотография может. Все, что мне нужно сделать, это увеличить ее, а потом почистить. Сейчас есть программное обеспечение, которое может творить чудеса со

старыми фотографиями. — Винтер утверждала это больше с бравадой, чем на основе фактов. Она читала статью о приложениях, способных исправить размытые фотографии, но понятия не имела, как они работают и насколько хороши.

Тилли облизала губы, потянулась к карману халата, чтобы достать пачку сигарет.

— Наверное, кто-то зашел на станцию, пока я находилась в подсобке.

— Кто? — настаивала Винтер. — Вы, конечно, видели, когда слышали выстрелы и вышли, чтобы узнать, что случилось.

— Убирайся, — огрызнулась Тилли, отступая назад.

— Но...

Дверь захлопнулась перед лицом Винтер. Рядом с ней Ноа негромко выругался и, схватив ее за руку, потянул обратно к грузовику.

— Она врет, — заявила Винтер, своим тоном бросая ему вызов, не позволяя отрицать очевидную истину.

Ноа поморщился, оглянувшись на захламленный дом.

— Да. Похоже.

Глава 4

Тилли зажгла сигарету и нервно затянулась, прохаживаясь между стопками журналов и пустыми коробками из-под пиццы. Ей не следовало открывать дверь.

Какая ирония, правда.

Уволившись с работы на заправке двадцать пять лет назад, она получила инвалидность и спряталась в этом доме. Она отвергала все попытки друзей и семьи уговорить ее уехать, разве что в самых тяжелых обстоятельствах. Тогда же она потеряла интерес к ведению домашнего хозяйства.

Она всегда была грязнулей. Она работала долгие часы на ногах; кто мог винить Тилли, если последнее, что ей хотелось делать, это мыть полы или чистить туалеты? Но только после стрельбы все пошло кувырком. У нее появилось свободное время для уборки, но мысль о том, чтобы справиться с растущими кучами мусора, вызывала тоску. К тому же возникало странное чувство безопасности, когда журналы возвышались все выше и выше, а мешки, набитые мусором, загораживали окна. В конце концов, она ограничилась одним небольшим местом на диване, откуда просматривался телевизор. И узкой дорожкой, ведущей в ванную.

Тилли спряталась. От воспоминаний о том, что произошло той ночью.

И так она цеплялась за свое дерьмо, пока проклятый шериф не пришел и не постучал в ее дверь.

Только это был не старый шериф. Не тот, который донимал ее вопросами об убийстве. Вместо него явилась молодая женщина с мерзким характером, которая пригрозила выселить Тилли, если она не наведет порядок в доме.

По словам шерифа, соседи жаловались на крыс и запах гниющего мусора.

Тилли рассвирепела.

Это ее дом. Она унаследовала его после смерти родителей. Она могла делать с ним все, что хотела. Это же Америка, так? Страна свободных?

Вот только шериф начала бросаться такими словами, как «городские штрафы», «пожарные» и «конфискация» ее дома.

Мысль о том, что ее заставят покинуть свою крепость и оставят без защиты... Это приводило Тилли в ужас.

Поэтому, когда несколько минут назад раздался стук в дверь, она заставила себя

ответить. Она не могла позволить себе разозлить власти. Ее пальцы дрожали, когда она глубоко затянулась сигаретой, наполняя легкие горячим дымом и ощущением спокойствия.

— Все будет хорошо, — пробормотала Тилли, ее голос скрипел, как неиспользованный шарнир. Она поморщилась, делая еще одну затяжку. — Просто хорошо.

***

Незнакомец наблюдал, как грузовик отъезжает, а затем проскользнул мимо кучи хлама, охранявшей боковую дверь.

Это никак не входило в его планы. Тилли Лиддон давно и благополучно молчала. Но все изменилось. Погребенные тайны зашевелились, гнойные тени грозили выползти из могилы.

Как Незнакомец мог положиться на Тилли?

Отрицания, которые он слышал несколько минут назад, казались искренними, но в ее голосе звучал страх.

При правильном давлении Тилли расколется.

Риск, который необходимо устранить.

Незнакомец предпочитал не замечать дрожь от предвкушения. Или удовольствия, которое прогнало унылую серость.

Дело есть дело.

***

Закусочная вовсе не копировала ретро стиль. Она просто была старой. И мрачной.

Заведение представляло собой длинное, узкое помещение с кабинками с одной стороны и столиками возле окон. Кафельный пол выцвел до странного тыквенного оттенка, а стены покрывали бамперные наклейки, собранные за последние пятьдесят лет: НЕ ТЫКАЙ МЕДВЕДЯ. УЛЫБНИСЬ. БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ. МОЯ ВТОРАЯ МАШИНА — ФЕРРА. На кассе стоял стеклянный холодильник, наполненный пирогами с безе и лимонными батончиками, а из кухни пахло жиром.

Тем не менее, здесь оказалось достаточно чисто, нехотя признала Винтер, а за столиками сидело немало клиентов, несмотря на то, что сейчас всего одиннадцать утра.

Сидя за столиком у заднего окна, она наблюдала, как Ноа морщит нос и отталкивает от себя наполовину съеденный гамбургер.

— Не сравнивать с обедами, которые ты подаешь, — пробормотал он. — Сухой, как картон.

Она закатила глаза, но внутри почувствовала самодовольное удовольствие от его слов. Ее ресторан был ее детищем. Ее гордость и радость.

— Не каждое место может быть «Винтер Гарденом».

— К сожалению, это правда. Но они могли бы приложить побольше усилий. — Он взял в руки картошку фри, покачивая головой, пока картошка болталась в его пальцах.

Винтер оттолкнула свою тарелку. Жареный сыр не так уж плох. Но он не был и вкусным.

Пригодно к употреблению. Так сказал бы ее отец. В его мире все вещи выполняли свои функции, были эффективными и адекватными. Для профессора английского языка он отличался удивительной педантичностью. Все ровно, спокойно, серо.

Винтер, напротив, видела мир в ярких зеленых, желтых и голубых тонах.

— Как думаешь, почему она соврала?

Ноа барабанил пальцами по столу. Он не стал притворяться, что не понял ее резкого вопроса.

— Мое первое предположение — она испугалась.

Винтер согласилась. Тилли пыталась вести себя жестко, но не требовалось быть гением, чтобы распознать под хрупкой суровостью женщину, которая страшно боится. Но чего? Вот вопрос.

— Я могу понять, когда произошла стрельба. Я бы тоже испугалась, если бы на улице разгуливал грабитель, беспорядочно убивающий женщин. Но спустя двадцать пять лет, почему бы ей не сказать правду?

— Потому что она может знать что-то, представляющее угрозу для преступника.

— Хочешь сказать, что она его узнала?

Ноа пожал плечами.

— Как вариант.

Винтер изучала загорелые, скульптурные черты лица Ноа, которые уже привлекли внимание всех женщин в закуской. Когда они говорили о работе Ноа, обычно речь шла о его усилиях по охране природы и программах по работе с населением. Он никогда не обсуждал правоохранительную сторону своей службы. Теперь она поняла, что он инстинктивно мыслит, как следователь.

Именно то, что ей нужно.

— Может быть, если я предложу ей вознаграждение, она захочет рассказать мне все, что знает, — предположила Винтер.

— Эта женщина явно отчаянно нуждается в деньгах, — согласился Ноа. — Но разве можно доверять тому, что она скажет?

Винтер вспомнила свой короткий разговор с Тилли. Как правило, она старалась не судить о людях, пока у нее не появится шанс узнать их поближе; слишком легко сделать неправильные выводы. Но в глазах Тилли Лиддон светился жесткий, циничный блеск. Винтер подозревала, что ради легкой наживы та готова на все.

— Наверное, нет.

— Кроме того, есть несколько вариантов, почему она солгала. Например, потому что сделала что-то, чего не должна была делать.

Винтер изогнула бровь.

— Например?

— У нее мог быть друг, приглядывающий за заправкой, чтобы она могла передохнуть или покурить. — Он пожал плечами. — А может, она занималась сексом в кладовке.

Она вздохнула. Ноа прав. Вариантов могло быть еще десятки или даже сотни.

— Значит, мы никогда не узнаем?

Без предупреждения он потянулся через стол, чтобы взять ее за руку. Его кожа была теплой, а ладони — мозолистыми от физического труда. От прикосновения его руки на душе стало спокойнее.

— Винтер...

Его успокаивающие слова прервал резкий визг сирены. Как стая гусей, почуввших опасность, вся закуская задрала головы, чтобы посмотреть, как пожарная машина проносится по узкой улице с мигающими огнями. Через минуту мимо пронесся внедорожник шерифа.

Клиенты обсуждали произошедшее, а мужчина в соседней кабинке достал из кармана

телефон и поднес его к уху. Он коротко поговорил с абонентом, а затем резко поднялся на ноги.

— Мне пора, — объявил он резким голосом. — Пусть Сюзи запишет оплату на мой счет.

Его собеседник посмотрел на него с любопытством.

— Что случилось?

— Пожар в доме Лиддонов, — сказал мужчина. — Они вызывают добровольцев.

— Тилли Лиддон? — уточнил собеседник.

— Да. Я давно предупреждал шерифа, что это место — смертельная ловушка. — Мужчина потянулся за курткой и натянул ее на свою фланелевую рубашку. — Это был лишь вопрос времени, пока она не отравится токсичными отходами или не сожжет себя.

— Тилли в порядке? — спросил кто-то из другой кабинки.

Мужчина выглядел мрачным.

— Похоже, что она заперта внутри.

Винтер слушала этот разговор с ошеломленным недоверием.

— Черт, — пробормотал Ноа, крепче сжимав ее руку, чтобы поднять с места. Затем, бросив на стол двадцатидолларовую купюру, он вытащил ее из закуской.

Винтер направилась к своему грузовику, припаркованному у здания, и села за руль, когда Ноа забрался рядом. Несколько минут они сидели в тишине, обдумывая ужасную новость.

Винтер заговорила первой.

— Это наша вина?

Ноа развернулся на сиденье, прямо встретившись с ее обеспокоенным взглядом.

— Как это может быть нашей виной?

Она поморщилась, когда сирены продолжали эхом разноситься по улице.

— Это не простое совпадение, что дом Тилли загорелся через час после нашего разговора с ней.

— Ты же слышала их в ресторане. Они ждали, что ее дом загорится...

— Ноа, — перебила она.

Он вздохнул и провел пальцами по темным прядям волос.

— Ладно, это правда сложно назвать совпадением, — нехотя согласился он.

Винтер сжимала руль до побеления костяшек пальцев.

— Есть кто-то, не захотевший, чтобы Тилли с нами разговаривала.

Выражение лица Ноа резко помрачнело.

— Тем больше причин вернуться в Ларкин. Это уже не просто неприятно. Это опасно.

Винтер обдумала его слова. Она не была глупой. И не стремилась привлечь внимание того, кто мог сжечь дом Тилли. Или, что еще хуже, хладнокровно застрелил ее мать. Но если где-то неподалеку скрывается убийца, пытающийся защитить свои секреты, то действительно ли она будет в безопасности, засунув голову в песок?

— Ты думаешь, что возвращение домой защитит меня?

— Да.

Ноа произнес это слово с упрямой уверенностью, но в его глазах читалась тревога, сказавшая Винтер, что он не так уверен, как ей хотелось бы верить.

— Я не могу просто уехать. Мне нужны ответы.

Он тяжело вздохнул.

— У тебя есть какие-нибудь родственники в этом городе?

Винтер покачала головой.

— Мой дедушка умер, когда мама была старшеклассницей, а бабушка скончалась десять лет назад.

— Никаких дядей и тетей?

— У моей бабушки случилось несколько выкидышей после рождения моей мамы, поэтому они перестали пытаться.

Ноа смотрел в боковое окно грузовика, как бы прикидывая их ограниченные возможности. Они не могли ходить от двери к двери и спрашивать, не знает ли кто-нибудь, кто мог поджечь дом Тилли. Или помнят ли они перестрелку на заправочной станции «Шелл» двадцать пять лет назад.

— Что случилось с домом твоей бабушки после ее смерти? — спросил наконец он.

— Мой отец его продал. Я использовала часть денег, чтобы построить свои теплицы. — Винтер расстроилась, но смирилась, когда отец сказал ей, что у них есть покупатель на дом. Казалось, что она теряет часть той пожилой женщины, которая прожила здесь более сорока лет. Тем не менее, она не хотела, чтобы дом пришел в упадок, как... — Ох, конечно.

— Что? — спросил Ноа, когда Винтер достала ключи из сумочки и завела двигатель. — Куда мы едем?

— В домик моей матери, — сообщила она ему, выезжая с парковки и направляясь к Парк-стрит, главной улице за городом.

— Где это?

— Всего в нескольких милях к северу от Пайка. Мы будем там меньше чем через полчаса, — заверила она его.

Ноа пристегнул ремень безопасности, но при этом бросил на нее недоуменный взгляд.

— Почему мы едем в этот домик?

У Винтер не нашлось хорошего ответа. По правде говоря, у нее просто не было идей получше.

— В выходные, когда умерла моя мать, она привезла меня в Пайк к бабушке и осталась там, — пробормотала она, набирая скорость, когда они выехали на главную дорогу.

— В домике?

Винтер кивнула.

— Там она могла работать над своими картинами, и ребенок не мешал ее музам.

— Она всегда так делала?

Вопрос возник не случайно. Винтер нахмурилась, затем запоздало поняла, что Ноа хочет понять, мог ли кто-то узнать о расписании Лорел и проследить за ней. Может быть, из Ларкина.

— Мы приезжали в Пайк, по крайней мере, на один или два выходных каждый месяц.

— И твоя мать всегда уединялась в домике?

— Да, насколько я помню. — Винтер нахмурила брови, пытаясь вынырнуть из давних воспоминаний. — Обычно она отвозила меня к бабушке в пятницу днем и забирала в воскресенье, — сказала она. Точные детали расплывались, но Винтер так и не забыла, как радовалась, когда ее мама доставала чемодан и начинала собирать ее одежду. Винтер обожала проводить время с бабушкой. Никто не говорил ей сидеть прямо или надевать туфли. Ее нос покрывался мукой, а в воздухе пахло дрожжами, маслом и теплой корицей. — В то воскресенье она пришла позже обычного. Я уже успела уснуть, когда она посадила меня

в машину. Поэтому я лежала на заднем сиденье, когда... — Винтер замолчала и хмурясь, нажала на педаль газа, когда они достигли окраины города.

— Значит твой отец сразу продал домик? — спросил Ноа, к счастью, не настаивая на подробностях той ночи.

— Нет. Мой дедушка оставил его в доверительном фонде для меня. Пока мне не исполнилось восемнадцать, его нельзя было продать. К тому времени мы оба редко вспоминали, что мамин домик принадлежит мне.

Винтер свернула на подъездную дорогу, и ее грузовик, подпрыгивая на выбоинах, вынужден был сбавить скорость почти до нуля. Висконсинские зимы имеют привычку разъедать дорожное покрытие и превращать его в полосу препятствий.

— Когда ты в последний раз была там?

Винтер наклонилась вперед, сосредоточившись на деревьях, выстроившихся вдоль одной стороны дороги. Она не хотела пропустить поворот.

— Я не была в домике с тех пор, как умерла моя мать.

— И что, он больше не использовался?

Ее губы дрогнули в улыбке. Ноа настолько прикипел к природе, что построил свой дом посреди участка земли в десяти милях от ближайшего города. Чтобы дойти до ближайшего соседа, ему требовалось полдня. Для него совершенно немыслимо владеть участком в лучших местах для охоты и рыбалки и не проводить там каждую свободную минуту.

— Нет. Моя бабушка закрыла окна после похорон мамы и повесила таблички «ВХОД ЗАПРЕШЕН», но никто не заходил внутрь.

Ноа молчал, пока она добиралась до поворота, где стоял старый щит с рекламой близлежащего коттеджа и водного курорта. Слава Богу, он все еще оставался там. Только так Винтер могла вспомнить, по какой дороге ехать.

Она свернула на узкую тропинку и повернула налево, затем направо и еще раз налево. Винтер помнила, как несколько раз, когда бабушка подвозила ее к домику, чтобы отвезти корзину для пикника, наполненную обедом для ее матери, она всегда напевала песенку. «Налево, направо, налево. Все просто. Налево, направо, налево. Не забывай, солнышко сладкое». Винтер не знала, пела ли бабушка эту песенку, чтобы напомнить себе, как добраться до домика, или на случай, если Винтер случайно заблудится, чтобы она могла найти дорогу обратно.

Тропинка поднималась вверх под крутым углом, и грязь размякла, превратившись в мокрую жижу. Хуже того, повернув, Винтер обнаружила, что большое дерево упало прямо на их пути.

— Боюсь нам придется пройти пешком.

Ноа распахнул дверь и без колебаний выпрыгнул из грузовика. К тому времени, как она присоединилась к нему, он откинул голову назад, чтобы полюбоваться возвышающимися красными соснами, которые окружали их.

— Красивое место.

Винтер кивнула и направилась вверх по дороге, чтобы перелезть через ствол дерева. До домика оставалось совсем немного.

— Бабушка рассказывала, что моя мать любила бывать здесь. Это было особенное место, куда она приезжала с моим дедушкой. Только они вдвоем. Они ловили рыбу и готовили на костре, мама рисовала, а дедушка читал книгу.

Ноа шел рядом с ней, его крупное тело двигалось с легкостью, которая появилась после

многих лет, проведенных в походах по лесу. Инстинктивно Винтер придвинулась ближе. Она не боялась. Светило солнце, а щебетание птиц наполняло воздух песней, но деревья стояли так плотно, что вызывали у нее чувство клаустрофобии. Как будто они смыкались вокруг нее.

То же самое она чувствовала, когда была совсем маленькой девочкой.

— Твоя мама никогда не приводила тебя сюда ночевать? — спросил Ноа, как будто почувствовал, что ей нужно отвлечься.

— Нет. — Винтер ускорила шаг. Озеро скрывалось за небольшим хребтом прямо впереди. — Мне было все равно. Я любила проводить время с бабушкой, — заверила она Ноа. — Я сидела на полу в кухне и смотрела, как она готовит. Даже после смерти мамы я приезжала к ней, чтобы побыть вместе. — Улыбка тронула ее губы. — Она вдохновила меня на создание ресторана. Я уверена, что в раю должно пахнуть ее булочками с корицей.

— Надеюсь, ты права, — пробормотал Ноа, присвистнув, когда деревья наконец поредели и показался деревянный домик, стоящий на берегу озера. — Это он?

— Да.

Винтер вышла на поляну, любуясь живописным видом. Озеро невелико, но его хорошо зарыбил ее дед, а берега заросли полевыми цветами, которые в летние месяцы издавали приятный аромат. Домик построили из обветренного дерева с жестяной крышей и дымоходом, который уже начал разрушаться. На неглубоком крыльце стояло кресло-качалка и деревянная вешалка для дедушкиных удочек. Теперь их не осталось, а на окнах крепились тяжелые деревянные ставни.

Это придавало дому мрачный вид. Как будто дом закрылся, чтобы оплакать потерю ее матери. Или, может быть, он дулся на то, что его бросили.

Винтер почувствовала неожиданное чувство вины.

— Как ты собираешься попасть внутрь?

Она зазвенела связкой ключей, которую держала в руке.

— Я носила этот ключ много лет. Постоянно твердила себе, что нужно приехать сюда и все проверить. Стоило убедиться, что здесь не поселились никакие чужаки. Но у меня никогда не хватало смелости.

— Ты не должна делать это в одиночку. — Ноа огляделся вокруг, как бы подчеркивая изолированность домика.

Винтер повернула голову, чтобы послать ему благодарную улыбку.

— Я не одна.

Глава 5

Раздался пронзительный скрип, когда Винтер с силой распахнула тяжелую дверь. По ее позвоночнику пополз холодок. Казалось, домик борется за то, чтобы не впустить их внутрь. Как будто в нем хранились секреты, которые он не готов разглашать.

Винтер отбросила нелепое нежелание переступить порог. У нее просто сдают нервы. Петли скрипели, потому что заржавели. Ничего зловещего в этом нет.

Войдя в домик, она мгновенно погрузилась во мрак. Недолго думая, Винтер полезла в сумочку и вытащила мобильный телефон. Затем, включив фонарик, она медленно повернулась по кругу.

Комната небольшая, с низким потолком и несколькими предметами выцветшей мебели. Стены обшиты панелями, но на полу лежали обычные деревянные доски. Помещение выглядело как любой другой рыбацкий домик в этом районе, с одним лишь отличием —

повсюду валялись принадлежности художника.

Возле окна стоял мольберт с прямоугольным холстом. Там же находился высокий табурет, наполовину скрытый испачканным халатом, небрежно брошенным на него. Вокруг табурета лежали кучи красок, кистей и полупустых банок, разбросанных в случайном порядке. А в дальнем углу виднелась стопка готовых масляных картин, ожидающих обрамления.

— Слово капсула времени, — пробормотала Винтер, представляя, как ее мать сидит на табурете, натянув на себя халат, пока выплескивает свою творческую душу на холст.

Острое чувство потери пронзило ее. Мир потерял не только талантливого художника, но и мать. Это очень несправедливо.

Легко почувствовав ее неожиданную вспышку скорби, Ноа направился обратно к двери.

— Я открою пару ставней, чтобы обеспечить нам немного света.

Винтер кивнула, оценив момент уединения. Именно поэтому она так долго ждала, чтобы приехать в домик. Она всегда подозревала, что призрак ее матери здесь сильнее всего.

Подойдя к незаконченной картине на мольберте, Винтер изучила размашистые линии ярких цветов. В этих мазках чувствовалось что-то такое... смелое, живое. Как будто художница абсолютно уверена в том, что создает шедевр.

Залюбовавшись, Винтер не услышала, как вернулся Ноа. Только когда он негромко присвистнул, она поняла, что он стоит перед холстами, сложенными в углу.

— У твоей мамы был талант.

Винтер оглядела комнату, которая теперь наполнилась солнечным светом. Он не развеял призраков, но облегчил тяжелое чувство печали.

— Я всегда сожалела о том, что не унаследовала ее художественные способности, — сказала она Ноа. — Бабушка утверждала, что сразу поняла, что моя мама будет художником, когда нашла ее в столовой раскрашивающей фреску на стене, когда ей было всего пять лет. К моменту окончания средней школы ее картины выставлялись в здании Капитолия штата, и она получила дюжину стипендий в лучших художественных школах страны.

Ноа повернулся, его брови приподнялись, как будто его смутили ее слова.

— Ты унаследовала ее талант.

— Я не могу нарисовать даже фигурку.

— Ты создаешь искусство на каждой тарелке, которая выходит из твоей кухни.

— Это... — Слова не шли, когда похвала друга поселилась в центре ее сердца. Ноа не был ловеласом. Он не льстил женщинам и не чувствовал себя обязанным постоянно флиртовать. Он говорил прямо, честно и иногда до боли откровенно. Это делало его комплимент еще более ценным. — Спасибо.

Ноа шагнул вперед.

— Уверена, что хочешь сделать это сегодня? Я могу привезти тебя на следующей неделе. Или позже этим летом, когда будет теплее.

Винтер заколебалась. Какая-то часть ее хотела развернуться и уйти. Не из-за слоев пыли, или спертого воздуха, или притаившихся призраков. Просто она устала после долгого, напряженного дня и не чувствовала, что может совладать со своими эмоциями. С другой стороны, сможет ли она заснуть, если вернется в Ларкин?

Вряд ли.

Встретив обеспокоенный взгляд Ноа, Винтер заставила свои губы дразняще улыбнуться.

— Ты просто хочешь приехать, когда рыба клюет.

Он посмотрел в сторону окна, из которого открывался вид на озеро.

— Я бы не отказался здесь порыбачить.

— Мы вернемся. Но сначала я хочу осмотреться.

— Зачем?

— Я не уверена. — Винтер пересекла комнату, чтобы заглянуть через проем в крошечную ванную. Там был унитаз, голая раковина с выведенным наружу водопроводом и ручная душевая лейка, прикрепленная к стене. Скучно. — Здесь она останавливалась в последний раз перед смертью. Возможно, мы найдем какую-нибудь мелочь, которая подскажет нам...

— Если она была одна, — перебил Ноа.

Винтер обернулся и посмотрел на Ноа, который стоял в другом конце домика.

— Конечно, одна. Я гостила у бабушки, а папа находился в Ларкине.

Ноа кивнул в сторону двери в спальню.

— Посмотри.

Пройдя небольшое расстояние, Винтер вошла в комнату, темную из-за тяжелых ставней на окне. Она смогла разглядеть двуспальную кровать посреди пола, заваленную спутанными простынями и одеялом. У дальней стены размещались встроенная книжная полка и комод. Ближе к двери стояло мусорное ведро, заполненное старыми коробками из местного ресторана.

— Здесь беспорядок, — пробормотала она. — Но кажется при маме наш дом всегда стоял захлавленным, со стопками принадлежностей для рисования и игрушками, разбросанными по полу. После ее смерти отец нанял уборщицу, чтобы поддерживать чистоту. Мне всегда думалось, что в нем пусто. — Она поморщилась. — Пусто еще больше.

Ноа протиснулся мимо и прошел в центр комнаты. Он указал на поднос у изножья кровати.

— Неважно, насколько неряшливой могла бы быть твоя мама, но нет необходимости в двух бокалах для вина, если она находилась здесь одна. — Кончиком ботинка он указал на какой-то предмет на полу. — Или в этом.

Винтер понадобилась секунда, чтобы разглядеть пустую упаковку от презерватива. Ее охватило странное чувство тошноты. Как в тот раз, когда Стиви Эллингтон осмелился прокатить ее на аттракционе «Вертушка» десять раз подряд.

Зачем тут вино и обертка от презерватива, если ее мать здесь рисовала?

— Должно быть, кто-то вломился, — вырвалось у нее. Голос Винтер прозвучал слишком громко и эхом разнесся по комнате. — Это идеальное место, если хочешь избежать посторонних глаз.

— Верно, — согласился Ноа, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

Винтер прочистила горло.

— Давай осмотримся.

Ноа подошел к комоду и открыл ящики. Винтер с трудом заставила себя подойти к кровати. Не обращая внимания на спутанное постельное белье, она опустилась на колени, чтобы заглянуть под матрас.

Несмотря на темноту, под матрасом ничего не валялось. Если только не считать двадцатипятилетних пыльных кроликов. Она кашлянула, начиная выпрямляться. И тут ее внимание привлек тусклый блеск металла. Протянув руку, Винтер схватила тонкую золотую цепочку, почти скрытую под слоем пыли.

С легким страдальческим стоном она обхватила пальцами украшение и села обратно.

— Что случилось? — Ноа быстро опустился на колени рядом с ней, обхватив ее плечи твердой рукой.

Она подняла руку, раскрыв пальцы, чтобы показать браслет, усыпанный маленькими, но идеальными изумрудами.

— Он принадлежал моей маме.

— Ты уверена?

— Да. — Она провела большим пальцем по одному из изумрудов. — Я видела, как она носила его на старых фотографиях. Это свадебный подарок моего отца.

Ноа крепко обхватил ее за плечи.

— Нам пора идти, Винтер.

Он прав. Здесь нет ничего, кроме пустых воспоминаний.

Она уже потянулась, чтобы ухватиться за край кровати и подняться на ноги, когда заметила конверт, торчащий между матрасом и пружинами. Не задумываясь, Винтер схватила его и вытащила, разглядев имя матери, нацарапанное на лицевой стороне.

— Подожди, Винтер.

Она проигнорировала предупреждение и, открыв конверт, вытащила лист бумаги. Быстро просмотрев письмо, она бросила его на пол, затем потянулась под матрас, чтобы достать еще дюжину конвертов. Прежде чем бросить их в отвращении, Винтер прочитала еще два.

— Угр.

— Винтер?

— Мне нужна минутка, — пробормотала она, пытаясь осознать то, что обнаружила. Существует старая поговорка о том, что у вас выдернули ковер из-под ног. Вот на что это похоже. Или, может быть, лучше сказать, что с ее глаз сняли повязку.

В любом случае, Винтер знала, что уже никогда не будет прежней.

— Ты в порядке? — Ноа наконец вторгся в ее мрачные мысли.

Медленными, методичными движениями Винтер заставила себя сложить письма и вернуть их в конверты.

— Письма адресованы моей матери. — Она остановилась, прочищая горло. — Они... Я не знаю, наверное, это любовные письма.

— Что значит «наверное»?

— В них описаны различные части тела моей матери и то, что он намерен сделать с каждой из них.

Ноа напрягся.

— Это угрозы?

Винтер покачала головой. Она почти хотела, чтобы это было так, но письма явно от любовника, который не только был близко знаком с ее матерью, но и поддерживал с ней отношения. Там содержались графические подробности их предыдущих сексуальных контактов, а также обещания будущих эскапад. И что еще хуже, в письме упоминалось о посещении ее матерью Института искусств в Чикаго. Она выступала на семинаре для молодых художников. Всего за две недели до смерти.

А значит, интрижка вовсе не стала чем-то мимолетным. Это продолжалось несколько месяцев. Взгляд Винтер переместился на поднос с двумя бокалами. И, вероятно, до самой ее смерти.

— Они подписаны «Дрейк», — сумела пробормотать она.

— Это имя говорит тебе о чем-нибудь? — спросил Ноа.

— Нет. — Винтер крепко сжала письма в руках и поднялась на ноги. Затем туманное воспоминание заиграло на краю ее сознания. — Ох, подожди.

— Ты что-то вспомнила?

— Кажется, соседа моей бабушки звали Дрейк. — Она нахмурила брови, пытаясь вспомнить полное имя. Прошло десять лет с тех пор, как она посещала старый дом своей бабушки. — Да. Дрейк Шелтон.

— Он друг семьи? — Ноа поднялся на ноги, прижимаясь к ней своим теплым телом. Как будто хотел быть рядом на случай, если она упадет.

Возможно, она бы ощутила досаду, если бы ее колени не чувствовали серьезную слабость.

— Не то чтобы я помнила. — Она выудила из памяти образ крупного мужчины, который подъехал к дому, когда Винтер помогала бабушке выгружать продукты из машины. Он вежливо поинтересовался, может ли помочь, но получил твердое «нет». — На самом деле, я не думаю, что он очень нравился моей бабушке.

— Почему ты так считаешь?

— Просто ее отношение, когда их пути пересекались. Моя бабушка была милейшей женщиной, но ее голос звучал... — У Винтер не нашлось подходящего слова. В нем не слышалось гнева. Или страха. В нем сквозило странное презрение. — Резко, когда она говорила с Дрейком, — наконец закончила она.

— Ты когда-нибудь спрашивала ее, почему?

— Нет. — Винтер пожала плечами. Она была ребенком, а затем самовлюбленным подростком, когда приезжала в Пайк. Она проводила время на кухне с бабушкой или болтала по телефону с друзьями. — Меня это не очень интересовало.

— Ты знаешь о нем что-нибудь?

— Я помню, что видел его за рулем грузовика, на боку которого размещалась какая-то реклама. Кажется, строительной компании. — Она вспомнила, что на табличке значилось название компании и молоток. Или это был гаечный ключ? — Может быть, сантехник.

— Следует проверить, живет ли он все еще в том же доме.

Винтер дернулась, придя в ужас от одной мысли о встрече с любовником своей матери.

— Зачем?

— Возможно, он последний, кто разговаривал с твоей матерью перед ее смертью, — заметил он мягким тоном. — Если за ней следили или домогались, она могла что-то ему сказать.

Винтер посмотрела вниз на письма.

— Что, если это не тот самый Дрейк?

— Тогда он скажет нам, что не знает, о чем мы говорим.

Тошнота вернулась. На самом деле Винтер не сомневалась, что это один и тот же человек. Имя Дрейк не так часто встречалось. Особенно не в этом районе. Из-за этого мысли о том, чтобы встретиться с ним лицом к лицу, вызывала только нежелание.

— Я не уверена, что смогу.

Ноа переместился, чтобы встать прямо перед ней, и слегка обхватил ее плечи руками.

— Винтер, ты не должна делать то, чего не хочешь. Никогда.

Она тяжело вздохнула.

— Я хочу. Но от одной мысли о том, что мне придется столкнуться с любовником моей матери, мне становится плохо.

— Я сам поговорю с ним, — заверил он ее без колебаний. — Если только ты не предпочтешь вернуться домой и выбросить это из головы.

Она искренне обдумала его предложение. Какая-то часть ее готова поскорее покинуть домик и уехать. Она могла вернуться в Ларкин и притвориться, что последние два дня не более чем дурной сон. Бог знал, что она привыкла к кошмарам. Они преследовали ее годами.

Но еще большая часть отказывалась засунуть голову в песок. Если что-то случилось двадцать пять лет назад, она хотела знать правду.

Она должна разобраться во всем ради своей матери.

— Нет. — Винтер встретила его ищущий взгляд. — Нам нужно выяснить, что он может рассказать о том вечере, когда умерла мама. Она могла рассказать ему, что ее преследовали. Или поделиться описанием машины, следовавшей за ней. Если бы мне было страшно, я бы захотела кому-нибудь рассказать.

Ноа коснулся губами ее лба, прежде чем отступить назад.

— Ты готова?

Винтер рассеянно подняла руку, чтобы дотронуться до места, еще теплого от его губ, когда он обхватил ее за плечи и повел в главную комнату.

Вид холста у окна вызвал новую волну боли.

— Я думала, она пришла сюда рисовать. Я лежала в постели и размышляла о том, как она провела последние часы своей жизни в этом мире. Мне нравилось верить, что она занималась любимым делом. — Винтер с отвращением покачала головой. — Вместо этого она приехала сюда, чтобы изменять моему отцу. Неудивительно, что она никогда не хотела видеть меня рядом.

Ноа крепко прижал Винтер к себе, решительно подталкивая к двери.

— Мы не знаем, что произошло. Не знаем наверняка. Пойдем поговорим с Дрейком.

Она отвела взгляд от картины, покрытой слоем пыли.

— Хорошо.

Глава 6

Ноа не протестовал, когда Винтер забралась на водительское сиденье. Она испытала шок, но ей, очевидно, требовалось отвлечься, управляя грузовиком на узкой дорожке, которая вела обратно к главному шоссе, а затем по городским улицам Пайка. Тем не менее, он вздохнул с облегчением, когда она остановилась перед домом в стиле ранчо с белым сайдингом и черными ставнями.

Выключив двигатель, Винтер указала на соседний дом. Он выглядел точно так же, как старый дом ее бабушки, только с зелеными ставнями вместо черных.

Вообще-то весь квартал выглядел одинаково, понял Ноа. Как будто в конце шестидесятых годов решили создать участок с одинаковыми домами.

— Там раньше жил Дрейк, — сообщила Винтер, ее голос звучал ровно, хотя лицо оставалось бледным и напряженным.

Инстинктивно Ноа захотелось протянуть руку и заключить подругу в объятия. Она ранена, растеряна и надо думать напугана. Ему срочно захотелось сделать все необходимое, чтобы защитить ее от дальнейших страданий. Но он сопротивлялся этому желанию.

Для Винтер несомненно лучше поскорее покончить с этим разговором, но Ноа начал подозревать, что его желание притянуть ее к себе вызвано не только бескорыстным

желанием оградить от боли.

Ему всегда нравилось общество Винтер. И любой живой мужчина считал бы ее красивой, желанной женщиной. Но последние несколько часов показали, что Ноа гораздо больше заинтересован в своей подруге Винтер Мур и ее счастье, чем когда-либо подозревал.

А может быть, он знал, но просто игнорировал опасность.

— На подъездной дорожке стоит грузовик, — сказал он, желая отвлечься от беспокойных мыслей. — Что-нибудь тебе напоминает?

Винтер наклонилась вперед, крепко сжимая руками руль.

— Грузовик другой, но табличка на боку такая же. — Она сморщила нос. — Я думаю.

— Пойду посмотрю, дома ли он. — Ноа толкнул дверь, впуская ледяной воздух. Как же зябко. После шестнадцати лет жизни на севере ему следовало бы привыкнуть к холодной погоде, но его кровь все еще тосковала по теплу дома его детства в Майами. — Если хочешь остаться здесь...

— Нет. — Она резко распахнула свою дверь. — Хочу услышать, что он скажет.

Обогнув капот грузовика, Ноа взял Винтер за руку, когда они пересекли двор и ступили на небольшое цементное крыльцо. Она сжала его пальцы, стоя рядом с ним, когда он постучал по алюминиевой двери. На душе потеплело от осознания, что Винтер готова принять его поддержку, когда чувствует себя уязвимой.

Прошла долгая, напряженная минута, прежде чем входная дверь открылась, и выглянул мужчина.

— Да?

Ноа изучал незнакомца. Ростом тот был по меньшей мере на дюйм выше шести футов Ноа, но местами шире. Белая футболка натянулась на появившемся пузе, которое грозило перекинуться на пояс коричневых рабочих брюк. Его темные волосы были коротко подстрижены и поредели посередине. Его лицо, обветренное от долгих часов, проведенных на улице, бабушка назвала бы «мясистым». Возможно, когда-то Шелтон мог считаться красивым, но годы не благоволили к нему, испортив его черты, и он стал похож на изношенную шину.

— Дрейк Шелтон? — спросил он.

Хозяин дома толкнул дверь, и они столкнулись с мутным взглядом его серых глаз и слабым запахом несвежего алкоголя. Похоже он недавно перебрал.

— Кто спрашивает?

— Меня зовут Ноа Хеллер, а это Винтер Мур.

При этом имени Дрейк дернулся, его руки сжались в кулаки, и он внимательно изучил Винтер с ног до головы.

— Дочь Лорел?

Винтер кивнула, ее губы сжались. Она, очевидно, поняла, что это тот самый человек, который писал письма ее маме. Его реакция на внезапное появление Винтер выражала откровенный шок, а не смутное любопытство старого знакомого.

Дрейк прочистил горло.

— Я не видел тебя с тех пор, как умерла твоя бабушка. Как ты?

Винтер удалось натянуто улыбнуться.

— Я в порядке. Спасибо.

— Что привело тебя в Пайк?

— Я приезжаю каждый год, чтобы навестить могилу матери.

Дрейк захрипел, как будто получил удар в живот.

— Да. Я заметил свежие цветы.

Ноа обменялся быстрым взглядом с Винтером. Неужели Дрейк вчера был на кладбище? Помнил ли он, что это годовщина смерти Лорел?

Спустя двадцать пять лет только член семьи или возлюбленный мог вспомнить точную дату.

Или убийца...

— Вот почему мы здесь, — сказал Ноа, взяв разговор в свои руки.

Дрейк нахмурился.

— Я не понимаю.

— У Винтер есть несколько вопросов о том вечере, когда умерла ее мать, — пояснил Ноа.

— О. — Дрейк озадаченно нахмурился на Винтер. — Твоя бабушка никогда не обсуждала со мной стрельбу, если ты на это надеешься. Если честно, мы вообще ни о чем не говорили. Она была весьма непростой женщиной.

Брови Винтер сошлись вместе от оскорбления, нанесенного ее любимой бабушке. Ноа быстро переключил внимание на себя.

— Нас интересуют события, произошедшие за несколько часов до ее смерти.

Дрейк еще больше озадачился.

— Какие события?

— Ее выходные, проведенные в домике.

Дрейк застыл, его глаза все еще налиты кровью, но уже не блестят. На самом деле, вокруг витало напряжение, которое свидетельствовало о том, что слова Ноа задели за живое.

— Домик? — Дрейк бросил взгляд через плечо, но затем вернул свое внимание к Ноа. — Какой домик?

Ноа сложил руки на груди. Как офицер по охране природы, он обучался опрашивать свидетелей, а также потенциальных подозреваемых, но ему не нужно быть экспертом, чтобы понять, что Дрейк Шелтон лжет. Надо полагать, этот человек никогда не играл в покер.

— Тот, который вы посетили вечером в день ее смерти, — уточнил он.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы были там с моей матерью, — резко проговорила Винтер.

Дрейк пробормотал проклятие.

— Тот, кто сказал тебе это, лжец.

— У нас есть доказательства. — Винтер потянулась в карман куртки, чтобы достать письма, которые нашла в хижине.

Дрейк уставился на сложенные конверты, как будто не узнавая их. Затем краска сошла с его лица, и он шагнул из дома, уставившись на Винтер.

— Да что с тобой такое? — огрызнулся он. — Моя жена внутри.

Винтер наклонила подбородок. Не имело значения, что Дрейк Шелтон возвышался над ней. Или что он вдвое больше ее по весу. Она смотрела на него, не дрогнув.

— Я здесь не для того, чтобы судить вас. Все, что мы хотим знать, это то, что вы помните о моей матери. Она не упоминала, что кто-то на нее злился? Может кто-то ее преследовал? Или напугал?

В серых глазах Дрейка отразилась горечь, выходящая за рамки обвинения в измене. Это была глубокая обида.

— Я едва знал Лорел. Мы вместе ходили в школу, но это все. Если с ней и был какой-то мужчина в домике тем вечером, то это точно не я.

Винтер спокойно достала одно из писем и начала читать вслух.

— Моему сердцу и душе, Лорел. Я снова мечтал о тебе. О твоей мягкой груди и вкусе твоего сладкого, нежного...

— Прекрати! — Дрейк покраснел до безобразия, вытянув руку, большую и мозолистую от многолетнего ручного труда. — Отдай их мне.

Ноа отбросил руку Дрейка в сторону, наклонив свое тело так, чтобы тот не смог добраться до Винтер, не столкнувшись с ним.

— Расскажи нам о последнем вечере, который ты провел с Лорел, — потребовал он.

Дрейк свирепо нахмурился.

— Ни хрена я вам не расскажу. И если вы вернетесь сюда еще раз, вас арестуют за незаконное проникновение.

Без предупреждения он развернулся и протопал обратно в дом. Через секунду входная дверь захлопнулась.

Ноа помрачнел, посмотрев в сторону Винтер.

— Все прошло не так хорошо, как я надеялся.

Она пожала плечами.

— По крайней мере мы узнали одну вещь.

— Какую?

— Он был с моей мамой вечером того дня, когда она умерла.

Ноа кивнул. Отказ Дрейка выглядел слишком резким, чтобы быть правдивым. Тот вечер он провел с Лорел. Так почему же он отрицал это? Из-за своей жены? Или у него имелась другая причина скрывать интрижку?

Вопросы без ответов.

— Что теперь? — спросил Ноа.

Винтер дрожала, ее лицо казалось бледным в угасающем послеполуденном солнечном свете.

— Поехали домой.

***

По дороге в Ларкин Ноа следовал прямо за грузовиком Винтер. Она настаивала на том, что в состоянии ехать домой, отказавшись от его предложения отвезти ее и вернуться за машиной. Он верил, что подруга физически способна, но в то же время понимал, что она эмоционально истощена. Он не собирался оставлять Винтер одну, пока не будет уверен, что она не сорвется.

Три часа спустя они въехали на парковку рядом с «Винтер Гарден», и Ноа опустил окно.

— Садись, — позвал он, когда Винтер вылезла из своего грузовика и закрыла дверь.

Она бросила на него озадаченный взгляд.

— Что?

— Лучший ресторан в городе закрыт, но мы еще можем найти что-нибудь поесть, — заявил он ей.

— Я не голодна.

— Тогда ты можешь посмотреть, как я ем.

Она приоткрыла губы, как будто намереваясь сказать «нет», затем, бросив взгляд в

сторону кирпичного здания, окутанного темнотой, быстро направилась к джипу.

— Да. Поехали, — потерянно пробормотала она.

Ноа выехал с парковки и двинулся через два квартала на север к старой закусочной, припарковавшись перед низким каменным зданием с большими окнами и деревянной черепицей. Уже перевалило за семь вечера, но на улице стояло несколько машин. Собравшаяся толпа не свидетельствовала о качестве еды в закусочной. Большинство клиентов сидели в задней части здания, в баре, наслаждаясь прекрасным выбором напитков.

Под звон колокольчика они вошли в пустой обеденный зал и сели за один из столов со столешницей из керамики и хромированными ножками. В передней части длинного помещения находилась стойка с несколькими табуретами и старомодной кассой. За ней находилась кухня, где одинокий мужчина в фартуке прислонился к раковине, не сводя глаз с телефона в руке. Сверху мерцающие флуоресцентные лампы отбрасывали зеленоватый свет, что никак не улучшало атмосферу.

Ни Ноа, ни Винтер не потрудились взять одно из засаленных пластиковых меню, засунутых между бутылками с кетчупом и горчицей. Закусочная никогда не славилась вкусной едой. Здесь готовили быстро, дешево и иногда съедобно. Единственная причина, по которой ей удавалось оставаться на плаву, заключалась в том, что «Винтер Гарден» не работал в вечерние часы.

Скучающая официантка подошла принять их заказ и через десять минут вернулась, чтобы поставить перед ними тарелки. Подождав, пока пожилая женщина отойдет к стойке, Винтер склонилась над столом, чтобы изучить огромную порцию яблочного пирога с ванильным мороженым и взбитыми сливками.

— Сколько тебе лет? — укорила она.

Ноа улыбнулся, схватил ложку и принялся есть. Еда в закусочной довольно сомнительная, но пироги они покупали в местной пекарне. Вкусные.

— Тридцать один, — пробормотал он, слизывая взбитые сливки с губ. — Примерно столько же, сколько и тебе.

— Не может быть. — Она села на свое место, взяв морковную палочку из своего салата. — Мне все еще второй десяток.

— Как долго? Еще три месяца?

Винтер хрустнула морковкой между зубами.

— Мне еще двадцать с хвостиком, старик.

Он зачерпнул еще одну большую ложку.

— Вот почему я должен наслаждаться каждым днем.

— Это похоже на то, чему нас учили на терапии, — поддразнила Винтер. Она ела не так много, как он надеялся, но к ее щекам возвращался цвет.

— Возможно. — Ноа проглотил пирог и съел немного мороженого. — Мне нравилась терапия, — признался он, скривив губы, когда Винтер фыркнула на его заявление. Она явно помнила того сердитого, угрюмого подростка, который впервые пришел в группу. Он делал все возможное, чтобы сорвать сеансы, надеясь, что его выгонят. — Признаюсь, это заняло некоторое время, но через несколько месяцев я перестал быть злобным придурком настолько, что начал слушать. Это не помешало мне скучать по родителям, но, по крайней мере, я перестал постоянно наказывать свою бабушку за то, что она имела глупость взять меня в свой дом.

— Да. — Винтер взяла ломтик огурца из салата. — Хорошо осознавать, что я была не

одна.

— Плюс я проводил время с тобой, — пробормотал он. — Бонус.

Ее улыбка вышла слабой, но для Ноа Винтер еще никогда не казалась такой красивой.

— Точно говорю — бонус.

Ноа доел последний кусок пирога и отодвинул тарелку, чтобы опереться руками на стол.

— Мне всегда хотелось узнать, почему ты бросила занятия.

— Мой отец не хотел, чтобы я больше туда ходила.

Ноа вскинул бровь. Он предполагал, что Винтер перестала посещать терапию, потому что получила водительские права. Зачем ходить на консультации, если она может гонять с друзьями? В то время он испытал разочарование от мысли, что она больше не будет частью группы, но обрадовался, что Винтер готова двигаться дальше.

— Почему твой отец захотел, чтобы ты прекратила? — спросил Ноа. — Разве не он настоял на том, чтобы ты пошла к психологу?

Она отбросила огурец и вытерла пальцы о бумажную салфетку.

— Эрика предложила мне посещать гипнотерапевта, — объяснила она, имея в виду доктора Томалин, которая занималась организацией сеансов психологической помощи. — Она подумала, что мои кошмары могут быть вызваны подавленными воспоминаниями о той ночи, когда убили мою мать.

Ноа кивнул. Винтер никогда не описывала свои кошмары в деталях, но она поделилась, что редко выдавалась ночь, когда она не просыпалась ровно в 23:11, крича от ужаса. После того, как Винтер ушла с терапии, он никогда не говорил с ней о том, почему она перестала приходить, и исчезли ли ее кошмары.

Первое, что вы узнаете о терапии, это то, что она похожа на Бойцовский клуб. То, что происходило в этой комнате, никогда не покидает ее. И точка.

Однако теперь Ноа собирался нарушить правила. Прошедшие часы потрясли Винтер и вызвали тревогу в его глубине подсознания. То, что произошло двадцать пять лет назад, не просто кошмарный сон. Это вполне могло стоить Тилли Лиддон жизни.

— Он не хотел, чтобы тебя гипнотизировали?

— Нет. Он подумал, что если у меня действительно есть воспоминания, то их извлечение расстроит меня еще больше. — Она закатила глаза. — Да и дедушка пришел в ярость. Он думал, что гипноз — это какая-то афера. На самом деле, он считал, что любая терапия — это мошенничество.

— Твой дедушка... гм...

Ноа не требовалось представлять себе реакцию Сандера Мура на предложение о гипнотерапии. Пожилой мужчина владел фермой в нескольких милях от Ларкина и был известной занозой в заднице. Грубый, самоуверенный, он был готов наставить винтовку на любого, кто по глупости ступит на его землю. Он также безоглядно обожал свою единственную внучку.

— Да. — Винтер хихикнула. — Он такой.

Ее улыбка померкла, она нахмурила брови, как будто ее посетила болезненная мысль.

— Что случилось?

— Интересно...

— Что интересно?

Она встретила его вопросительный взгляд, на ее лице отразилась тревога.

— Интересно, не отказался ли отец отправить меня к гипнотизеру, потому что подозревал, что у мамы был роман. Может быть, он боялся, что именно это я и вспомню.

Ноа медленно кивнул.

— Не самая плохая теория.

***

Дрейк вернулся в гараж и открыл холодильник, который держал там, чтобы достать пиво. Голова все еще пульсировала от ночной пьянки после посещения могилы Лорел, но ему нужно было чем-то успокоить нервы. Как жаль, что он отказался от сигарет. Но Лорел не нравился запах, который прилипал к его одежде и...

— Ты думаешь, я не знала?

Пронзительный голос вонзился в его больной череп, как сверло. Он опустился в кресло, которое поставил рядом с верстаком. Черт возьми, это его личное пространство. Единственное место в этом богом забытом доме, где он мог немного отдохнуть. Теперь даже оно оказалось под угрозой.

— Не сейчас, Мона, — прорычал он, не сводя взгляда с бусинки влаги, стекающей по бутылке пива.

Невысокая худая женщина с выцветшими светлыми волосами и еще более выцветшими голубыми глазами обошла газонокосилку и встала перед ним. На ней была форма официантки с автостоянки за городом. Место, где она работала с тех пор, как окончила среднюю школу тридцать пять лет назад. От нее пахло жареными гамбургерами и дизельным топливом.

— Почему? — потребовала она. — Потому что ты оплакиваешь потерю своей любовницы?

Дрейк прижал палец к центру лба.

— Потому что у меня болит голова, а от твоего крика становится еще хуже.

Он ожидал, что его жена моргнет, как будто собиралась заплакать, и убежит обратно в дом. Так она обычно делала. Несомненно, она думала, что заставляет его чувствовать себя виноватым. Но на самом деле все совсем не так. Ему было совершенно плевать.

— Какой ужас. У меня голова уже много лет не перестает болеть от тебя.

Дрейк нахмурился.

— О чем ты говоришь?

Ее лицо, которое когда-то считалось красивым, теперь было усеяно морщинами и искажено безобразной гримасой.

— Одно дело подозревать, что ты занимался сексом с этими шлюхами в местном баре, — выдавила она из себя. — Они были ничтожествами, которых ты использовал и выбрасывал. Но Лорел Мур... — Ее голос треснул от боли.

Дрейк вскочил на ноги, стул заскрежетал по цементному полу.

— Не произноси ее имя.

Мона вздрогнула, но, обхватив руками свою слишком тонкую талию, не двинулась с места.

— Тот год, который ты провел, тайком убегая в тот домик, чтобы провести с ней выходные, уничтожил меня. — Она посмотрела на него обвиняющим взглядом. — Ты любил ее?

— Замолчи.

— Любил?

— Да. Довольна? — Дрейк сделал глубокий глоток пива, опустив бутылку, чтобы посмотреть на женщину, которая за эти годы стала не более чем нежелательной помехой. — Я любил ее еще со школы.

Мона вздрогнула, как будто его слова причинили ей физическую боль. Возможно, так оно и было.

— Тогда почему ты не женился на ней?

Дрейк стиснул зубы. Он ужасно разозлился, когда Лорел уехала из города, чтобы учиться в колледже в Мэдисоне. В глубине души он знал, что она никогда не вернется. Она была слишком красива. Слишком талантлива. Слишком... все, чтобы довольствоваться таким мужчиной, как он.

— Потому что она хотела большего, чем рабочий-строитель из маленького городка. — Он не пытался скрыть свою горечь. — Она думала, что этот ее профессор отвезет ее куда-нибудь. Вместо этого она застряла в другом маленьком городке с мужчиной, который не ценил того факта, что обладает необыкновенной женщиной. — Он проглотил последний глоток пива. — Вот почему она в конце концов вернулась ко мне.

— И кем была я? — потребовала Мона. — Запасным вариантом?

Дрейк пожал плечами. Когда-то он считал Мону достаточно красивой. И его самолюбие успокаивало осознание того, что она любит его до такой степени, что стерпит любое оскорбление или предательство. Кто бы мог подумать, что ее пылкое обожание окажется настолько назойливым?

— Ты была удобна.

Мона задохнулась, ее лицо покраснело до странного пурпурного оттенка. Но это не от боли. Или предательства. Впервые за время их брака она пришла в ярость.

— Я следила за тобой.

— Что?

— Тот последний вечер, который ты провел с Лорел, — сказала она, на уголке ее рта образовались белые капельки слюны. Она словно взбесилась, а ее глаза дымились от эмоций. — Я последовала за тобой в домик.

Дрейк посмотрел на свою жену. Лорел была единственной отрадой в его жалкой жизни. Как смеет эта сука пытаться запятнать его память мыслями о том, что она крадется по округе, заглядывает в окна, как какой-то извращенец?

— Зачем? — прорычал он.

— Я собиралась разобраться с вами двумя. Устала от того, что со мной обращаются так, будто я слишком глупа, чтобы знать, что у моего мужа роман.

— Так ты шпионила за нами?

Она сделала паузу, как будто намереваясь солгать. Затем покачала головой.

— Я не выходила из машины. У меня не хватило смелости.

Гнев Дрейка не ослабел от ее признания. Совсем наоборот.

— Конечно, не хватило. Ты труслива, как мышь. Я едва замечаю, как ты крадешься по дому, — насмеялся он. — Если бы это была Лорел, она бы ворвалась и вонзила нож в мое сердце. Она всегда вела себя смело. Женщина, которая знала, как пленить страстью мужчину.

На раскрасневшемся лице Моны появилось странное выражение.

— Тебе нужна смелая женщина? Отлично. Как тебе это? — Она послала ему натянутую,

лишнюю юмору улыбку. — Думаю, дочери Лорел будет очень интересно узнать, что я видела тем вечером.

Повернувшись на пятках, она зашагала к выходу из гаража с напряженной спиной.

Дрейк смотрел, как она уходит, в горле застрял протест. Неужели мир сошел с ума? Сначала Винтер появилась у него на пороге с личными письмами, а теперь Мона ведет себя так, словно кто-то засунул ей в задницу хребет.

Темнота затуманила его разум, взгляд переместился на дробовик, который он держал на деревянной стойке, прибитой к стене.

Глава 7

После того как Ноа подвез ее до квартиры, Винтер ожидала еще одну бессонную ночь. В ее жизни хватало причин для бессонницы. Начиная с фотографии, оставленной шерифом Янсенем, пожара в доме Тилли сразу после того, как они провели допрос, и заканчивая открытием, что у ее мамы был роман с Дрейком Шелтоном.

Но усталость навалилась на Винтер уже через несколько минут после того, как она забралась в постель. Единственный раз она проснулась в 23:11 вечера, в тот самый момент, когда умерла ее мать. Винтер всегда просыпалась в это время, и часто остаток ночи ее мучили кошмары. Но в эту ночь благословенная тьма завладела ею около полуночи и не выпускала из своих объятий почти до семи утра.

Когда она приняла душ и переоделась в джинсы и обычный свитер, было уже за восемь. Она быстро позавтракала, прежде чем выйти из дома и поехать в колледж Гранта на западной стороне Ларкина. Припарковавшись на частной стоянке, она вылезла из машины. Светило солнце, и ветер стих до легкого дуновения, отчего стало почти тепло.

Именно этим она оправдывала свои медленные шаги, когда шла к куполообразному административному зданию в центре небольшого кампуса. Прекрасными днями в Ларкине нужно успевать наслаждаться.

Однако в глубине души Винтер понимала, что именно ее нежелание встречаться с отцом мешает ей идти. Одно дело — смело решить, что она собирается потребовать от отца ответов. И совсем другое — войти в его кабинет и вызвать воспоминания, которых они оба избегали долгие годы.

Винтер зашла в здание из красного кирпича, которое не менялось с тех пор, как его построили в 1800-х годах, и зашагала по широкому коридору, уставленному стеклянными витринами с трофеями и старыми фотографиями. Из-за закрытых дверей доносился отдаленный гул голосов, но в нем не ощущалось той бешеной энергии, которая наполняла лекционные залы или общежития. Тут царила чопорная тишина бюрократов, которым нравится притворяться, что они слишком величественны, чтобы повышать голос.

Винтер поморщилась. Хотя она училась в колледже Гранта, а ее отец преподавал там уже тридцать лет, она редко посещала его кабинет. Он не только проводил большую часть времени в классе или библиотеке, но и никогда не поощрял ее визитов к нему во время работы.

Однако в последние несколько лет он возглавил кафедру английского языка, и теперь ему приходилось меньше времени уделять преподаванию и больше — административным обязанностям. В этот час он наверняка сидит за своим столом.

Поднявшись по ступенькам на второй этаж, Винтер остановилась перед дверью в конце коридора. Прижав руку к животу, она глубоко вздохнула. Ноа предложил пойти с ней, но она отказалась. Не то чтобы у нее оставались от него какие-то секреты. Или из-за гордости и

желания сохранить свою независимость Винтер не могла опереться на другого. Совсем нет. Только благодаря присутствию Ноа она смогла пережить вчерашний день. Он именно тот друг, в котором она так нуждалась.

Но профессор Эдгар Мур был очень замкнутым человеком. Он редко обсуждал свои отношения с умершей женой — даже с Винтер — и никогда, никогда не показывал своих эмоций. Будь рядом Ноа, даже дикие лошади не смогли бы вырвать правду из его уст.

Открыв дверь, Винтер вошла в приемную, оформленную в приглушенных тонах. За длинным столом, уставленным аккуратно разложенными папками, стоял суперсовременный компьютер. За столом сидела женщина средних лет со светлыми волосами, стянутыми в гладкий узел на затылке, и бледным лицом, слегка покрытым косметикой. Ее глаза были холодного, арктического голубого цвета, а одежда — из отдела строгих деловых костюмов магазина. Странно, но она всегда напоминала Винтер рептилию.

Линда Бейкер занимала должность секретаря ее отца столько, сколько Винтер себя помнила. Она начинала секретарем в отделе гуманитарных наук, и по мере того, как Эдгар продвигался по служебной лестнице, следовала за ним. Теперь Эдгар стал деканом факультета английского языка, а Линда — помощником по административным вопросам.

— Винтер, какой сюрприз. — Линда моргнула, прежде чем нацепить улыбку на свои тонкие губы. Ее снисходительные манеры заставили Винтер заскрипеть зубами. Она не знала, просто ли это особенность личности секретарши отца — вести себя как язвительная стерва, или это специально адресовано ей, но Винтер изо всех сил старалась избегать эту женщину. Ей совсем не хотелось, чтобы в ее жизни присутствовало плохое настроение.

— Папа в своем кабинете?

— Да, но боюсь, что он готовится к встрече по бюджету.

— Мне нужно переговорить с ним.

Улыбка Линды не сходила с лица, когда она потянулась к переговорному устройству на своем столе.

— Я действительно должна спросить доктора Мура. Ты же знаешь, как он не любит, когда его прерывают во время работы.

Винтер нахмурилась. Линда имела привычку препятствовать тому, чтобы Винтер проводила время с отцом. Она могла бы подумать, что секретарша ревнует, если бы это не звучало так нелепо.

— Я его дочь. — Винтер решительно направилась к двери. — Он никогда не бывает слишком занят для меня.

— Подожди.

Не обращая внимания на Линду, которая вскочила на ноги и поспешила за ней, Винтер прошагала по ковру цвета слоновой кости, чтобы открыть дверь во внутренний кабинет. Заглянув внутрь, она увидела отца, сидящего за своим столом у открытого окна.

— Я не помешаю?

Эдгар удивленно поднял голову.

— Винтер. Конечно, нет. Входи.

Она шагнула в кабинет, скрывая раздражение, когда Линда ворвалась следом.

— Могу я что-нибудь предложить? — обратилась секретарша, претендуя на роль хозяйки. — Кофе? Чай?

Эдгар послал ей теплую улыбку.

— Для меня ничего. Спасибо, Линда. Винтер?

— Нет, спасибо.

Винтер отбросила мысли о секретарше, двигаясь к центру кабинета.

— Кажется, мы не договаривались встретиться сегодня? — заметил ее отец, вежливым, но рассеянным голосом.

В этом не оказалось ничего нового. Эдгар Мур не знал, что делать с маленькой дочерью после смерти жены. Он изо всех сил старался дать ей хороший дом, в котором есть все, чего только может пожелать ее сердце. И Винтер никогда не сомневалась, что он ее любит. Но его внимание всегда занимала карьера. Она давно смирилась с этой истиной.

— Нет.

— О, хорошо. — Он снял очки и стал полировать их носовым платком, который достал из кармана рубашки. Ее отец был небольшого роста, с седыми волосами, которые он зачесывал с узкого лица. Зеленые глаза смотрели пристально, намекая на его впечатляющий интеллект. Нос заметно выдавался вперед, а кожа была бледной от долгих часов, проведенных в закрытом помещении. Как всегда, на нем была белая рубашка с черным галстуком и черные брюки, кожаные туфли блестели от утренней полировки.

— С этим отчетом о бюджете голова идет кругом, — сказал он ей с горечью. — Я могу декламировать сонеты Шекспира, но не помню, должны ли новые стулья, которые мы купили для литературной гостиной, быть оплачены из средств гранта или из фонда пожертвований.

— Разве не все профессора должны витать в облаках?

— Дурак считает себя мудрым, а мудрый человек знает, что он дурак, — процитировал ее отец сухим тоном. — Итак, что я могу для тебя сделать?

— Я просто хотела задать несколько вопросов.

— Конечно. — Он неопределенно махнул рукой. — Садись.

Винтер села за захламленный стол, переведя взгляд с отца на обшитые панелями стены, увешанные картинами маслом и тяжелую деревянную мебель, которую обычно можно встретить в английских загородных поместьях. Винтер нахмурила брови. Где же прекрасные пейзажные акварели, которые рисовала ее мама? И что случилось с мягкими персиково-кремовыми шторами, что добавляли столь необходимый всплеск цвета в скучное пространство?

Теперь все здесь выглядело мрачным, жестким и... другим.

— Когда ты переделал свой кабинет?

— Ох. Это да. — Эдгар пожал плечами, его вид выражал озадаченность. — Линда убедила меня, что он выглядит немного потертым, и она привела его в порядок несколько месяцев назад.

— Ты позволил своей секретарше сделать ремонт? — спросила Винтер, не понимая, почему ее оскорбила эта мысль. Возможно, потому что она не хотела, чтобы Линда брала в руки картины ее матери. Или запихивала их в темный чулан, как будто они хлам.

Ее отец вдруг стал защищаться, запоздало поняв, что Винтер недовольна.

— Ты же меня знаешь. Мой вкус в мире моды хуже, чем мои математические способности. Твоя мама жаловалась, что я, наверное, дальтоник.

Именно этого момента Винтер и ждала. Сделав над собой усилие, она отбросила раздражение по отношению к Линде Бейкер и сосредоточилась на том, чтобы направить разговор в нужное ей русло.

— Я наведала могилу мамы вчера.

Эдгар кивнул, выражение его лица стало привычно твердым. Ее отец ненавидел обсуждать свою жену. Винтер всегда считала, что это потому, что воспоминания все еще слишком болезненны. Однако сегодня утром она задалась вопросом, нет ли другой причины, по которой он не хочет копаться в своей памяти.

— Да, ты говорила, когда звонила, — пробормотал он, надевая очки в черной оправе и возвращая носовой платок в карман.

— А еще я заехала в рыбацкий домик, — продолжила Винтер.

Эдгар посмотрел в замешательстве.

— Домик твоего деда?

— Технически сейчас он мой.

— Да, да. Конечно. — Его замешательство никуда не делось. — Зачем ты туда поехала?

Винтер пожала плечами.

— Кому-то нужно проверить собственность. Давно следовало туда наведаться.

— Полагаю, ты права, — согласился Эдгар. — Не думала нанять агента по недвижимости?

Винтер потрясенно вздохнула.

— Чтобы продать домик?

— Ты не пользуешься им, и в конце концов он испортится до такой степени, что его придется снести.

Отец прав. И если говорить начистоту, то она признала бы, что когда вспоминала, что владеет домиком, он казался ей скорее обузой, чем наследством. Не похоже, что он ей нужен. Не тогда, когда она работала двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Но услышать, как ее отец произносит эти слова вслух, ранило, как физический удар.

— Он единственное, что у меня осталось, принадлежащее маме.

— Я понимаю, но думаю, что тебе лучше сосредоточиться на будущем, а не заикливаться на прошлом.

— Желание сохранить частичку памяти о маме — это не заикливание на прошлом.

Губы Эдгара сжались.

— Я не хочу спорить. Поступай так, как считаешь нужным. — Он посмотрел на дедушкины часы, стоящие в углу кабинета. Не слишком тонкий намек на то, что он закончил разговор. — Ты пришла сегодня утром по какой-то причине?

Винтер медленно и глубоко вдохнула, давая себе возможность обдумать то, что собиралась сделать. Она не настолько близка с отцом, как ей хотелось бы, но любила его. Последнее, что Винтер хотела — это причинить ему боль.

К сожалению, мучительные вопросы оставались единственным известным ей способом узнать, намеренно ли стреляли в ее мать или это просто случайное преступление.

— Я кое-что нашла, побывав в домике. — Наконец она заставила себя произнести эти слова.

— Что?

Винтер полезла в сумочку и достала сложенные конверты. Она протянула их отцу, чтобы он смог рассмотреть.

— Это.

— Письма?

— Любовные письма.

— Я не понимаю. — Он разглядывал конверты с едва скрываемым отвращением. — Ты

хочешь, чтобы я прочитала твои старые любовные письма?

— Они не мои.

— Ох.

Винтер наклонилась вперед, уронив письма на стол.

— Ты знал, что у мамы был роман с Дрейком Шелтоном?

— Что? — Эдгар дернулся в шоке.

— Я сказала, что у мамы был роман с мужчиной по имени Дрейк Шелтон. Это сосед бабушки Херст.

Его лицо потеряло цвет.

— Я слышал, что ты сказала.

— Ты знал?

Эдгар сжал челюсти, намеренно отказываясь взглянуть на конверты.

— Я не собираюсь обсуждать это с тобой.

Значит, он и в самом деле знал. Она могла прочесть правду, написанную на его лице.

— Еще как собираешься.

— Винтер.

В его голосе прозвучали нотки, которые обычно заставляли ее отступить. Винтер ненавидела споры. Не то чтобы она была покорной, но предпочитала избегать конфликтов, когда это возможно. На этот раз она выпрямилась и решительно продолжила.

— На протяжении многих лет ты отказывался говорить о маме. Думаю, я заслуживаю ответа.

Уголок его рта нервно дернулся.

— Мы ее похоронили. Разве нельзя дать ей покоиться с миром?

Фотография, запечатлевшая последние минуты жизни ее мамы, пронеслась в голове Винтер. Чувствовала ли она, что грабитель вот-вот нажмет на курок? Узнала ли того, кто стоял перед ней? Молила ли о пощаде?

Вопросы мучили ее с болезненной настойчивостью.

— Она покоится с миром? — прошептала Винтер. — Я так не думаю.

Эдгар тяжело вздохнул.

— Я знаю, что это тяжело, Винтер. Потерять мать в таком юном возрасте...

— Вот именно. Мои воспоминания поблекли, и я едва могу представить ее лицо. Мне нужно знать, кем она была.

— Отлично. Поужинаем на следующей неделе. — Эдгар потянулся за ручкой. Он все более явно намекал на то, что хочет, чтобы она ушла. — Тогда и поговорим.

Винтер покачала головой. Она знала своего отца. Он предлагал поужинать, по крайней мере, несколько раз в месяц. Ужины, которые забывались, отменялись или переносились на более поздний срок.

Она расправила плечи.

— Ты знал об этом романе?

Он сжал ручку так крепко, что она сломалась пополам.

— Винтер. Прекрати это.

— Знал?

Пробормотав проклятие, Эдгар уронил ручку и потянулся за носовым платком. Он тщательно вытер капли чернил с кончиков пальцев.

— Да. — Слово прозвучало так, словно само вырвалось из его сжатых губ. — Я знал.

Мы переживали трудные времена. Я много работал, и быть женой профессора оказалось не так гламурно и не так захватывающе, как думала Лорел.

Винтер откинулась в кресле, чувствуя себя странно подавленной. Неужели она питала тайную надежду, что все это ошибка? Что ее мать не использовала домик как какую-то пошлую любовную хижину?

Она сглотнула комок, который грозил образоваться в ее горле.

— Хочешь сказать, что ей было скучно?

— Она разочаровалась, — поправил Эдгар.

— В чем?

— Во мне. В своем искусстве. В этом городе.

Винтер вцепилась в ручки кресла, пока далекое воспоминание дразнило край ее сознания. Крик ее мамы перед тем, как она выскочила из дома.

— И я ее раздражала? — спросила она мягким голосом.

— Да. — Эдгар выбросил платок в мусорное ведро рядом со своим столом. Редкий случай проявления гнева. — Я думаю, она надеялась, что роман поможет ей почувствовать себя так же, как в подростковом возрасте. Это не редкость. Браки никогда не бывают гладкими. Всегда есть беспокойные моменты.

— Роман — это больше, чем беспокойный момент.

— Возможно. — Он отвел взгляд, его челюсть сжалась, как будто отец боролся с эмоциями, которыми не хотел делиться. — Но мы работали над нашими отношениями. Она поклялась, что покончила с романом в те выходные, когда...

— Была убита? — закончила Винтер за него.

— Умерла, — отчеканил он. Эдгар всегда отказывался произносить слово «убита». Или даже «застрелена».

Винтер предположила, что он хотел оградить ее от насилия, которое оборвало жизнь ее матери. Или потому, что ему просто невыносимо использовать эти слова.

— И ты ей поверил? — потребовала она.

— Да. — Эдгар вскочил на ноги, его лицо напряглось. — И это все, Винтер. У меня встреча через десять минут.

Винтер медленно поднялась на ноги, рассеянно взяла письма со стола и засунула их обратно в сумочку. В стройном теле отца чувствовалось напряжение, которого она никогда раньше не замечала. Он и правда расстроился. Но почему?

Потому что она воскресила в памяти болезненные воспоминания о неверности его жены? Или потому, что ему было стыдно за то, что Винтер узнала правду? А может быть, его расстроило осознание того, что у него отняли жену как раз тогда, когда они восстанавливали свой брак?

Каким бы ни оказался ответ, она не собиралась добиваться от отца дополнительной информации. Не сегодня.

Выйдя из кабинета, она преодолела половину пути через приемную, когда почувствовала, как на ее руке сомкнулись чьи-то пальцы.

— Винтер. — Холодный голос Линды Бейкер ворвался в сумбурные мысли Винтер. — Можно тебя на пару слов?

Вынужденная остановиться, она оглянулась через плечо.

— Что?

— Я слышала твой разговор с отцом.

Винтер посмотрела в сторону смежной двери. Она так увлеклась, что не заметила, что секретарь намеренно оставила ее открытой.

— Вы подслушивали. — Она посмотрела на секретаршу. — Это был личный разговор между мной и моим отцом.

Линда не потрудилась извиниться. Они обе знали, что она не сожалеет. Вместо этого она улыбнулась, стараясь изобразить сочувствие.

Крокодил. Это слово пронеслось шепотом в глубине сознания Винтер.

— Я знаю, что ты расстроена. Должно быть, это шок.

Винтер высвободила руку.

— Как я уже сказала, это личное.

Она уже направилась к наружной двери, когда мягкие слова Линды заставили ее остановиться.

— Ты пришла сюда, чтобы узнать правду или нет?

Винтер медленно повернулась.

— Простите?

Линда подалась вперед, скорчив кислую гримасу.

— Твой отец никогда не расскажет о том, что он пережил во время брака.

Винтер сузила глаза. Она всегда чувствовала, что эта женщина одержима ее отцом. И не желает делить его ни с кем, включая его собственную дочь.

Теперь она ясно видела, что Линда люто ревновала Эдгара к его умершей жене.

— Но вы мне расскажите?

Линда наклонилась вперед, обдав Винтер удушливым ароматом своих дорогих духов.

— Мужчина в Пайке не был первым любовником Лорел.

Винтер вздрогнула от этого ужасного обвинения.

— Откуда вы знаете?

Линда пожала плечами.

— Об этом в городе все знали.

Слова больно ударили Винтер.

— Я вам не верю.

— Мне жаль, Винтер. Я не пытаюсь быть жестокой, но не позволю тебе думать плохо о своем отце. — В холодном голосе женщины не чувствовалось никакого сомнения. — Он пытался сохранить семью, несмотря на то, что твоя мать постоянно ему изменяла.

Винтер приказала себе уйти. Она пришла сюда не для того, чтобы слушать, как женщина, которая ей даже не нравилась, говорит гадости о ее умершей матери. Но ее ноги отказывались двигаться. Если Линда говорила правду, то Винтер должна послушать, что она скажет.

— Кто?

Секретарша моргнула от резкого вопроса Винтер.

— Что?

— Вы сказали, что похождения моей матери широко известны. С кем еще она спала?

— Ох, — Линда пожала плечами. — Доктор Пейтон, профессор искусств.

Винтер вздрогнула, прежде чем сумела удержать свое лицо под контролем. Она не хотела, чтобы Линда получила удовольствие, увидев ее шок.

Не то чтобы трудно представить себе доктора Пейтона, предающегося интрижкам. Он был именно таким, каким, по общему мнению, должен быть профессор искусства.

Симпатичный хипстер с небрежным шармом и атмосферой свободного духа. Каждая женщина в кампусе находила его привлекательным.

— Кто еще, — потребовала она.

— Макс Дженкинс.

Винтер покачала головой.

— Я никогда не слышала этого имени.

Линда поджала губы в неодобрительной гримасе.

— Он работал водителем в службе доставки. Макс покончил с собой вскоре после того, как твоя мать узнала, что беременна тобой. — Она сделала паузу, предположительно для драматического эффекта. — Ходили слухи, что он умер от разрыва сердца.

Эти леденящие душу слова пронзили Винтер, как кинжал. Оттолкнув секретаршу, она поспешно вышла из кабинета. Через десять минут она уже сидела в своем грузовике и ехала домой.

Она пыталась сосредоточиться на признании отца в том, что он знал о неверности своей жены. И что она намеревалась порвать с Дрейком Шелтоном. Возможно ли, что Дрейк пришел в ярость, когда ее мать сказала ему, что роман окончен? Вчера, когда они виделись, он выглядел как человек, глубоко скорбящий по любимой женщине.

Винтер сжала руль, стараясь не отвлекаться от дороги.

Если ее мать смогла довести одного человека до самоубийства, могла ли она довести другого до убийства?

Глава 8

Винтер намеревалась ехать прямо домой. Она устала и отчаянно нуждалась в кофе, но почему-то направилась в дальнюю часть Ларкина, где за кронами старых дубов пряталось небольшое кладбище. Остановившись возле ворот, она вышла из грузовика, чтобы побродить среди могил.

Она не ожидала ничего найти. Даже если Макс Дженкинс покончил с собой, нет никакой гарантии, что его похоронили именно здесь. Или что она смогла бы найти его могилу. Ларкин хоть и маленький городок, но существует с начала 1800-х годов. За это время умерло много людей.

Она огибала массивный мавзолей в готическом стиле, построенный одним из основателей города, когда ее взгляд привлекло простое надгробие рядом с дорожкой. Максвелл Дженкинс.

Это здесь?

Винтер присела, чтобы смахнуть толстый слой пыли.

Максвелл Дженкинс

Любимый сын и брат

Покойся с миром

22 декабря 1991 года

У Винтер пересохло во рту, и она бросилась назад к машине с приглушенным ругательством. Зачем она приехала? Чтобы убедиться, что человек по имени Макс Дженкинс существовал? И что он умер примерно в то время, когда ее мать поняла, что беременна? Или потому что она отчаянно надеялась, что Линда лжет?

Вернувшись в свой грузовик, она поехала прямо в центр города. Больше никаких остановок, строго сказала Винтер себе. От них только больше головной боли.

Въезжая на стоянку, она увидела серебристый фургон. Ей не требовалось видеть знак на

боку машины, рекламирующий ремонтные услуги Уилера, чтобы узнать владельца.

Она знакома с Оливером Уилером, или Олли, как она его называла, всю свою жизнь. Когда она была маленькой девочкой, он работал на ферме у ее бабушки. Первоначально на работу наняли отца Олли, но он ушел, когда Олли был подростком, оставив юношу выполнять свою работу, чтобы сохранить крышу над головой матери.

Многие годы Олли зарабатывал деньги, выполняя непостоянную работу по всему городу. Теперь у него уже собственный бизнес, и он пользовался постоянным спросом у местных жителей. Только преданность бабушке Винтер служила залогом того, что он продолжал уделять первостепенное внимание ее ресторану.

Остановившись рядом с его фургоном, Винтер выпрыгнула из своего грузовика. Пока она оглядала капот, Олли присоединился к ней.

Он был невысокого роста, с бледной кожей, несмотря на время, проведенное на солнце. Его темные русые волосы всегда коротко подстрижены, а глаза имели цвет между голубым и серым. Олли около сорока лет, но выглядел он моложе. Может быть, дело в его застенчивой улыбке или просто в атмосфере невинности, которая никогда не менялась.

Этим утром он был одет в обычный комбинезон со своим именем, вышитым на кармане.

— Олли. — Она улыбнулась ему, радуясь тому, что отвлеклась от своих тревожных мыслей. — Я не знала, что ты придешь сегодня утром.

— Я нашел запасную ручку для твоей морозильной камеры. Подумал, ты захочешь, чтобы я занялся этим, пока ресторан закрыт.

— Идеально, спасибо, — сказала она. Морозильник все еще работал, но внутренняя ручка сломалась. Винтер боялась, что кто-то может запереться внутри. — И, если у тебя есть время, я бы хотела обсудить вопрос об удалении цемента в задней части участка для пристройки к ресторану. Я хочу разбить сад, прежде чем мы начнем работу над патио.

Олли кивнул.

— Хочешь подождать, пока твой посетитель уйдет?

— Прости?

— Я видел, как кто-то выходил через заднюю дверь, когда заезжал на стоянку.

Винтер смотрела на него в замешательстве, но часть ее надеялась, что он шутит. Олли был отличным парнем, но он всегда отличался отсутствием чувства юмора. Иногда трудно понять, когда он шутит. Поскольку он просто ждал ее ответа, она посмотрела в сторону кирпичного здания. В нем располагались три входа. Главная дверь в передней части для клиентов. Боковая дверь вела в заднюю часть столовой и на кухню. Этим входом пользовались ее сотрудники. Он также служил аварийным выходом из ресторана, и именно им она обычно пользовалась сама. Ей нравилось проходить через ресторан, прежде чем отправиться в свою квартиру. Не только чтобы проверить, как идут дела, но и чтобы просто насладиться тем, что она создала. Дверь в задней части здания была деревянной и редко использовалась.

— Старая служебная дверь? — спросила она.

— Да.

— Ты смог его рассмотреть?

— Не совсем. — Он пожал плечами. — Я не очень-то присматривался. Просто предположил, что это друг, который остановился у тебя.

— Это был парень?

— Я только мельком взглянул.

— На чем он приехал?

— Я не видел. Кто бы это ни был, он исчез за зданием. — Запоздало почувствовав, что Винтер напряжена, Олли нахмурился. — Мне позвонить в 911?

Винтер колебалась. Возможно, Олли ошибся. Если он только мельком увидел кого-то, то, возможно, человек выходил из служебной двери. Ресторан был закрыт, но кто-то из ее персонала мог что-то забыть.

С другой стороны, действительно ли она хотела рисковать? Да, возможно, ничего страшного, но что, если кто-то следил за ней от Пайка?

Она все еще металась между осторожностью и смелостью, когда на стоянку въехал знакомый джип.

Ноа.

Винтер почувствовала облегчение. И вовсе не потому, что ей нужен мужчина, который заботился бы о ней, но когда рядом находился Ноа, ей казалось, что она может справиться с любой проблемой. Так было всегда, с самого начала. Именно ему она позвонила, чтобы он отвез ее на первые школьные танцы после того, как парень, пригласивший туда, бросил ее. Он вытащил ее на буксире, когда она съехала на машине в кювет посреди ночи. И сопровождал ее, когда она ходила в городской совет, чтобы получить разрешение, необходимое для открытия ресторана.

Поняв, что Олли ждет ответа, она покачала головой.

— Нет, спасибо. Наверняка это один из моих сотрудников. — Она заставила себя улыбнуться. — Может быть, ты вернешься позже, чтобы заняться морозильником?

— Без проблем. — Он сделал паузу, глядя на нее с явным беспокойством. — Все в порядке, Винтер?

Винтер проглотила истерический смех. Все абсолютно не в порядке. Все пошло кувырком с тех пор, как она открыла этот проклятый конверт.

— Я в порядке, — смогла пробормотать она.

Олли нахмурился, но не стал давить на нее. Вместо этого он протянул руку, чтобы слегка коснуться ее плеча.

— Ладно. Ты знаешь где меня найти.

Отвернувшись, Олли направился к своему фургону, помахав рукой Ноа, который легкой и непринужденной походкой направился к Винтер. Послышался звук заводящегося двигателя, и Олли уехал, но Винтер сосредоточилась на друге, который стоял прямо перед ней.

Сегодня утром он был одет в свою форму. Коричневая рубашка на пуговицах и темные брюки тщательно отглажены и прилегают к его мускулистому телу. Ботинки начищены, а на тонкой талии пристегнуто оружие.

Он всегда держался уверенно, но форма подчеркивала это.

— Тебе требуется ремонт? — спросил он, изучая ее внимательным взглядом.

Винтер рассеянно потянулась вверх, чтобы убрать длинные пряди волос. Дул легкий ветерок, принося с собой прохладу, которая легко проникала сквозь свитер. Вот тебе и весна.

— Олли приехал, чтобы заменить деталь в морозильной камере, но... — Ее слова замерли на губах, когда по телу пробежала дрожь.

Ноа шагнул к ней, легко почувствовав ее тревогу.

— Что?

— Олли сказал, что видел, как кто-то выходил из моего ресторана через заднюю дверь, когда он подъезжал.

— Кто?

— Он сказал, что смог лишь мельком увидеть.

— Оставайся здесь.

Винтер не стала спорить. Ноа обучен справляться с потенциальной опасностью. Не говоря уже о том, что у него при себе имеется заряженный пистолет. Перебежав через участок, Ноа легко открыл служебную дверь и скрылся из виду.

«Черт, эта дверь должна была быть закрыта».

Винтер достала телефон из сумочки, нервно вышагивая по участку. Она даст Ноа пять минут на быстрый обыск квартиры, а затем вызовет полицию.

Она держала большой палец на экране, готовясь нажать 911, когда дверь открылась, и Ноа направился к ней. Он шел спокойно, очевидно, внутри никто не прятался, но его лицо выглядело мрачным и напряженным. Что-то его встревожило.

— Ну? — нервничая, спросила она.

— Дверь была не заперта. — Он одарил ее суровым взглядом.

— Не смотри на меня так, — запротестовала Винтер. — Я всегда держу ее запертой, но это старая дверь. Чтобы открыть ее, не нужно много усилий. — Она посмотрела в сторону своего здания. Снаружи оно выглядело так же, как и всегда. — Что-нибудь пострадало?

— Нет, но я думаю тебе стоит вызвать полицию.

Ее сердце пропустило удар от его резкого тона.

— Почему?

— На твоей кровати оставили записку.

— И что там?

— «Пусть мертвые покоятся с миром».

Винтер охнула, почувствовав себя так, словно ее только что ударили в живот. Она надеялась, что все это просто большая ошибка. Что Олли увидел одного из ее сотрудников, выходящего из ресторана. А может, просто друг, который стучит в дверь, чтобы узнать, дома ли она.

Теперь ей пришлось смириться с тем, что кто-то проник в ее личное пространство. Кто-то проник в ее спальню. Еще одна дрожь пробежала по ее телу. И оставил предупреждение, которое явно связано со смертью ее матери.

— Да, — пробормотала она, прижимая большой палец к экрану своего телефона. — Давай позвоним в полицию.

***

Незнакомец наблюдал из переулка, как уезжает полицейская машина. Такая суматоха из-за крошечной записки. Даже как-то неожиданно. Но, с другой стороны, это не принесло разочарования. Не при виде мигающих огней и обеспокоенных выражений лиц. Волнение пульсировало в воздухе. Как и все эти годы назад.

Незнакомца охватила жажда большего. Это лишь бледная имитация того, что произошло в Пайке. Тогда все происходящее воспринималось близко и лично. И опьяняюще. Что может быть более захватывающим, чем слезные мольбы, отчаянные крики и, наконец, громовой треск выстрела? И сквозь все это — истерические рыдания ребенка.

Незнакомец вновь и вновь переживал воспоминания о событиях 25-летней давности.

Теперь к привычному удовольствию добавилась нестерпимая потребность в большем.

Возможно...

Нет. Есть более важные заботы. Утреннее происшествие показало, что есть еще незавершенные дела, требующие его внимания.

Личного внимания.

***

Ноа проводил Шелли Симпсон до ее патрульной машины, припаркованной рядом с рестораном Винтер, чтобы ей не мешала толпа зевак. Она была примерно одного возраста с Ноа, и они вместе учились в колледже штата Айова. Кроме того, они встречались время от времени. Шелли была почти такого же роста, как Ноа, с копной черных волос и бархатными темными глазами. Она обладала крепкой мускулатурой атлета, а черты ее лица скорее выглядели яркими, чем красивыми.

Ноа всегда не понимал, почему они не могут пойти дальше случайных свиданий. Они оба служили в правоохранительных органах. Оба любили отдых на природе. По выходным с удовольствием играли в баскетбол, а по утрам часто бегали трусцой по одним и тем же маршрутам.

Они казались идеальной парой.

Но ни один из них никогда не настаивал на признании этих отношений официальными. И в конце концов они отдалились друг от друга.

Шелли приехала на вызов о взломе в «Винтер Гарден». К счастью. Может, она и одна из самых молодых полицейских Ларкина, но уж точно лучшая. К тому же Ноа знал, что она выслушает. Не только о факте взлома, но и о том, что они обнаружили во время своего короткого визита в Пайк.

Это не означало, что она поверит в то, что в смерти Лорел есть что-то странное, но не станет отвергать их как сумасшедших теоретиков заговора. Или настаивать на том, чтобы он не лез в дела полиции. Некоторые из пожилых копов придерживались жесткой территориальной позиции.

Она молча слушала, как он рассказывал о фотографии, оставленной шерифом Янсенем, о пожаре в доме Тилли Лиддон и о любовных письмах, которые привели их в дом Дрейка Шелтона. Когда Ноа закончил, она кивнула и открыла дверь своей машины. Шелли не из тех, кто много болтает. Если ей есть что сказать, она это скажет. В противном случае ей нравилась сила молчания.

— Есть ли надежда узнать, кто проник в дом?

— Мы сняли отпечатки пальцев, и я отправлю записку в лабораторию, чтобы посмотреть, смогут ли они что-нибудь выяснить. Еще я поговорю с Оливером Уилером, может быть, он сможет описать, кого видел выходящим из здания. — Она оглядела магазины, расположенные вдоль Седар-авеню. — Кроме того, я проверю, нет ли у кого-нибудь камеры, направленной в эту сторону. — Судя по ее тону, она не ожидала найти ничего полезного. Ноа не винил ее. В Ларкине редко случались преступления, и не возникало необходимости вести наблюдение за пустым участком. — Честно говоря, я больше ничего не могу сделать, — призналась она.

Ноа кивнул. Именно этого он и ожидал.

— Ты можешь провести какое-нибудь расследование смерти Лорел Мур?

Она сделала паузу, как бы обдумывая его просьбу. Шелли не любила давать пустые

обещания. И это одна из тех черт, которые ему в ней больше всего нравились.

— Я думаю, в Пайке сейчас временный шериф, — наконец сказала она. — Я свяжусь с офисом и узнаю, пришлют ли они старые файлы. — Она подняла руку, когда он улыбнулся. — Но есть вероятность, что им не понравится, что посторонние суют нос в их юрисдикцию. И еще более вероятно, если вдруг они пришлют файлы, я не обнаружу ничего нового.

— Я буду признателен, если ты посмотришь, — успокоил ее Ноа.

— Я распоряджусь, чтобы патрульная машина проехала дополнительно, проследить за обстановкой.

Ноа улыбнулся с искренним облегчением. Он не знал, что происходит. Ночью ему почти удалось убедить себя, что они слишком остро реагируют. В конце концов, у них нет никаких реальных доказательств того, что смерть матери Винтер объясняется лишь трагическим случаем, когда она оказалась не в том месте и не в то время. Сегодняшнее утро разрушило эту смутную надежду.

Кто бы ни оставил эту записку, он предупреждал Винтер, чтобы она перестала копаться в прошлом. То ли потому, что смерть Лорел не случайна, то ли потому, что в прошлом есть что-то еще, что не хотят раскрывать. Он не собирался делать поспешных выводов.

— Спасибо, Шелли, — пробормотал он.

Шелли начала забираться в машину, затем, приостановившись, оглянулась через плечо.

— Винтер очень нервничает. Я не уверена, что ей стоит оставаться здесь одной.

Ноа согласился. Винтер — разумная женщина, способная позаботиться о себе сама. Но последние несколько дней выбили ее из колеи. А теперь кто-то вломился в ее дом и оставил записку с угрозами. Даже если бы она хотела остаться в квартире, он бы сделал все возможное, чтобы переубедить ее.

— Она собирает вещи, — сообщил он.

Шелли приподняла бровь.

— Она остановится у тебя?

— У своего дедушки.

— А-а.

Но уставился на свою подругу.

— А-а?

Она ухмыльнулась.

— А ты хочешь, чтобы она осталась у тебя?

Да. Это слово сформировалось в его сознании с шокирующей ясностью. Он надеялся, что Винтер сама предложит поселиться в его коттедже, чтобы он мог защитить ее. Не только потому, что она доверяла ему как другу, но и потому, что...

Потому что она хотела бы быть рядом с ним.

Ноа тяжело вздохнул. Последние несколько дней разбили его упрямое убеждение, что Винтер всего лишь друг. На самом деле, Ноа подозревал, что какая-то его часть всегда знала, что он просто ждал подходящего момента, чтобы признаться в этом и себе, и Винтер.

Сейчас не подходящее время.

— Я не хочу, чтобы она оставалась одна, — ответил он Шелли.

— Это не ответ.

— Это все, что ты от меня услышишь.

— Честно. — Шелли скользнула за руль своего внедорожника. — Дай мне знать, если у

Винтер появятся еще какие-нибудь нежелательные посетители.

Глава 9

После обеда Винтер отмывала дождевые бочки, которые использовала для полива овощных грядок в теплицах, а также перекрашивала контейнер для компоста, в котором хранилось удобрение. Ей требовалась тяжелая физическая работа, чтобы перестать думать о том, что кто-то пробрался в ее дом. Возможно, это тот же человек, который убил ее мать.

От одной этой возможности у нее мурашки по коже.

Только когда тени начали стучаться над полем, где она построила свои теплицы, Винтер направилась вверх по холму к небольшому белому фермерскому дому с покатою крышей и крыльцом. За последний час поднялся ветерок, и вместе с понижением температуры он превратился из прохладного в откровенно холодный.

Прибавив шагу, Винтер проскочила мимо молочного сарая и отдельно стоящего гаража. Она приостановилась, чтобы помыть руки под насосом, прежде чем подняться по ступенькам на крыльцо.

Ее дедушка поднялся с деревянного кресла-качалки, сидя в котором он ждал ее, и одобрительно посмотрел на Винтер.

— Ну, по крайней мере, у тебя появился румянец на щеках, — отметил он.

Винтер помрачнела. Прежде чем отправиться на поле, она надела куртку и шапку, но к концу дня ни того, ни другого оказалось недостаточно.

— Кажется, это называется обморожение.

Старик фыркнул. Сандер Мур был невысоким, стройным мужчиной, который, несмотря на свои семьдесят девять лет, все еще носил густую гриву серебристых волос. Его глаза поражали пронзительной голубизной, а кожа имела ровный румяный цвет. На часах уже пять часов, поэтому он переделся из своего комбинезона в брюки и рубашку на пуговицах. Этот ритуал дедушка выполнял каждый вечер, несмотря на то, что жил один после смерти жены тридцать лет назад. Он объяснял Винтер, что переодевание — это единственный способ для фермера понять, что рабочий день закончился.

— Глупости, — укорил он. — Воздух не приносит пользы, если не бодрит.

Винтер дрожала.

— Скажи это людям, которые счастливо греются на пляжах во Флориде.

— Только не говори, что становишься мягкотелой, ладно?

Винтер повернулась, чтобы взглянуть на пастбища, окружавшие ферму. Ей нравился этот вид. Дом был построен на самой высокой точке земли, что позволяло ей видеть на многие мили, несмотря на тени, ползущие по пустым полям и загонам. Когда-то здесь располагалась оживленная молочная ферма, но с годами ее деду пришлось сократить производство. Не только из-за финансов, но и из-за отсутствия наследника, готового взять на себя основную часть работы. Дедушка стал слишком стар и немощен, чтобы продолжать.

— Может быть, — пробормотала она.

Сандер пошевелился, чтобы открыть соседнюю дверь.

— Заходи. У меня на столе тушеное мясо и горячие булочки.

— Звучит неплохо.

Они вошли в кухню, которая не ремонтировалась с конца пятидесятых годов. Шкафы, выкрашенные в зеленый цвет, висели под причудливыми углами, так как дом осел на покосившемся фундаменте. В середине пола образовалась впадина, а бытовая техника из белой превратилась в странно бежевую. Тем не менее, в доме, построенном еще ее

прапрадедом, царил домашний уют.

Они устроились за кофейным столиком, рядом с холодильником. В доме имелась официальная столовая, но деревянный стол скрывался под коробками с квитанциями, налоговыми документами и старыми журналами. Сандер не страдал накопительством, но ему было трудно выбрасывать то, что, по его мнению, могло пригодиться в будущем. Кроме того, когда он оставался здесь один, то обычно ел на подносе у телевизора в гостиной.

Винтер намазывала маслом горячую булочку, когда ее дедушка задал вопрос, который, без сомнения, вертелся у него на языке с тех пор, как она приехала на ферму.

— Ты собираешься рассказать мне, что случилось?

Она откусила кусочек тушеного мяса, не обращая внимания на жесткость и картофель, который не до конца приготовился. У ее дедушки много хороших качеств. Готовка не входила в их число.

— Я не совсем уверена, — пробормотала она.

Сандер открыл пиво. Неважно, сколько градусов на улице — плюс двадцать или минус. Ее дедушка всегда пил пиво за ужином.

— Проблемы с мужчиной?

Губы Винтер искривились. Если бы все было так просто.

— У кого есть время на мужчину?

— Молодец. — Сандер поднял свою бутылку в тосте за ее здравый смысл. — Умная женщина сама о себе позаботится. Не нужно разбрасываться на какого-то неудачника.

Винтер усмехнулась. С самого детства дед предупреждал ее, чтобы она избегала мальчиков.

— Ты совсем не меняешься.

— С чего бы мне меняться? Я прекрасно живу уже семьдесят девять лет. — Он отставил бутылку пива и принялся за тушеное мясо. Сандер мог съесть больше, чем человек вдвое его больше. — А теперь скажи мне, что у тебя на уме.

Винтер отодвинула свою тарелку и рассеянно откусила горячую булочку.

— Сначала у меня к тебе несколько вопросов.

— О чем?

— О моей матери.

Сандер бросил на нее удивленный взгляд. Затем медленно опустил свою ложку.

— Не уверен, что я подходящий человек, чтобы спрашивать.

Винтер тоже сомневалась, но должна же она кого-то спросить.

— Почему нет?

— Я уже говорила тебе, что мы с Лорел не часто виделись.

Это не совсем то, что он сказал. На самом деле, дедушка категорически отказывался обсуждать свою невестку.

— Ты так и не объяснил, в чем проблема, — пробормотала она, разминая в пальцах булочку. Ее аппетит испарился.

Сандер откинулся назад, как будто у него самого пропал аппетит.

— Она была беспокойной женщиной.

— Беспокойной?

— Лорел никогда не испытывала удовлетворения от роли жены или матери. Она всегда хотела...

— Что?

— Искала большего.

Эти простые слова вызвали в Винтер какой-то отклик. Не воспоминание. Или, по крайней мере, не точно. Но чувство. Как будто она ощущала подобное волнение, когда была совсем маленькой.

— Ты знал, что у нее были романы?

Сандер изогнул свои серебристые брови в ответ на резкий вопрос. Затем, схватив свое пиво, он сделал глубокий глоток.

— Дорогая, я не дурак, — сказал он прямо. — Кроме того, Лорел не прилагала особых усилий, чтобы сохранить их в тайне. Я думаю, она хотела, чтобы весь город знал.

Винтер сдавленно вздохнула. Очевидно, она единственная в Ларкине не знала о неверности своей матери.

— Так вот почему вы двое не ладили?

Сандер фыркнул.

— Измену я могу понять.

Винтер посмотрела на него с недоверием.

— Серьезно?

— Я знаю, что не принято говорить плохо о собственном ребенке, но Эдгар оказался не слишком хорошим мужем. Он проводил все свое время, уткнувшись в книгу. — Ее дедушка щелкнул языком. — Я виню твою бабушку. Это она настояла на том, чтобы назвать его Эдгаром Алланом в честь этого чудаковатого писателя.

Винтер нахмурилась. Ей не понравилась нотка презрения в голосе дедушки, когда он говорил об Эдгаре. Понятно, что он испытывал разочарование от того, что единственный ребенок не собирается идти по его стопам и работать на семейной ферме, но большинство мужчин гордились бы тем, что их сын получил докторскую степень и теперь преподает в колледже.

— Конечно, он проводил время с книгами, — сказала она. — Он же профессор английского языка.

Сандер пожал плечами.

— Эти причудливые степени не означают, что он может провести свою жизнь, заботясь больше о персонажах какой-нибудь старой истории, чем о своей собственной семье. Его жена неизбежно начнет скучать.

Винтер подавила желание продолжать защищать своего отца. Дело не в браке ее родителей, и не в том, насколько отец был нерадивым мужем. Винтер интересовала мама, и имелось ли в ее жизни нечто такое, что могло послужить причиной стрельбы в Пайке.

— Если тебя не беспокоили ее романы, то что тогда?

Сандер осушил свое пиво и отставил бутылку в сторону.

— Я не думаю, что нам стоит говорить об этом...

— Пожалуйста, дедушка. Это важно, — умоляла она.

Старик глубоко вздохнул.

— Хорошо. Она всегда оставляла тебя с няней или привозила сюда. Мне, конечно, нравилось, что ты у меня есть, но ребенок должен жить с матерью. — Его голос прозвучал сурово, когда он отвел взгляд, возможно, возвращаясь к неприятным воспоминаниям. — К тому же, она тратила деньги так, будто они росли на деревьях. У нее непременно должны были быть вещи по последней моде и поездки в Нью-Йорк или Чикаго, чтобы посетить музеи. Черт, она ездила на машине, которая стоила больше, чем дома большинства людей.

Мне приходилось снова и снова одалживать им деньги, чтобы они могли оплачивать счета, но этого никогда не хватало. В конце концов твой отец попросил меня продать часть фермы, чтобы рассчитаться с долгами.

Дыхание Винтер перехватило. Она не могла представить, что ее дедушка мог бы отдать свою землю. Это все равно, что продать часть своей души.

— Ты продал?

Сандер выпятил подбородок, выражение его лица стало жестким.

— Конечно, нет. Я предупредил Эдгара, когда он женился, что это ошибка. Я помогал ему достаточно, теперь он сам должен был справиться со своими проблемами. Эта земля принадлежала нашей семье двести лет, я не собирался выбрасывать ее на... — Гневные слова оборвались, и лицо старика покрылось румянцем. Винтер не знала, как он собирался назвать ее маму, но вряд ли вежливо. — В общем, я предоставил ему самому разбираться с проблемой.

Винтер поморщилась. Легко представить, как ее дедушка вышвырнул отца с фермы без единого пенни. Она обожала этого ворчливого старика, но он мог быть жестоким. Как и многие мужчины его возраста, он считал, что всегда прав.

— Что сделал папа?

— Продал несколько старых книг. — Сандер закатил глаза. — Честно говоря, он плакал как ребенок, когда упаковывал их в коробки, чтобы отправить на аукцион. Мне никогда не было так стыдно.

— Это некрасиво, дедушка. Папина коллекция книг очень важна для него.

— Я никогда не пойму, как он может быть моей собственной плотью и кровью.

Винтер не обратила внимания на ворчание дедушки. Сандер мог быть разочарован в своем сыне, но он любил его. И если бы дело дошло до беды, он сделал бы все необходимое, чтобы обеспечить Эдгара.

Вместо этого ее мысли сосредоточились на новых откровениях о ее маме.

Она прижала руку к животу, чувствуя, что ей нехорошо. Мало того, что Лорел спала с кем попало, так она еще и довела отца до того, что он продавал свои драгоценные книги, чтобы оплатить счета. Дело в том, что ей было скучно? Одинокое? Она сожалела о своем выборе жизненного пути?

Или дело в чем-то другом? Что-то внутри нее, что заставляло принимать плохие решения? За то время, что Винтер проходила терапию, она встречала множество травмированных детей. Они часто вели себя агрессивно по разным причинам.

Винтер откинулась в кресле, усталость навалилась на нее тяжелым грузом.

— Я думала, что знаю маму, — пробормотала она. — Я имею в виду, не так, как нормальные девочки знают свою мать. Ведь мы же не разделили наши жизни. — Она покачала головой. — Но теперь все это похоже на ложь.

Сандер изучал ее с явным беспокойством, его худое лицо смягчилось от сожаления.

— Не забивай себе этим голову, девочка.

— Ты не понимаешь.

— Конечно, понимаю, — настаивал он. — Люди никогда не хотят говорить плохо о мертвых. Ты выросла, считая свою маму святой. Ни одна женщина не может соответствовать этому стандарту.

Он не ошибся. Винтер не считала свою маму святой, но определенно возвела ее на пьедестал. А ее бабушка Херст дополнила миф о Лорел Мур.

Поскольку ее мама умерла, когда Винтер была совсем маленькой, они никогда не переживали бунтарские подростковые годы, не спорили о том, с кем ей встречаться и куда поступать в колледж. Вместо этого Лорел Мур оставалась красивой женщиной на фотографии, которая никогда не старела и не разочаровывала Винтер. Ее картины висели в ресторане Винтер, но она никогда не затмевала дочь своим талантом. И хотя Винтер регулярно навещала могилу матери, у них никогда не возникло отношений, которые могли бы быть чреваты обидами и сожалениями.

— Это правда, — согласилась она тихо.

— У всех нас есть свои недостатки. Включая Лорел. — Сандер оперся предплечьями на стол, его пронзительный взгляд прошелся по ее лицу. — Это все, что тебя беспокоит?

— Нет.

— Винтер?

— Я думаю, маму убили.

Слова упали, как бомба, и Винтер сжала руки, когда шокированная тишина заполнила кухню. Она не собиралась обсуждать свои подозрения с дедом. Он и так будет встревожен, когда она скажет ему, что кто-то проник в ее квартиру. Меньше всего ему следовало думать о каком-то сумасшедшем убийце, вернувшемся из прошлого. Но, как дедушка уже сказал, он не дурак. Он не мог не задуматься, почему она вдруг стала задавать вопросы о своей матери. И почему злоумышленник оставил записку о мертвых.

Сандер нахмурился.

— Мы знаем, что она была убита.

— Преднамеренно, — уточнила Винтер. Теперь, когда открыла свои страхи, она могла бы узнать мнение своего дедушки. Он наверняка знал, имелись ли у ее матери враги.

Сандер без предупреждения хлопнул ладонью по столу, отчего зазвенела посуда.

— Кто вбил тебе в голову эту дурацкую мысль?

— Рудольф Янсен.

— Шериф из Пайка?

— Да.

— Я думал, что он мертв?

— Да, но он оставил после себя фотографию той ночи, когда застрелили мою мать, — объяснила она ему.

Сандер застыл, словно пытаясь осмыслить ее слова. Винтер поморщилась. Она выразилась слишком прямолинейно. В конце концов, Лорел была невесткой Сандера, даже если они и не поддерживали близких отношений. Они были семьей.

— Я не понимаю, — наконец выдавил он из себя. — Есть новые улики?

Винтер покачала головой.

— Нет, но шериф сомневался, что это произошло случайно.

— Почему?

— Потому что моя мама уже отдала свою сумочку, когда в нее стреляли.

Он моргнул.

— И это все?

— Разве ты не понимаешь? Шериф считал, что причин стрелять в нее не было.

— И у него имелся подозреваемый?

— Нет, но...

— Дело возобновили?

— Нет.

— Тогда оставь это, Винтер, — взмолился дедушка. — Мне не нравится видеть тебя расстроенной.

Она опустила взгляд на свои руки, крепко сжатые на коленях. Винтер не собиралась рассказывать ему, что столкнулась с одним из любовников своей матери, или что Линда Бейкер намекнула, что ее мать довела человека до самоубийства, но она должна рассказать, почему приехала на ферму.

— Я не могу, — пробормотала она.

— Почему?

— Кто-то вломился в ресторан.

Сандер резко вдохнул, его раздражение мгновенно сменилось беспокойством.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Ты находилась там? Видела злоумышленника?

— Нет, я была в колледже, разговаривала с папой.

— Слава Богу. — Сандер глубоко вздохнул. — Сколько взяли? Тебе нужны деньги?

— Ничего не взяли.

— Ничего?

— Ничего.

Сандер выглядел озадаченным.

— Это были вандалы? Они нанесли какой-нибудь ущерб?

— Нет. Тот, кто вломился, не искал денег или причинения ущерба. Просто оставил записку.

— Записку? — Дед растерялся еще больше. Винтер его не винила. Все это не имело никакого смысла. — Что за записка?

— Та, в которой меня предупреждают, чтобы я дала мертвым покоиться с миром. — По ее телу пробежала дрожь. — Вот почему я приехала сюда, чтобы остаться на несколько дней.

Румяное лицо Сандера окрасилось в темно-красный цвет. Его вспыльчивый характер мгновенно воспламенился после того, как она сообщила, что в дом проник посторонний. Он относился к тому типу людей, которые держат у двери заряженную винтовку, чтобы сначала стрелять, а потом задавать вопросы.

— Ты вызвала полицию?

— Да. — Винтер почувствовала облегчение, когда на место происшествия прибыла Шелли Симпсон. Шелли была на пару лет старше, но они знали друг друга еще в школе. К тому же, Ноа явно ей доверял. Она не сомневалась, что Шелли сделает все возможное, чтобы найти преступника. Тем не менее, оснований для этого практически нет. Смутный взгляд Олли на злоумышленника и надежда на то, что там могут быть отпечатки пальцев. — Они ведут расследование, но пока не поймают того, кто это сделал, мне не хотелось оставаться одной.

— Черт побери, ты там не останешься, — прорычал ее дедушка, его лицо все еще пылало. — Я пойду туда завтра и поменяю замки.

— В этом нет необходимости, — заверила она его. — Я уже позвонила Джереми на лесопилку. Я заменю всю дверь.

— Хорошо.

Винтер не знала, хорошо это или нет, но это все, что она могла сделать. По крайней

мере, на данный момент.

Вытерев руки о салфетку, она отбросила ее в сторону и поднялась на ноги. После напряженного дня она чувствовала, что тонет в усталости.

— Я устала. Пойду-ка я спать.

Сандер остался сидеть на месте, его лицо все еще горело.

— Ни о чем не беспокойся, девочка моя. Я позабочусь о тебе.

— Я знаю, дедушка.

***

Винтер спала на удивление хорошо. Было ли это связано с пребыванием на ферме или с сильной усталостью, но выспавшись, она встала рано и успела приготовить завтрак к тому времени, когда ее дедушка вернулся с утренних работ. Затем, натянув старый комбинезон, хранившийся в шкафу, она направилась в свои теплицы.

Ничто в мире ее так не успокаивало, как копание в овощных грядках и наполнение корзин спелыми помидорами, огурцами, салатом и перцем. Влажный теплый воздух прилипал к коже, а в помещении витал аромат удобрений. Не каждый оценит этот запах, но у Винтер он вызывал какое-то приятное удовлетворение.

Гул автомобиля эхом разнесся по неглубокой долине. Осторожно подойдя к открытым створкам теплицы, Винтер выглянула наружу и увидела, как джип остановился перед фермерским домом.

Ноа.

Вздыхнув с облегчением, она приложила два пальца к губам и резко свистнула. Ноа махнул рукой в знак того, что услышал ее, и Винтер смотрела, как он бодро бежит по тропинке.

Как всегда, ее поразили его грациозные движения. Ему следовало бы стать танцором. Затем взгляд Винтер переместился на выцветшие джинсы и фланелевую рубашку Ноа. Ей нравилось видеть его в форме, но больше она предпочитала, когда он носил повседневную одежду, а его темные волосы взъерошивал ветерок, и тень усов смягчала жесткие линии его лица.

Ступив в теплицу, Ноа посмотрел поверх ее плеча, словно ища собеседника.

— Ты здесь одна?

— Дедушке потребовалось съездить в город за продуктами. Во всяком случае, он так сказал, — поделилась она. Не успела Винтер допить свою первую чашку кофе, как Сандер съел свой завтрак и направился к двери. — Я бы предположила, что он сейчас в ресторане, наблюдает за установкой моей новой двери. — Она указала на заряженное ружье, которое стояло в углу неподалеку. — И я не одна.

Ноа изучил оружие, прежде чем повернуться к ней.

— Ты знаешь, как им пользоваться?

Винтер кивнула. Ее дедушка настоял на том, чтобы она научилась стрелять еще в детстве. Не только для того, чтобы защитить себя, но и, чтобы не пускать живность в свои сады.

— Я могу попасть в цель, — заверила она своего друга, а потом сморщила нос. Она уже много лет не практиковалась в стрельбе. — Большую часть времени.

Его взгляд переместился с винтовки на грядки, переполненные овощами.

— Так вот где происходит волшебство, — пробормотал Ноа.

Винтер улыбнулась от удовольствия. Она не страдала тщеславием. По крайней мере, не в отношении своей внешности или банковского счета. Но очень гордилась своими теплицами.

— Да, если считать волшебством плодородную землю, солнечный свет и много заботы, — проговорила она.

Без предупреждения Ноа шагнул достаточно близко, чтобы ее окутал теплый аромат сосны. От него всегда пахло так, словно он только что вышел из леса. Винтер нравилось, когда он заходил к ней в квартиру и оставлял после себя свежий аромат. В то же время он поднял руку, чтобы убрать прядь светлых волос, выбившуюся из ее косы.

— Вот именно это я и считаю магией, — заверил он Винтер, окидывая взглядом ее поднятое лицо со странной напряженностью.

Она вздрогнула, когда Ноа провел пальцами по ее щеке. Он не впервые прикасался к ней. Но сегодня утром в его нежных ласках появилось что-то необычное. Что-то, что заставило ее подумать о том, чтобы стянуть его фланелевую рубашку и исследовать твердые мышцы груди. Языком.

— Ноа, — прошептала она.

— В твоих глазах играют золотые искорки. — Он обхватил ее подбородок и провел большим пальцем по изгибу нижней губы. — Почему я никогда не замечал этого раньше?

Она попыталась хихикнуть, но получилось лишь сиплое пыхтение.

— Наверное, потому что ты обычно не возвышаешься надо мной.

— Почему нет?

Ноа сделал еще один шаг, прижимаясь к ней всем телом. Его тепло проникало сквозь плотный слой ее комбинезона. А может, это просто ее воображение. А может, жар исходил от ее учащенного пульса. Что бы ни послужило причиной, Винтер испытывала острое желание прижаться к его твердым мышцам.

— Потому что мы друзья.

Ее слова скорее звучали как попытка напомнить себе, почему они игнорировали физическое влечение, которое гудело между ними с тех пор, как они оба еще учились в школе.

Их психотерапевт предупреждал, что люди, посещающие группу вместе, часто вступают в интимные отношения, которые заканчиваются катастрофой. У каждого из них имелся багаж, с которым они пытались справиться, и слишком легко принять сочувствие за нечто более глубокое.

— Да, это так, — согласился Ноа, медленно опустив голову.

— Просто друзья.

— Хм-м.

Он поцеловал ее в губы, и все мысли о протесте разлетелись на миллион осколков. Это хвоя, путано решила Винтер про себя. Запах опьянял. А может, дело в его вкусе. Приторная сладость булочки с корицей, которую он, без сомнения, ел по дороге на ферму. А может, дело в его пальцах, скользящих вверх и вниз по изгибу ее горла. Его прикосновения казались настолько легкими, что она едва ощущала их, но каждое касание посылало искры желания, обжигающие ее.

Винтер позволила своим губам приоткрыться в знак приглашения, и с низким рыком Ноа углубил поцелуй. Их языки встретились, а он обхватил ее талию сильными руками. Головокружительное удовольствие охватило ее, прогоняя темную тяжесть, преследовавшую

Винтер, словно облако.

Она не ожидала подобного, но вдруг поняла, что это именно то, что ей нужно. Тепло тела Ноа, нервные толчки возбуждения, восхитительное напоминание о том, что в этом мире есть что-то помимо ужаса и подозрений.

Нетерпеливо стянув садовые перчатки, она позволила им упасть на землю и запустила пальцы в его волосы. Короткие пряди были такими же шелковисто-мягкими, как Винтер всегда себе представляла...

Она поспешно отмахнулась от этой мысли. Все дело в восхитительном отвлечении. Жаркий момент. Если она признает, что представляла себе текстуру его волос, или эротические ощущения от его усов, царапающих ее щеку, или мускулистое совершенство его груди, прижимаясь к его телу, то не сможет притвориться, что это временное помешательство.

Погрузившись в пьянящий восторг от поцелуя Ноа, Винтер могла не заметить подъезжающую к дому машину. К счастью, грузовик Сандера Мура тридцатилетней давности имел выхлопную систему, которая была каждые несколько миль. Он объявил о своем приближении за милю.

Вышутав пальцы из волос Ноа, она откинулась назад.

— Дедушка вернулся.

Ноа продолжал крепко обнимать ее за талию, глядя с мрачным выражением лица.

— У нас все в порядке?

Винтер замерла, обдумывая его вопрос. Если бы на его месте оказался другой парень, она бы кивнула, а потом решила, как относиться к их поцелую. Но с Ноа она так поступить не могла. Его дружба слишком важна. В ее жизни останется огромная дыра, если он перестанет быть частью ее мира.

Встретив его пристальный взгляд, Винтер медленно кивнула. Ничего не изменилось. Правда? Это все тот же Ноа, с которым она хотела провести вечер, попивая вино и смотря плохие фильмы. Тот друг, которому она хотела позвонить, когда у нее появлялись интересные новости, или она волновалась, или скучала...

Она потянулась, чтобы взять его за руку.

— Да, у нас все в порядке.

Он сжал ее пальцы.

— Хорошо.

Винтер повернулась, чтобы выйти из теплицы, и подождала, пока Ноа присоединится к ней, прежде чем закрыть створки. Вместе они поднялись по грунтовой дорожке, которая вела к дому ее бабушки.

— Ты не просто так зашел сегодня утром? — спросила она.

— Да.

Больше никакого объяснения. Она повернула голову, чтобы изучить его, нахмурившись.

— Ты собираешься сказать мне, почему?

Ноа лишь лукаво улыбнулся.

— Я теперь не могу вспомнить.

Винтер покраснела, чувствуя себя странно уязвимой. Ускорив шаг, она смотрела, как бабушка останавливает машину перед крыльцом. Несколько лет назад она предложила ему помочь внести первый взнос за новый автомобиль, но он твердо отказался. У него в хозяйстве имелось несколько тракторов и квадроцикл, а поскольку он редко ездил в город,

то не видел необходимости в новом грузовике.

Она не стала настаивать. Сандер делает только то, что хочет. Конец истории.

— Разве тебе не нужно сегодня работать? — Она бросила взгляд на повседневную одежду Ноа.

— Нет. Я официально не работаю сегодня, в выходные и на следующей неделе.

Она бросила на него изумленный взгляд.

— Я думала, ты всегда берешь отпуск летом, чтобы поехать на глубоководную рыбалку во Флориду?

Ноа пожал плечами.

— Мне полагалось немного свободного времени, и я решил его взять.

У Винтер закралось подозрение, когда он намеренно повернул голову, чтобы изучить Сандера, который выходил из грузовика. Пытался ли он скрыть свое выражение лица?

— Ты собираешься в путешествие? — потребовала она.

— Не-а. У меня давно назрел ремонт в коттедже.

Винтер раздраженно хмыкнула. Она не сомневалась, что ремонт в его коттедже необходим, но Ноа никогда не отлынивал от работы. Разве только для того, чтобы поехать во Флориду на рыбалку и навестить своих кузенов, которые все еще жили в Майами.

— Ты отпросился из-за меня, да?

— Разве это имеет значение?

Они достигли вершины холма, и Винтер остановила своего друга. Меньше всего ей хотелось, чтобы он тратил на нее свое время. Ей не нужна нянька.

— Ноа...

— Твой дедушка пристально на меня смотрит, — прервал он, подняв брови. — Думаю, мне пора ехать.

— Мой дедушка всех сверлит взглядом.

— Верно, но он пугает меня до смерти.

Как по команде, Сандер протопал через подъездную дорожку и уставился на Ноа хмурым взглядом.

— Ноа.

— Привет, Сандер, — пробормотал Ноа.

— Рановато для визита, не находишь?

— Дедушка, — укорила Винтер. Она сомневалась, что старик понимает, что ей двадцать девять, а не шестнадцать.

— Все в порядке. — Ноа пожал плечами и направился к своему джипу.

— Увидимся позже, — крикнула Винтер.

Оглянувшись через плечо, Ноа послал ей улыбку.

— Обязательно.

Он уже разворачивался, когда Винтер увидела, как Ноа резко остановился. Как будто застыл на месте. Затем он резко повернулся на пятках и ринулся к ней с криком.

— Пригнись! — прорычал он, врезаясь в нее с шокирующей силой.

Винтер вскрикнула, упав на землю, и ударилась головой с такой силой, что боль взорвала ее мозг. И это оказался не единственный взрыв.

Она все еще лежала на земле, а Ноа сидел на ней, когда сотрясающий взрыв эхом разнесся по долине вниз. Звук походил на то, как будто ржавая старая машина ее дедушки заглохла, но Винтер знала, что это не так.

Только винтовка могла так громко выстрелить.

Может, оружие упало? Как еще оно могло выстрелить? Пытаясь думать сквозь боль, Винтер в замешательстве подняла голову. Она ожидала, что Ноа будет смотреть на нее сверху вниз. В конце концов, он только что схватил ее, как полузащитник. Ее ребра пульсировали от удара. Вместо этого он смотрел в сторону, его лицо выражало сильные эмоции.

Не обращая внимания на тупую боль в затылке, Винтер заставила себя повернуть голову, чтобы посмотреть, что привлекло его внимание.

— Нет! — Винтер увидела худое тело своего дедушки, распростертое на дороге, по его лицу растекалось ярко-красное пятно.

Глава 10

Комната ожидания в маленькой больнице к северу от Ларкина в точности повторяла все другие больничные комнаты ожидания, с горечью отметил Ноа.

Узкое пространство, заставленное диванами и стульями, рассчитанными на прочность, а не на комфорт. Несколько окон, закрытых жалюзи. Потертый ковер, приглушающий звук. Низкий потолок с неярким освещением, которое, несомненно, должно создавать ощущение спокойствия.

Ноа стоял в углу и молча наблюдал, как Винтер ходит из одного конца длинной комнаты в другой. Прошло восемь часов с тех пор, как они мчались за машиной скорой помощи в эту больницу. Сандеру обработали зияющую рану в том месте, где пуля задела бок его головы, а также разбитый череп от удара о твердую землю. Сейчас он лежал в отделении интенсивной терапии.

Врачи заверили Винтер и ее отца, что состояние старика стабильно, но она продолжала шагать. Ноа понимал. Ее напряжение объяснялось не только беспокойством за дедушку. И хуже всего то, что он ничего не мог сделать. Ничего, кроме как оставаться рядом и убедиться, что она в безопасности.

Движение возле входа в приемную привлекло внимание Ноа, и, оттолкнувшись от стены, он преодолел небольшое расстояние, чтобы оказаться рядом с Шелли Симпсон. Он позвонил женщине-полицейскому после того, как они приехали в больницу, и объяснил, что произошло. Она пообещала, что отправится на ферму для расследования.

— Есть новости о Сандере? — спросила она с подчеркнуто спокойным выражением лица. Как будто они незнакомцы, а не давние друзья.

Ноа полностью одобрил ее профессиональную манеру поведения. Ему часто приходилось иметь дело с людьми, которых он знал годами. Когда он был в форме, он представлял собой офицера по охране природы. Это явно относилось и к Шелли.

— Он перенес операцию, но врачи ввели его в искусственную кому, чтобы предотвратить отек мозга.

— Они думают, что он выживет?

Он кивнул. Доктор пришел поговорить с Винтер и ее отцом меньше часа назад.

— У него такие же шансы, как и у любого семидесятидевятилетнего старика, в которого стреляли, — заметил он. — К счастью, у Сандера достаточно крепкое здоровье, и пуля только поцарапала боковую часть его головы. Конечно, у него кровопотеря от ранения, но большая часть повреждений произошла, когда он упал и ударился головой о камень на подъездной дорожке. В результате чего у него треснул череп.

— Как Винтер?

Ноа оглянулся через плечо. Винтер смотрела в его сторону, словно ожидая, не понадобится ли она. Ноа слегка покачал головой. У нее сейчас и так много забот. Он разберется с полицией.

Он снова повернулся к Шелли.

— Она устала. Боится за своего дедушку. И винит себя.

— Почему?

— Она убеждена, что подвергла своего деда опасности, — с досадой ответил Ноа, стиснув челюсти. Он сделал все возможное, чтобы успокоить Винтер, но не мог отрицать растущее подозрение, что Сандер не лежал бы в больнице, борясь за свою жизнь, если бы не какой-то безумец, пытающийся помешать Винтер заглянуть в прошлое. — Ты побывала на ферме?

— Да. Винтовка все еще стояла в теплице, — сообщила ему Шелли. — Я забрала ее в лабораторию.

— Можно определить, из этого ли оружия стреляли в Сандера?

Она пожала плечами.

— Невозможно узнать, не проверив его.

Ноа не нужны никакие результаты тестов. Какова доля вероятности, что в теплице хранилась винтовка, а менее чем через десять минут в Сандера выстрелили именно из этого места?

— Возможно, найдется что-нибудь, что могло бы дать ключ к разгадке личности виновного?

— Слишком удаленное место для камер наблюдения, а дороги все гравийные. Невозможно отследить ни одного следа шин.

Выражение лица Шелли не изменилось, но Ноа заметил, как сжалась ее челюсть. Она хороший полицейский, но в этом районе любое расследование осложнялось. Само отсутствие преступности означало, что люди не принимали таких мер предосторожности, как в больших городах.

— По телевизору такое постоянно показывают, — поддразнил он, надеясь поднять ей настроение.

Она не улыбнулась, но ее губы дрогнули.

— Да, они много чего делают по телевизору, — признала она, наклонив голову набок, изучая его ищущим взглядом. — Ты ничего не видел?

Ноа покачал головой. Он прокручивал в памяти те короткие секунды сотни раз, отчаянно надеясь, что сможет вспомнить хоть какую-то зацепку, пусть даже самую незначительную, которая поможет узнать, кто находился в теплице.

— Нет. Я направлялся к своему джипу, когда солнечный свет блеснул на стволе винтовки, торчащей из боковой стенки теплицы. Иначе... — Слова замерли у него на губах.

Ноа так и не позволил себе подумать о том, что могло бы произойти, если бы он не оглянулся в тот самый момент. Если бы не успел повалить Винтер на землю до того, как пуля пронеслась мимо и попала в Сандера.

Просто невыносимо.

— Там не было машины? — спросила Шелли.

— Я не видел. — Ноа привык обращать внимание на окружающую обстановку, особенно в стрессовой ситуации. Автомобиля рядом не было, но это не означало, что он не находился где-то поблизости. — За сараями есть лесистая область, где кто-то мог

припарковаться. Если кто-то следил за Винтер, он мог бы легко объехать вокруг теплицы, пока мы поднимались по холму к дому.

Шелли выглядела смирившейся. Как будто его ответ оказался именно тем, что она ожидала услышать.

— Мы опрашиваем соседей. Они слишком далеко, чтобы быть свидетелями стрельбы, но могли заметить машину, проезжавшую мимо во время преступления, — сказала она. — И как только Сандер начнет говорить, он сможет рассказать нам, где провел утро и заметил ли, что кто-то следовал за ним до фермы.

Ноа нахмурился при этих словах.

— А ты не рассматривала возможность что это как-то связано со смертью ее матери?

Шелли положила руки на бедра, словно готовясь к схватке.

— Я не готова делать поспешные выводы.

Логично. Этому совету, он изо всех сил старался следовать и сам.

— Никто не пытался убить Винтер до того, как она начала задавать вопросы о ночи убийства Лорел, — выдавил он из себя. — Не говоря уже о том, что она только что получила записку с угрозами.

— Именно. Зачем рисковать, врываясь в квартиру, чтобы оставить записку, если подозреваемый собирался спустя несколько часов попытаться ее убить? Разве не разумнее дождаться и посмотреть, сработает ли угроза? — заметила Шелли. — Кроме того, Винтер была не одна этим утром.

— Что это значит?

— Ты полагаешь, что стрелок целился в Винтер.

Ноа нахмурился в замешательстве.

— В кого же еще? Это не мог быть Сандер, — сказал он. — Или я.

Шелли приподняла бровь.

— У тебя нет врагов?

Ноа фыркнул. Он почти девять лет работал офицером по охране природы в районе, где девяносто процентов населения охотились, рыбачили или ездили на квадроциклах. Он разозлил большинство из них в то или иное время.

— Много, но они не стали бы преследовать меня на ферме Мура, чтобы застрелить, — заметил он сухим тоном. — Как часто я бываю один в лесу? Возможностей подстрелить меня без риска быть замеченным великое множество.

Шелли закатила глаза.

— Как уже сказала, я не хочу делать поспешных выводов. Все возможности обсуждаются, пока у меня нет доказательств, чтобы их отместить. — Она подняла руку, когда он уже собрался возразить. — В том числе и о том, что кто-то пытается удержать Винтер от попыток заглянуть в прошлое.

Проклятье. Она права. Следование фактам это единственный способ узнать правду. Но от этого не становилось легче ее принять. Ему не нравилось ощущение, что они блуждают в потемках. Ноа нужны ответы, и он хотел получить их сейчас.

— Нам нужно как можно скорее сузить круг возможных вариантов, — прорычал он.

— Я работаю над этим.

Наступила напряженная тишина, когда Ноа взглянул на Винтер, которая продолжала вышагивать, ее лицо оставалось таким же бледным, как пасхальные лилии, которые росли на заднем дворе у его бабушки.

— Ты получила досье от шерифа в Пайке? — резко спросил он, снова обращая свое внимание на Шелли.

Он не мог ничего сделать, чтобы развеять страхи Винтер, пока они не выяснят, кто и почему ей угрожает.

— Нет, но я сделала запрос. В ближайшие день-два я что-нибудь выясню, — заверила она его. Шелли заколебалась, прежде чем добавить: — Я узнала, что Тилли Лиддон умерла вскоре после того, как попала в больницу.

— Черт. — Ноа с сожалением покачал головой. — Чем я могу помочь?

Шелли кивнула в сторону конца оживленного коридора.

— В больнице дежурит охранник, и пока Сандер находится в реанимации, они ограничат посещение. Но я не могу постоянно присматривать за Винтер.

— Я могу это сделать, — без колебаний ответил Ноа.

— Ты отвезешь ее в коттедж?

— Да. — Он уже предупредил Винтер, что она не вернется ни на ферму, ни в свою квартиру.

К счастью, она напугана и не стала спорить.

Выражение лица Шелли смягчилось.

— Я полагаю, у тебя все еще живет твоя стая дворняг?

Ноа улыбнулся при упоминании о собаках-спасателях, которых он приобрел за эти годы. Они бродили по его участку и обеспечивали большую защиту, чем любая система сигнализации, которую он мог купить.

— Я взял еще двух, — признался он.

Шелли усмехнулась. Хотя она и любила активный отдых, собаки ей не очень нравились. Возможно, потому, что они обычно набрасывались на любого посетителя с избытком энтузиазма.

— Разумеется. — Она выглядела так, будто собиралась сказать что-то еще, когда ее телефон пискнул, и Шелли достала его, чтобы прочитать сообщение. — Мне нужно идти, — сказала она.

— Можно мне поехать на ферму?

Она бросила на него изумленный взгляд.

— Место, где выстрелили в Сандера, отмечено как место преступления, вместе с теплицей.

— Я просто хочу забрать сумку Винтер.

Шелли кивнула.

— Да, ты можешь войти в дом. Только избегай подъездной дорожки. И приведи Винтер завтра в участок. Мне понадобятся официальные показания.

— Спасибо, Шелли.

***

Винтер знала, что Шелли и Ноа находятся возле входа в комнату ожидания, но не могла заставить себя присоединиться к разговору. Ее не только отвлекало беспокойство за дедушку, но она знала, что женщина-полицейский настояла бы на разговоре с ней, если бы они узнали какую-то новую информацию.

Тот факт, что она повернулась, чтобы уйти, лишь рассеянно кивнув, означал, что сообщать нечего.

Винтер проглотила желание закричать от разочарования.

Меньше недели назад она занималась своими делами, не беспокоясь ни о чем, кроме ремонта морозильной камеры и пересадки ранних помидоров. Ее жизнь была предсказуема до скуки. Теперь же ей казалось, что земля уходит у нее из-под ног.

Все обстояло не так, как она думала. Мама на самом деле совсем не такая женщина, какой она ее себе представляла. И ограбление, в результате которого ее убили, больше не выглядело трагической случайностью. Хуже того, в квартиру Винтер ворвался какой-то сумасшедший, который оставил записку с угрозами, а затем попытался ее убить.

В лучшем случае, прозвучал предупредительный выстрел.

Который чуть не убил ее дедушку.

Боль пронзила Винтер, но прежде чем она успела пережить тот ужасный момент, когда увидела Сандера, лежащего на земле с залитым кровью лицом, Ноа, к счастью, шагнул к ней.

Вдохнув медленно и глубоко, она заставила себя встретить его ищущий взгляд со слабой улыбкой. Она знала, что он остался здесь, потому что беспокоился о ней, и, если быть честной, осознание того, что он рядом, ослабило панику, которая грозила ее захлестнуть. А его предложение остаться в его коттедже означало, что ей не придется беспокоиться о том, что она проведет ночь в одиночестве.

Тем не менее, она не могла рассчитывать на то, что он будет с ней круглосуточно.

— Ты уезжаешь? — спросила Винтер, ее голос прозвучал неестественно громко.

— Я собираюсь забрать твою сумку с фермы, — объяснил он ей. — Есть кто-нибудь, кому я могу позвонить, чтобы позаботиться о хозяйстве? Я бы сам, но понятия не имею, что нужно сделать.

— Олли сказал, что позаботится о животных, — ответила она. Олли заходил к ним несколько часов назад и оставался до тех пор, пока Сандера не вывезли из операционной и не отправили в отделение интенсивной терапии. — По крайней мере, на ближайшие несколько дней.

— Очень великодушно с его стороны, — пробормотал Ноа.

Винтер не удивилась. В старших классах Олли проводил большую часть времени на ферме, работая бок о бок с Сандером. Они сблизились, как отец и сын.

— Он работал на дедушку много лет. Честно говоря, Олли скорее часть нашей семьи, чем своей собственной.

Ноа кивнул, явно радуясь, что ему не придется провести следующие несколько часов, перетаскивая корм и чистя стойла. Винтер его не винила. Как бы ей ни нравилось проводить время на ферме, она ненавидела заниматься утомительными повседневными делами, которых та требовала.

— Тебе еще что-нибудь нужно? — спросил Ноа.

— Нет.

Подойдя достаточно близко, чтобы окутать ее своим насыщенным сосновым ароматом, Ноа провел пальцами по ее плечу и вниз по руке.

— Я вернусь, чтобы отвезти тебя в коттедж. Не выходи из этой комнаты. — Он сжал ее пальцы. — Обещаешь?

Винтер не колебалась. Она не собиралась никуда уходить, пока не убедится, что ее дедушка в стабильном состоянии. К тому же, она не дура. Бродить в одиночестве после того, как кто-то только что выстрелил в нее, в обозримом будущем совершенно не хотелось.

— Да, обещаю.

— Хорошо. — Ноа слегка коснулся губами ее лба, прежде чем повернуться и выйти из комнаты.

Озадаченная его непринужденной близостью, Винтер подняла руку, чтобы коснуться кожи, которую покалывало от его прикосновения. Когда это они начали целоваться на прощание? Не то чтобы она жаловалась. Это ощущалось... правильно. Как будто дружеская зона, которую она установила вокруг Ноа, рухнула. Он оказался не просто удобным компаньоном, а сексуальным, великолепным совершенным мужчиной, которого любая женщина хотела бы иметь в качестве любовника.

Все еще размышляя о последствиях перемен в отношениях с другом, который так долго оставался частью ее жизни, Винтер чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда ее отец заговорил прямо ей в ухо.

— Что сказали полицейские?

Повернувшись, Винтер увидела своего отца и вечно присутствующую Линду Бейкер, стоящую рядом с ним. Они вместе приехали в больницу, и Винтер не раз приходилось прикусывать язык, когда она замечала, как секретарша суетится вокруг ее отца, словно он ребенок, а не взрослый мужчина с докторской степенью.

— Я думаю, они все еще ведут расследование, — сказала она. — Но не уверена, что они смогут узнать, кто спустил курок.

— А что тут расследовать? — заявила Линда, ее взгляд рептилии скользнул по помятой футболке и джинсам Винтер. Словно молча укоряя ее за то, что она не нашла времени переодеться, прежде чем поспешить в больницу. Интересно, что бы сказала секретарша отца, если бы увидела комбинезон Винтер, который перепачкался кровью после того, как она держала на коленях голову дедушки, ожидая приезда скорой помощи. — Очевидно, это охотник, который случайно ранил твоего деда.

Винтер нахмурилась.

— Это не случайность.

Эдгар прочистил горло.

— Мы не знаем, что произошло, Винтер.

Она дернула головой и посмотрела на отца. Эдгар был в своей обычной белой рубашке и черных брюках, хотя он снял галстук и сунул его в карман.

— Тебе не кажется странным, что кто-то вломился в мою квартиру, чтобы оставить записку с угрозами, а на следующий день меня чуть не застрелили?

— В тебя не стреляли. Пуля попала в твоего деда, — уточнила Линда весьма едко.

Винтер моргнула. Неужто она разочарована тем, что на больничной койке лежит не Винтер?

— Линда, — голос Эдгара прозвучал необычно строго. — Подожди меня в машине.

— Но...

— Пожалуйста.

— Очень хорошо. — С поджатыми губами Линда повернулась, чтобы взять свой пиджак с одного из диванов и направилась к выходу.

Как только она исчезла, Винтер сузила глаза.

— Ты собираешься принять ее сторону? — потребовала она.

Эдгар снял очки и начал полировать их носовым платком, который носил в кармане.

— Я не становлюсь ни на чью сторону, — мягко поправил он ее. — Мы не знаем, что произошло, но полагаю, тебе стоит принять во внимание тот факт, что твой дедушка

жаловался, что только на прошлой неделе поймал группу охотников, вторгшихся на его землю. Они подстрелили двух индеек, прежде чем он смог их прогнать.

Винтер удивленно моргнула. Ее дедушка никогда не говорил ничего о проблемах с браконьерами.

— Ты уверен?

— Да. Я посоветовал ему вызвать полицию, но он сказал, что позаботился о них. Ты же знаешь, какой он.

— Упрямый, — пробормотала она.

— Именно. — Ее отец надел очки и спрятал носовой платок. — Это просто нужно иметь в виду.

Винтер кивнула, но Эдгар уже повернулся, чтобы взять свой плащ, сложенный на журнальном столике.

— Ты уходишь? — спросила она.

Эдгар потянулся к плащу.

— Доктор сказал, что папе пока максимально комфортно. Они позвонят, если что-то изменится.

Ее губы разошлись, чтобы возразить, но отец прав. Не похоже, чтобы Сандер знал, где они находятся — в зале ожидания или в домашнем уюте. К тому же доктор твердо сказал, что сегодня к старику никто не зайдет.

— Ты едешь с Линдой? — спросила она вместо этого.

Эдгар покраснел, его настроение изменилось. Защищаясь он сказал:

— Мы возвращаемся в офис. Мне еще нужно составить расписание летних занятий.

— Конечно.

Натягивая плащ, Эдгар неловко переминался с ноги на ногу.

— Ты хочешь остаться со мной? Хотя бы на эту ночь.

— Я останусь у Ноа.

— Оу. — Он не смог полностью скрыть свое облегчение. — Хорошо. Я... — Неопределенно подняв руку, ее отец направился к двери. — Увидимся завтра.

— Да.

Винтер покачала головой, не совсем понимая, когда ее отношения с отцом стали такими напряженными. Они никогда не считались лучшими друзьями, но им нравилось общество друг друга. Возможно, все дело в том, что она так много занималась рестораном. Винтер не могла вспомнить, когда они в последний раз ужинали вместе или проводили день. Так легко отдалиться друг от друга.

Сказав себе, что постарается стать лучше, она переключила свои мысли на заявление отца о том, что на ферме побывали браконьеры. Винтер не разбиралась в охоте, но знала, что в Айове сейчас сезон индеек. Это не первый случай, когда люди из другого города забредают на землю ее дедушки.

И все же, каковы шансы...?

Женщина в брючном костюме с темными волосами, собранными в узел на затылке, и выразительными чертами лица, пронизанными сочувствием, пересекла приемную и взяла Винтер за руки.

— Винтер, мне так жаль.

— Эрика, — выдохнула в удивлении Винтер.

И тут же разрыдалась.

Глава 11

Винтер не могла точно сказать, как долго она рыдала. Возможно, всего пару минут, но этого хватило, чтобы почувствовать так необходимую ей разрядку.

Наконец она отстранилась и вытерла слезы с лица.

— Простите. Не понимаю, что на меня нашло.

Эрика мягко улыбнулась, ее темные глаза светились состраданием, которое Винтер помнила по году, проведенному в групповой терапии. Она всегда настаивала на том, чтобы дети называли ее Эрикой, а не доктором Томалин. Не для того, чтобы попытаться стать их другом, а просто для удобства. В результате у нее получилось создать атмосферу доверия, благодаря которой группа знала, что здесь можно выражать любые эмоции, не боясь осуждения. В целом, Эрика обладала уникальной способностью вызывать чувство спокойного принятия, независимо от того, насколько ситуация могла выйти из-под контроля.

— Полагаю, у тебя стресс и необходимо плечо, чтобы поплакать, — шепнула она.

— Что-то вроде этого. — Винтер фыркнула и прочистила комок в горле. — Мне уже лучше. Можете смело возвращаться к своим обычным делам.

Эрика продолжала улыбаться.

— Я нахожусь именно там, где планировала быть, — заверила она Винтер. — Навещала подругу, которой делают операцию, и услышала, что Сандера привезли в больницу. Я знаю, что ты близка со своим дедушкой, и хотела узнать, как у тебя дела.

Винтер не пыталась изображать храбрость. Только не с этой женщиной. Эрика разберется в любом притворстве.

— Я в полном беспорядке, — прямо призналась она.

— Понятно. Переживаешь за своего дедушку. Тебе должно быть не по себе.

Винтер отвела взгляд. Все ее чувства сейчас бушевали и бурлили, и какая-то часть души жаждала поделиться страхом, который грыз ее, как раковая опухоль. Но разве это справедливо? Доктор Томалин зашла только выразить сочувствие, а не затем, чтобы разбираться с текущими проблемами Винтер.

— Это не просто беспокойство за дедушку. — Слова вырвались прежде, чем Винтер успела их остановить.

— Винтер. Пусть я больше не твой психотерапевт, но ты всегда можешь поговорить со мной, — тихо проговорила Эрика.

— Мне бы этого хотелось.

— Хорошо. — Эрика направила ее к ближайшему дивану, и они обе сели на жесткие подушки. Часы посещения в отделении интенсивной терапии закончились, что позволило им уединиться, несмотря на открытое пространство. Повернувшись так, чтобы изучить лицо Винтер, Эрика потянулась, чтобы погладить ее по колену.

— Что случилось?

Винтер понадобилась минута, чтобы собраться с разбегающимися мыслями. Она не хотела обсуждать стрельбу. Или записку, оставленную в ее квартире. В этих вопросах она ничем не могла помочь. Но зато Эрика обладала особым чутьем, в котором Винтер отчаянно нуждалась.

— Когда я была в группе, вы сказали, что знали маму, но не можете ее обсуждать.

Доктор Томлин не смогла скрыть свое удивление на заявление Винтер.

— Терапия касалась твоего исцеления и принятия смерти матери, — сказала она,

тщательно подбирая слова.

— Но вы дружили? — наредила Винтер.

— Да. — Эрика наредила голову в сторону. — Есть ли какая-то особая причина, по которой ты спрашиваешь?

— На этой неделе годовщина смерти мамы.

Бледное лицо Эрики наредило, как будто слова Винтер задели чувствительный нерв.

— Двадцать пять лет.

— Да. — Винтер моргнула. Казалось немного странным, что психотерапевт знала точный год смерти ее матери. Если только они не были ближе, чем предполагала Винтер. Наступило неловкое молчание, прежде чем Винтер заставила себя продолжить. — Я посетила ее могилу.

— Хорошо. — Задумчивая улыбка коснулась губ Эрики. — Посещение места упокоения любимого человека часто приносит нам утешение.

— Не в этот раз.

— Почему?

— Пока находилась в Пайке, я узнала, что моя мама совсем не такая женщина, какой ее считала. — Слова вырвались на волю резким стаккато, как будто их быстрое произнесение облегчит дискомфорт. Словно сорвать повязку. Быстро и чисто.

Эрика изучала Винтер с легким замешательством.

— Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду. Ты предполагаешь, что Лорел не твоя биологическая мать?

Винтер покачала головой. Ей никогда не приходило в голову, что у нее может быть другая мать. Или отец, ее отец...

Поморщившись, она мысленно отбросила эту возможность. У нее и так хватало проблем, не нужно выдумывать еще больше.

— Она изменяла папе, — прямо уточнила она. — И не один раз.

Эрика тяжело вздохнула, в ее темных глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— А-а.

— И это еще не все. — Теперь, когда Винтер начала, она не могла остановиться. Как будто только и ждала возможности выплеснуть негативные эмоции, которые бурлили в ней с тех пор, как она узнала о прошлом своей мамы. — Она тратила деньги, не имея их. Моему отцу пришлось продать свою коллекцию книг, чтобы оплатить ее счета.

Что-то мелькнуло в темных глазах Эрики

— Что-нибудь еще?

— Она не хотела меня.

Эрика вздохнула, как будто искренне потрясенная резкими словами Винтер.

— Это неправда, — прохрипела она. — Твоя мать любила тебя. Очень сильно.

— Откуда вы знаете?

— Она говорила мне.

— Разве не все матери утверждают, что любят своих детей?

— Послушай меня, Винтер, — настаивала Эрика, крепко схватив Винтер за руку. — Твоя мама не просто утверждала, что любит тебя. Она постоянно говорила о тебе.

От яростной настойчивости Эрики Винтер невольно стало легче. Очевидно, ее опасение, что она стала нежелательной обузой, сильнее давило на нее, чем Винтер хотела признаваться. Даже самой себе.

— Вы двое были близки? — спросила она свою собеседницу.

В глазах Эрики появилась грусть и ностальгия.

— Когда я приехала в Ларкин, меня взяли на работу консультантом в колледж Гранта. Я стала их первым психотерапевтом, и несколько профессоров считали мою должность пустой тратой средств. Не сильно помогло и то, что я выглядела на шестнадцать лет и явно переживала из-за своей первой профессиональной должности. — Эрика решила не углубляться в воспоминания об общении с высокомерными придурками, которые, несомненно, относились к ней с едва скрываемым презрением. Винтер выросла в окружении академических кругов и этих чопорных профессоров, которые не одобряли никаких перемен. Даже если они шли явно к лучшему. — Именно твоя мама болтала со мной на этих скучных академических вечеринках и начала приглашать меня на ланч. Даже иногда на ночь. Ей единственной, казалось не плевать на мое одиночество, и она попыталась сделать так, чтобы я почувствовал себя желанным гостем.

Винтер жадно впитывала картину, которую Эрика рисовала о Лорел Мур. Последние несколько дней сильно омрачили память о ее маме. Из любящей родительницы Лорел превратилась в эгоистичную, мелочно жестокую женщину, которой нет дела ни до чьего счастья, кроме своего собственного. Но теперь становилось очевидно, что она проявляла доброту и участие. По крайней мере, когда этого хотела.

— Вы знали о ее романах? — спросила Винтер. Она не испытывала извращенного интереса к любовникам своей матери. Ей хотелось бы выкинуть эту мысль из головы. Но если один из них ответственен за смерть Лорел, то Винтер должна суметь защитить себя.

— Я подозревала, но мы это не обсуждали, — пробормотала Эрика.

— До вас доходили какие-нибудь слухи?

Эрика нахмурилась, явно испытывая беспокойство. Она занималась терапией Винтер больше года. Достаточно долго, чтобы у нее появилось желание ее защитить.

Наконец, она пожала плечами.

— Вокруг Лорел всегда ходили слухи. Люди утверждали, что у нее роман с профессором искусств...

— Доктором Пейтоном?

— Да. А также с соседом, когда твои родители переехали из квартиры в дом, с курьером и даже с одним из студентов, которых она учила в летнем художественном лагере. — Эрика с отвращением покачала головой. — Большинство из тех, кто распускал сплетни, просто завидовали и пытались запятнать ее репутацию.

Винтер сделала мысленную пометку навести справки о докторе Пейтоне. Она уже знала, что курьер, Макс, мертв. Ей придется провести небольшое расследование, чтобы выяснить, кто мог быть соседом ее родителей и тем студентом.

Дрожь пробежала по ее телу. Она не хотела допытываться, кто мог быть настолько хладнокровным, чтобы так просто взять и выстрелить в ее мать. Но какой у нее выбор?

— Мой дедушка сказал, что она была беспокойной, — сказала она, пытаясь подавить воспоминания о той ночи, когда убили ее маму. От этого кошмары стали еще хуже.

Эрика обдумала свой ответ.

— Лорел отличалась бурной эмоциональностью, — наконец сказала она.

— Что это значит?

— Лорел жила со страстью, которая иногда доводила ее до крайностей, — уточнила доктор Томлин. — Она могла быть дико счастлива в один момент, а затем впадать в такую

ярость, что начинала швырять все, что попадалось ей под руку, в следующую секунду. Она была очаровательной, непредсказуемой и безнадежным романтиком. — Эрика опустила ресницы, но не раньше, чем Винтер увидел боль в ее глазах. Она действительно оплакивала свою подругу. — Я не уверена, что твой отец понимал, почему она не могла быть довольна, как жены других профессоров. Или почему постоянно искала развлечений.

— Ларкин — не самое лучшее место для захватывающих впечатлений, — сухо заметила Винтер.

— Нет, но это не значит, что она не любила своего мужа. И она обожала тебя, — поспешила успокоить Винтер Эрика. — Ей просто требовалось...

— Больше.

Эрика наклонилась вперед, ее лицо смягчилось.

— Винтер, я не знаю, с кем ты разговаривала, но твоя мать обладала многими замечательными качествами. Она была доброй, веселой и первой предлагала помощь всем, кто в ней нуждался. Она была удивительно талантливым художником и самым щедрым человеком, которого я когда-либо знала. Возможно, слишком щедрым.

— Почему вы так говорите?

— Каждый подающий надежды художник в округе просил ее о покровительстве. Знаю, что в завещании Лорел даже оставила деньги для местных художников.

Винтер удивленно вскрикнула. Она знала, что ее мать оставила деньги в трасте, который Винтер использовала для открытия ресторана, но ей и в голову не приходило, что могут быть и другие бенефициары.

— Какие художники?

— Был один, владелец местной галереи. Она закрылась через несколько лет после смерти твоей мамы. Потом выдавались стипендии местной средней школе, чтобы ученики со способностями могли посещать летний художественный лагерь при колледже, — сообщила Эрика. — Я думаю, доктор Пейтон отвечает за это.

Винтер вздрогнула. Доктор Пейтон, профессор искусств. Опять. Это что-нибудь значило? Возможно, но как ей выяснить?

Она покачала головой в разочаровании.

— Ещё кто-то? — спросила Винтер.

— Не помню. — Эрика сделала паузу, ее губы сжались, как будто она пыталась уловить какую-то далекую мысль. — Хотя. Было еще кое-что. Кажется, связанное с гончарным делом.

— Тоня Нокс? — резко спросила Винтер.

— Вроде бы да, — согласилась Эрика. — Лорел оставила деньги на строительство мастерской или что-то в этом роде.

Тоня получила наследство от Лорел Мур? И она никогда ничего не говорила?

Винтер не знала, как воспринимать эту информацию, поэтому даже не пыталась.

— Я понятия не имела.

Эрика потянулась, чтобы слегка сжать пальцы Винтер.

— Лорел была сложной, но никогда не сомневайся, что она хороший человек, и любила тебя.

***

Уже немного за одиннадцать вечера Ноа вошел в свою кухню. Помещение не слишком

большое, но оно спроектировано так, чтобы быть функциональным. Деревянные шкафы ручной работы выше и глубже, чем в большинстве готовых моделей, остров служил столом, а технику из нержавеющей стали выбирала Винтер. Достаточно небольшие и изящные, чтобы вписаться в пространство, кухонные приборы все же соответствовали ресторанному уровню.

Ноа не мог похвастаться мастерством шеф-повара, как Винтер, но большинство вечеров он ел дома. Умение готовить для себя нормальную еду стало необходимостью, а не роскошью.

Поставив на плиту небольшую кастрюльку, Ноа отмерил какао, сахар, молоко и щепотку соли. Горячий шоколад только что достиг идеальной температуры, когда он услышал мягкий звук приближающихся шагов. Повернув голову и увидел, как Винтер вошла в кухню, он слегка улыбнулся.

После того как они покинули больницу и приехали в его уединенный коттедж, Ноа убедил Винтер съесть омлет и английскую булочку, которые приготовил, прежде чем уложить ее в гостевой спальне. Теперь ее волосы путались вокруг покрасневшего от сна лица, а стройное тело точно обрисовывали крошечная майка для тренировок и облегающие шорты.

Его обдало жаром, не имеющим ничего общего с работающей рядом плитой. Ноа проглотил рык, но ничего не сделал, чтобы подавить желание, охватившее его тело. «Эта лошадь уже вышла из сарая...» или какой бы нелепой метафорой ни пользовалась его бабушка. Он хотел Винтер. Все настолько просто и сложно.

И он очень надеялся, что Винтер заинтересована в романтических отношениях.

— Ноа. — Моргнув, когда ее глаза привыкли к мягкому свечению верхнего света, Винтер медленно осмотрела его обнаженную грудь и низко сидящие на бедрах шорты для бега. — Почему ты не спишь?

Ноа налил кипящую жидкость в две кружки. Затем, шагнув центру кухни, он поставил их на остров.

— Делаю нам горячий шоколад.

Она подошла к острову и взяла ближайшую кружку.

— Я спала с девяти часов. Зачем тебе делать мне горячий шоколад?

— Ты говорила, что всегда просыпаешься в 23–11, — напомнил он ей. Столько лет прошло, но Ноа помнил ее жалобу на то, что она никогда не может проспать всю ночь. На самом деле, он помнил многое о Винтер Мур. Он должен был сразу понять, что она не просто еще один друг. — Я подумал, что немного теплого и сладкого напитка поможет тебе расслабиться.

Она улыбнулась, изучая его с выражением, которое он не мог прочесть.

— Ты...

— Сексуальный? — предложил Ноа.

Она потягивала свой горячий шоколад.

— Это, само собой разумеется.

— Нет, не надо говорить, что это, само собой разумеется.

Винтер опустила взгляд на его обнаженную грудь и вниз, на твердый пресс.

— Прекрасно. Ты безумно, нелепо сексуален.

Он схватил свою кружку.

— Уже лучше.

— А еще ты самый заботливый мужчина, которого я когда-либо знала. — Она сделала

глоток. — Почему ты не женат?

На этот вопрос он и сам не мог никогда ответить. Ноа винил свою карьеру и сумасшедшие часы, которые работал. Винил свое прошлое и то, что ему трудно поверить, что счастье не будет отнято у него. Он находил причины во всем, кроме ослепительно очевидного объяснения.

Он уже давно выбрал себе жену.

Прислонившись бедром к острову, Ноа изучал Винтер через ободок своей кружки.

— Ты мне скажи. Кажется, я невероятная добыча, но меня постоянно возвращают в пруд.

Она фыркнула на его шутливые слова.

— Ты меня не обманешь, Ноа Хеллер. Просто ты слишком разборчив.

— Верно. Лишь самое лучшее подойдет мне. — Он выдержал ее взгляд. — Я не собираюсь соглашаться на меньшее, чем настоящая любовь.

Они смотрели друг на друга, и между ними вспыхнуло восхитительное осознание. Сердце Ноа гулко стучало в груди, перехватывая дыхание. Он видел, как желание затуманивает ее глаза. Голод, который эхом отозвался внутри него. Затем, дрожа, Винтер повернула голову и оглядела кухню.

— Мне нравится твой коттедж, — пробормотала она тихо. — Ты превратил его в настоящий дом.

Ноа отогнал от себя чувство разочарования. У них в запасе еще столько времени. Вместо этого он улыбнулся с нескрываемой гордостью. Большую часть коттеджа он создал своими собственными руками.

— Да, кажется у меня получилось.

— Мне наверно стоит задуматься о продаже маминого домика. — Винтер сморщила нос. — Он должен принадлежать кому-то, кто сможет обеспечить ему надлежащую заботу.

— Ты могла бы отремонтировать его и сдавать в аренду, — предложил Ноа, достаточно мудрый, чтобы не говорить о своих опасениях, что Винтер находится не в лучшем эмоциональном состоянии для принятия важных решений. — Тогда у тебя появится хороший дополнительный доход.

Она кивнула.

— Есть над чем подумать.

Они оба потягивали свой горячий шоколад, и в комнате воцарилось комфортное молчание. Так происходило всегда. Они легко общались друг с другом, чего Ноа никогда не испытывал ни с кем другим.

Наконец он отставил свою пустую кружку.

— Тебя разбудил кошмар?

Винтер покачала головой.

— Нет. Наверное, какой-то внутренний сигнал тревоги, срабатывающий каждую ночь в одно и то же время. Эрика называла это странным термином. — Она поморщилась. — Я же считаю это просто занозой в заднице.

— У травмы есть свойство оставаться надолго после того, как она произошла.

Винтер отодвинула свою кружку, ее взгляд остановился на Ноа.

— А что насчет тебя?

— Я не находился с родителями, когда они разбились, поэтому у меня нет таких ужасающих воспоминаний, но мне досталась своя доля кошмаров.

— Как ты от них избавился?

— Никак, — признался Ноа. Бывали ночи, когда он просыпался, уверенный, что слышит крики боли своих родителей. — Не совсем. Но я больше не просыпаюсь в холодном поту.

— В чем твой секрет?

Ноа выдержал паузу, а затем поделился секретом, который держал при себе многие годы.

— Я пошел в тюрьму, чтобы поговорить с Мэнни Адкинсом, парнем, который врезался в моих родителей.

Ее глаза расширились от шока.

— Когда?

— Сразу после моего восемнадцатого дня рождения.

— И как все прошло?

Ноа сложил руки на груди. Он ничего не помнил о долгой дороге во Флориду. И только смутное впечатление о большой, угнетающей каменной тюрьме, окруженной множеством заборов и вооруженной охраной.

Однако он отчетливо помнил человека, который врезался в машину его родителей. Адкинс выглядел высоким и исхудавшим под тюремной робой, с ужасно белой кожей и волосами цвета грязи. Черты его лица казались слишком крупными, чтобы поместиться на узком лице, что придавало ему вид крысы.

А может, это просто его воображение, признавал Ноа.

— Мы встретились в одной из этих тесных тюремных кабинок, где приходится говорить через плексигласовый лист, — начал он. — Я ожидал...

— Ноа? — позвала Винтер, когда его слова затихли.

Он резко покачал головой.

— Я не знаю, чего ждал. Сожаления о разрушениях, которые он причинил. Не только моей семье, но и его собственной. Или, может, агрессивного отказа признать, что он сделал что-то не так.

— Ты нашел не это?

— Он оказался просто... жалким. — Ноа резко вздохнул. — Мне исполнилось только восемнадцать, но я больше напоминал взрослого человека, чем он в сорок лет. Он ныл о своем приговоре, умолял меня написать в комиссию по условно-досрочному освобождению, чтобы ему сократили срок, а когда я отказался, попросил денег. — Ноа издал звук отвращения. В то время он смотрел на Адкинса в недоумении. Что за мерзавец может просить денег у сына убитой им пары? Он заставил себя продолжить. — Он утверждал, что авария разрушила его жизнь, а в смерти родителей виноваты они сами.

— Ну и придурок, — выругалась Винтер.

— Да, и не стоит тех лет, которые я потратил на ненависть к нему. — Ноа пожал плечами. — Вместо того чтобы тратить свои эмоции на человека, ответственного за убийство моих родителей, я старался цепляться за хорошие воспоминания о своем детстве.

Слабая улыбка тронула ее губы.

— Расскажи мне.

— Ладно. — Ноа с радостью согласился на все, лишь бы отвлечь Винтер. Когда он приехал забирать ее из больницы, она выглядела такой хрупкой, словно готова вот-вот развалиться на части. Стресс давал о себе знать, но сейчас он ничего не мог поделать, кроме как оставаться рядом и утешать ее. — Как ты знаешь, мои родители переехали в Майами

вместе с тетей и дядей, чтобы открыть тайский ресторан. — Родители его отца иммигрировали из Таиланда, когда были молодоженами, и его семья поддерживала их культуру.

— Такие, как я, — пробормотала она.

— Да. Они бы тебе понравились. У них был тот же талант, что и у тебя.

— Работать бесконечные часы за мизерную плату? — сухо спросила Винтер.

— Определенно, — согласился Ноа. Его родители, а также тетя и дядя жили над рестораном и постоянно дежурили. — Но я имел в виду их удивительную способность заставлять клиентов чувствовать себя частью семьи. Нам пришлось провести их похороны в одной из мегацерквей, чтобы вместить толпу.

При воспоминании об этих пышных похоронах Ноа покачал головой. Это не казалось реальным для четырнадцатилетнего мальчика, который еще не смирился с тем, что его родители ушли навсегда. Легко почувствовав его боль, Винтер потянулась через остров, чтобы провести пальцами по его обнаженной руке.

— Какое твое любимое воспоминание о них?

На этот вопрос нетрудно ответить.

— Какими бы сумасшедшими ни становились дела, они всегда брали меня на пляж в субботу утром. Мы строили замки из песка, ели мороженое, а моя собака плескалась в волнах. — Знакомое тепло поселилось в его сердце. Адкинс украл много вещей, но он никогда не сможет забрать те наполненные солнцем часы, которые Ноа провел, смеясь и играя со своими родителями. — Даже когда стал старше, мы ходили туда, чтобы я мог поразмять мышцы перед местными девушками и поработать над своим загаром. Это было наше семейное время, и ничего важнее не существовало.

Она сжала его руку.

— Тебе с ними повезло.

— Да, повезло. Но после их смерти я позволил своей ярости от того, что потерял, ослепить меня и не ценить то, что мне дали.

— А теперь?

— Я все еще злюсь, — признал он. — Такая бессмысленная потеря. Но я знаю, что мне повезло больше, чем многим другим. Мои родители любили меня четырнадцать лет. А когда их забрали, я получил безопасность в доме моей бабушки.

В ореховых глазах Винтер блеснуло веселье.

— Она была замечательной женщиной, но до смерти меня пугала.

— Бабушка у всех вызывала страх. — Ноа рассмеялся. Его бабушка едва достигала пяти футов и весила меньше ста фунтов, но весь город ее боялся. — Я видел, как она орудовала метлой, когда сосед переехал ее куст роз. — Его улыбка померкла. — Я скучаю по ней каждый день.

Винтер отвела взгляд, несомненно, вспомнив, что ее собственный дедушка в настоящее время цепляется за жизнь.

— Думаю, мне пора в постель, — пробормотала она.

— Хорошо. Не стесняйся, зови, если тебе что-нибудь понадобится. — Он потянулся, чтобы провести пальцами по ее спутанным волосам. — Или если тебе станет одиноко.

Винтер покраснела и повернулась, чтобы направиться к двери.

— Спасибо за горячий шоколад.

— В любое время. — Ноа смотрел, как она исчезает, его тело напряглось и захотело

последовать за Винтер в ее постель. — В любое. Время.

Глава 12

Находясь под защитой густого леса, Незнакомец наблюдал, как выключается свет и коттедж погружается в темноту. Подойти ближе не представлялось возможным, иначе стая шавок разразилась бы бешеным лаем.

Это раздражало.

Незнакомец хотел увидеть лицо Винтер.

Она плакала? Она плакала раньше. Там, на ферме, когда на ней блестела кровь ее деда.

Дрожь блаженства пронеслась по Незнакомцу.

Все вышло не так, как он хотел. В очередной раз пришлось отвлечься, и это все испортило.

Ну, не все.

Он слышал крики. Восхитительные крики, которые эхом разносились по воздуху и рикошетом разлетались по мелководью. Потом приехали скорая помощь и полицейские машины с сиренами, мигалками и огнями, и криков стало еще больше. Творящаяся суматоха восхитила Незнакомца.

Да, продуктивный день, пусть и не такой, как планировалось изначально.

Возможно, следующее дело даст лучший результат.

Или, по крайней мере, больше крика.

— Наконец-то живой, — прошептал Незнакомец.

***

Сообщение пришло в 3:30 утра.

Схватив телефон с тумбочки, Мона Шелтон нащупала очки. За последние несколько лет ее зрение ослабло. Как и все остальное тело. Она никогда не считалась королевой красоты. Не то что Лорел Мур. Но последнее десятилетие украло даже ту привлекательность, на которую она когда-то могла претендовать.

Ее волосы поредели и теперь уныло лежали на голове. Кожа покрылась морщинами, а плечи ссутулились от многолетнего таскания тяжелых подносов с едой на стоянке грузовиков. Даже ее маленькая грудь, которая когда-то была упругой и высокой, теперь обвисла в поражении.

Такова правда. Жизнь — та еще сука, а в конце ты просто умираешь.

С тяжелым вздохом Мона надела очки и прочитала текст:

«Ваш муж потерял сознание на углу Шестой и Стейт. Приезжайте и заберите его, пока не вызвали полицию».

— Черт. — Мона уронила телефон и плюхнулась обратно на подушку.

Она хотела перевернуться и снова заснуть. Пусть Дрейка везут в тюрьму. Какое ей дело? Не похоже, чтобы ему на нее было не плевать.

С тех пор как на пороге дома появилась драгоценная дочь Лорел, Дрейк стал проводить ночи в баре. А когда он все-таки возвращался домой, то спал в гостевой спальне. Как будто ему невыносимо находиться рядом с ней.

Боль отказа пронзила Мону.

Господи, какой же она оказалась дурой.

Нет, она просто струсилась, тихо поправила она себя. Дрейк прав. Разве не она проехала три часа до Ларкина, чтобы поговорить с Винтер Мур, а потом удрала, поджав хвост?

Мона все спланировала. Она погуллила Винтер и обнаружила, что у молодой женщины есть один из тех шикарных ресторанов, где подают такую еду, которую обычно можно найти в Калифорнии. Все готовили по-домашнему, из местных продуктов и не модифицировали. Что бы это ни значило. Да лучше уж мясной рулет и картофельное пюре, чем эта снобистская дрянь.

Тот факт, что дочь Лорел оказалась успешной бизнес-леди, лишь насыпал соль на открытые раны Моны. Это стало резким напоминанием о том, что она никогда не следовала своим собственным мечтам. Она работала дерьмовой официанткой на дерьмовой стоянке грузовиков и жила с дерьмовым мужем. У нее даже не набралось лишней сотни на банковском счету, чтобы взять несколько выходных на работе.

Именно тогда ей пришла в голову блестящая идея попросить денег у Винтер.

Почему бы и нет?

Судя по тому, что Мона смогла подслушать, дочка Лорел искала информацию о той ночи, когда умерла ее мать. Мона располагала такой информацией.

Они обе могли получить то, что хотели.

Пока Мона ехала три часа до Ларкина, она представляла себе роскошный отдых в Вегасе. Но как только она добралась до маленького городка, у нее сдали нервы. И когда она уже подъехала к ресторану, ей пришлось заставить себя оставить машину припаркованной на обочине, чтобы постучать в заднюю дверь. Когда ей никто не ответил, Мона испытала откровенное облегчение. Она не хотела отдыхать в Вегасе, резко осознала Мона. И уж тем более в одиночку. Она хотела, чтобы ее муж забыл прошлое и понял, что любит ее.

И какова же награда за то, что она великодушно решила вернуться в Пайк и не навлекать на себя беду?

Бесконечные ночи в холодной постели.

— Идиотка.

Откинув одеяло, Мона заставила себя выбраться из кровати. Даже сейчас она не могла позволить Дрейку страдать от последствий его решений. Ей потребовалось полчаса, чтобы одеться и поехать на своей легковой машине через весь город. Затем, свернув на углу Шестой, она въехала на парковку.

Оглядевшись по сторонам, она никого не увидела. Пайк хоть и небольшой город, но в нем имелись районы, сильно пострадавшие от рецессии. Эта улица относилась к их числу. Предприятия, которые когда-то процветали, теперь стояли закрытыми, с заколоченными окнами и исписанными полустертыми попытками вандализма.

Нахмурившись, Мона достала свой телефон. Она ошиблась адресом? Нет. Угол Шестой и Стейт.

Так где же Дрейк?

Взгляд Моны остановился на ближайшем кирпичном здании, где входная дверь оказалась распахнута настежь. Когда-то здесь размещалась пиццерия, но пару лет назад она закрылась. Дрейк любил это место, несмотря на засаленные полы и вонь несвежего пива.

Мог ли он забрести сюда в пьяном угаре? Именно об этом месте он бы подумал, если бы у него появилось желание поесть.

Да, это вполне возможно.

Но где же тот человек, который отправил сообщение? И вообще, кто отправил ей сообщение?

Она не узнала номер. Так как же тогда удалось связаться с ней?

Ох. Она закатила глаза, ухватившись за самое очевидное объяснение. Дрейк настоял на том, чтобы ее номер значился в его строительном бизнесе наряду с его собственным. Муж обещал, что это на крайний случай, хотя именно ей звонили, когда он опаздывал на работу или забывал оплатить счет.

С покорным вздохом она переключила коробку передач на паркинг и вылезла из машины. Чем скорее она найдет своего бесполезного мужа, тем скорее сможет вернуться в постель.

Мона остановилась у входа в здание. Слишком темно, чтобы разглядеть что-либо внутри. Кроме...

Там на полу лежало тело?

Да.

Бормоча проклятия, Мона вбежала в здание. Даже после того, как это место простояло заброшенным много лет, здесь все еще пахло несвежим пивом. Идеальное место для Дрейка, чтобы отключиться.

Жалея, что у нее не хватило духу оставить его на грязной плитке, Мона опустилась на колени.

— Дрейк. — Она протянула руку, чтобы встряхнуть его.

Только когда его голова оторвалась от пола, Мона поняла свою ошибку.

Это не ее муж. Это был...

Взрывная боль оборвала ее мысли, когда твердый предмет ударил ее по черепу.

Ловушка.

Не зная, смеяться или плакать, Мона рухнула на пол.

Она всегда знала, что Дрейк Шелтон станет ее гибелью.

Глава 13

После возвращения в постель Винтер удалось поспать несколько часов, но к пяти утра она уже проснулась. Что бы ни происходило, она не могла отказаться от привычки всей жизни.

Отбросив простыни, она достала из чемодана джинсы и толстовку и направилась в ванную. Горячий душ освежил ее больше, чем беспокойный сон, и, собрав мокрые волосы в хвост, Винтер отправилась на кухню готовить завтрак.

Меньше чем через час на острове стояли домашние бисквиты с колбасой и подливкой. Войдя на кухню, Ноа глубоко и благодарно вздохнул.

— Аппетитно, — пробормотал он и направился к столу, чтобы налить две кружки кофе.

Винтер спрятала улыбку, пораженная тем, как приятно возиться на кухне Ноа. Как будто она дома. Конечно, когда она в своем доме, рядом не бродил великолепный мужчина, наполняя воздух теплым ароматом сосны.

Устроившись на табурете рядом с островом, Винтер скользнула взглядом по мужчине, с которым дружила много лет. Она всегда знала, что он привлекателен. Даже если бы не замечала, постоянные вздохи и трепетные взгляды подруг, когда Ноа проходил мимо в школьных коридорах, непременно подсказали бы ей. Но она никогда не проводила тщательную инвентаризацию того, насколько хорошо его задница и крепкие ноги выглядят в потертых джинсах, или широкие плечи, скрытые под футболкой цвета хаки. Темные волосы Ноа были влажными, а на затылке вились мелкие завитки.

Ей вдруг захотелось провести пальцами по этим завиткам.

Она резко опустила взгляд, когда Ноа повернулся, чтобы пройти к острову и поставить

кружки. Не то чтобы она пыталась скрыть, что оценила его мужские достоинства, но разглядывать Ноа до завтрака казалось невежливым.

Они ели в дружеской тишине, Ноа поглощал вторую порцию бисквитов с таким азартом, что сердце повара пело от восторга. Они оба потягивали кофе, когда тишину нарушил залиvistый лай.

Винтер заметила многочисленных собак, которые крутились вокруг ног Ноа, когда они приехали в коттедж прошлой ночью. Тогда псы тявкали и скулили, требуя его внимания. Теперь они лаяли так, словно в дом вторглась целая армия.

— Что там происходит с твоими псами Баскервилей?

Ноа поднялся на ноги, чтобы выглянуть в окно над раковиной.

— Это моя система раннего предупреждения.

— Предупреждения, о чем? Об апокалипсисе?

— Что кто-то выехал на частную дорогу, ведущую к коттеджу.

— Это... — Она поморщилась, когда бигль завыл, словно его пытали. — Трудно пропустить.

— Я сейчас вернусь.

Ноа исчез из кухни, но прежде чем Винтер успела последовать за ним и спросить, в чем дело, он вернулся с пистолетом, небрежно зажатый в руке. Подойдя к кухонной двери, Ноа открыл ее и вышел на крыльцо.

Винтер быстро встала рядом с ним, не обращая внимания на прохладу в воздухе. Они молча наблюдали, как машина свернула на подъездную дорожку возле коттеджа Ноа.

У Винтер перехватило дыхание, когда она поняла, что это полицейская машина.

— Дедушка.

Ноа потянулся, чтобы сжать ее пальцы.

— Это Шелли. Я уверен, что она приехала проверить, все ли с тобой в порядке. Если бы с твоим дедушкой что-то случилось, позвонили бы из больницы.

От его слов Винтер напряглась. Не потому, что не разделяла его мнение, а просто оттого, что даже не знала, где оставила свой телефон.

В отличие от большинства сверстников Винтер не увлекалась социальными сетями или электронным общением с друзьями. Она вечно забывала, куда положила свой телефон.

— Мой телефон, — пробормотала она с отвращением. — Я оставила его в доме дедушки.

Ноа пожал плечами.

— Я захватил твою сумочку и положил ее в чемодан с одеждой. Он там?

— Не помню. — Она пробормотала проклятие. — А что, если кто-то пытался до меня дозвониться?

— Я оставил свой номер в больнице, и твой отец знает, что ты остановилась здесь, — успокоил Ноа ее. — Если бы им понадобилось связаться с тобой, они бы позвонили мне.

Винтер медленно кивнула. Он прав. Заставив напряженные мышцы расслабиться, Винтер переключила внимание на машину, окруженную тявкающими собаками, начиная от немецкой овчарки и заканчивая мопсом. Окно со стороны водителя опустилось, и из него выглянула Шелли.

— Ты собираешься привязать этих гончих?

Винтер фыркнул, бросив взгляд в сторону Ноа.

— Видишь? Я же говорила, что здесь как в поместье Баскервилей.

Ноа положил два пальца в рот и свистнул, достаточно громко, чтобы у Винтера зазвенело в ушах. Собаки мгновенно повернулись и побежали к сараю, где устроились на кучах сена, которые Ноа разложил на полу.

Он обернулся к полицейской машине.

— Все в порядке, — заверил он Шелли, дождавшись, пока та присоединится к ним на крыльце, прежде чем снова заговорить. — Немного рановато для визита на дом, не находишь?

Шелли удалось натянуто улыбнуться.

— Мы можем зайти внутрь?

Сердце Винтер сжалось, мысли снова вернулись к ее самому большому страху.

— Дедушка?

Шелли покачала головой.

— Он в порядке, насколько я знаю.

Винтер вздохнула с облегчением и только потом поняла, что Ноа обхватил ее за плечи. Неужели он собирался подхватить ее, если появятся плохие новости?

Эта мысль, как ни странно, порадовала Винтер. Она всегда жила в окружении любви, от отца и деда, а также от бабушки в Пайке, но во многом ей приходилось заботиться о себе самой с самого раннего возраста. Она не привыкла, чтобы кто-то стоял рядом с ней. В прямом и переносном смысле.

Приятно. Может быть, даже больше, чем приятно.

Странные мысли пронеслись в ее голове, когда Ноа направил ее обратно на кухню. Она инстинктивно села на один из табуретов рядом с Шелли. Ноа двинулся к стойке.

— Кофе?

— Горячий, черный и настолько крепкий, насколько ты в состоянии его сделать, — попросила Шелли.

Винтер изучала Шелли, отмечая круги под темными глазами и морщинки у рта.

— Что-то случилось, — проговорила Винтер, и ее слова прозвучали не как вопрос, а как утверждение.

— Да, — признала Шелли, подождав, пока Ноа передаст ей кружку с дымящимся кофе, прежде чем продолжить. — Ты знаешь Мону Шелтон?

Не этого ожидала Винтер. Она покачала головой.

— Нет. А должна?

— Это жена Дрейка Шелтона.

— Ох... — Винтер пыталась вспомнить эту женщину, но у нее ничего не вышло. — Дрейк жил по соседству с моей бабушкой в Пайке. Я уверена, что, возможно, видела ее во дворе или на крыльце, но не помню, чтобы когда-нибудь с ней разговаривала. На самом деле, я даже не уверена, что вообще встречалась с ней.

Ноа прислонился к острову рядом с Винтер.

— Почему ты спрашиваешь?

— Час назад мне позвонил шериф из Пайка и сказал, что они обнаружили тело Моны.

Тело. Только по одной причине Шелли могла назвать Мону телом. И все же Винтер заставила себя спросить очевидное.

— Она мертва?

— Да.

Ноа сложил руки на столе, помрачнев.

— Как это случилось?

— Ей проломили голову.

Винтер дернулась в шоке. Не существует хорошего способа умереть. Но некоторые просто ужасные. И это один из них.

— О боже, — вздохнула она.

Челюсть Ноа сжалась, но в его лице не читалось ужаса. Скорее, он выглядел настороженным.

— Это трагедия, но я не понимаю, зачем шерифу звонить тебе.

Шелли сделала глоток кофе, ненадолго закрыв глаза, словно наслаждаясь вкусом. А может, она просто пыталась собраться с мыслями. Она выглядела так, словно у нее уже выдалось долгое утро.

— Потому что я спрашивала отчет о смерти Лорел Мур.

Винтер вздрогнула. Она могла бы догадаться, что у Шелли имелась какая-то причина для приезда в этот час. Дело ведь не в том, что Мона старая знакомая.

— Это как-то связано со смертью моей мамы? — прошептала Винтер.

Шелли сделала еще один глоток кофе.

— Тело Моны обнаружили на той же заправочной станции «Шелл», где стреляли в твою маму.

Винтер стиснула зубы, когда эти слова ударили ее подобно реальному толчку. Смерть Моны не могла быть совпадением. Не тогда, когда ее тело обнаружили в том же месте.

Ноа сузил глаза.

— Ее тело нашли на заправке. Но убили ее где-то в другом месте?

Шелли поморщилась, как будто не хотела выдавать эту деталь.

— У меня нет всех подробностей, но, судя по всему, ее убили в заброшенной пиццерии, а тело перевезли на станцию.

— Когда это случилось? — спросила Винтер.

— Где-то между тремя и пятью тридцатью утра, — ответила Шелли. — Именно тогда обнаружили ее тело.

Мысли Винтер вернулись к ее короткому визиту в дом Дрейка. Тогда он упомянул, что его жена дома.

— Что она делала на улице в это время? — Винтер нахмурилась в замешательстве. — А Дрейк знает?

Шелли отставила кружку, как будто выпитый кофе — неважно, насколько крепкий — не мог дать ей энергии, необходимой для того, чтобы встретить день.

— Они его не спрашивали.

— Почему? — уточнил Ноа.

— Он пропал.

Винтер изо всех сил старалась следить за словами Шелли. Это давалось ей нелегко. Ее мозг словно заволокло туманом. Несомненно, из-за шока, потрясшего ее.

— Дрейк пропал? — переспросила Винтер.

Шелли пожала плечами.

— Все, что они говорят, это то, что не смогли его найти.

Винтер нахмурила брови, тщетно пытаясь понять, что произошло.

— Я не понимаю, — пробормотала она, озвучивая свои мысли вслух. — Дрейк находился с Моной, когда ее убили? И кому могла понадобиться смерть Моны? Неужели она

как бедняжка Тилли? Может, у нее имелась информация об убийстве мамы?

Ноа взял ее за пальцы и слегка сжал их.

— Винтер, мы даже не знаем, связано ли это с твоей матерью. Может оказаться, что это бытовая ссора, которая вышла из-под контроля. Такое случается постоянно, к сожалению.

Она помрачнела. Он, конечно, прав, но она не хотела думать, что причиной смерти могло быть домашнее насилие. Отчасти потому, что боялась, что ее приход в дом Дрейка, чтобы обсудить его роман с ее матерью, мог стать причиной ссоры, которая привела к смерти Моны. Такое развитие событий стало бы невыносимым.

— Но зачем им звонить Шелли? — спросила Винтер, прежде чем взглянуть на женщину-полицейского. — Наверняка тут что-то большее, чем тот факт, что Мону обнаружили на старой станции, верно?

Шелли замешкалась, прежде чем медленно кивнуть.

— Есть кое-что еще.

Винтер не знала, радоваться или ужасаться тому, что она догадалась, что есть что-то еще.

— Что?

Шелли постучала кончиками пальцев по кухонному столу.

— Мона получила сообщение около трех часов ночи о том, что ее муж потерял сознание на улице. Шериф предполагает, что она поехала за ним и погибла после того, как прибыла на место.

Винтер изогнула брови. Теперь у нее появился ответ на вопрос, почему Мона отправилась на улицу в три часа ночи.

— Ловушка, — выдохнула Винтер.

— Да, — согласилась Шелли.

Ноа наклонился вперед, с напряженным выражением лица.

— Сообщение отправил Дрейк?

— Нет. — Шелли снова сделала паузу. В этот раз она длилась дольше. Со странным напряжением. — Оно пришло с другого телефона.

— С чьего? — растерянно спросила Винтер.

— С твоего.

***

Ноа захрипел, как будто его ударили. На самом деле, ему казалось, что он получил прямой хук.

Он настолько сосредоточился на том, почему Мону Шелтон могли заманить на верную смерть, что оказался не готов к шокирующему заявлению о том, что та получила сообщение с телефона Винтер.

Не менее обеспокоенная обвинением Шелли, Винтер вскочила с табурета.

— Невозможно, — выпалила она, решительно выходя из кухни.

Ноа смотрел, как она уходит, полагая, что Винтер направляется в свободную спальню искать свой телефон. Он остался на кухне. Не только потому, что у него закралось подозрение, что ей не повезет, но и потому, что хотел поговорить с Шелли наедине.

— Что, по их мнению, произошло? — спросил он.

Дождавшись, пока Винтер выйдет из кухни, Шелли ответила.

— Мона находилась дома, очевидно, одна, когда получила сообщение, — поведала Шелли. — Она села в машину и поехала на другой конец города. Дальше они не уверены, но

подозревают, что Мона вышла из машины и вошла в пиццерию. Убийца ждал или следовал за ней.

Ноа попытался представить, что произошло. Мона одна, возможно, уверенная, что ее муж выпивает. Она получает сообщение и отправляется забирать пьяного идиота с улицы. А потом... Что? Это Дрейк ее ждал? Это точно был кто-то, кого она знала. Она бы не стала терять бдительность с незнакомцем в такое время суток.

Он покачал головой. Невозможно понять, кто или что ждало ее. Вместо этого он переключил свои мысли на то, что произошло после убийства Моны.

— Ты сказала, что в здании никого не было?

— Да.

— Зачем перемещать ее тело?

Шелли бросила на него одобрителный взгляд. Без сомнения, она тоже так подумала.

— Именно. И это еще не все. — Она наклонилась вперед, ее голос звучал низко. Очевидно, Шелли не хотела, чтобы Винтер услышала то, что она хотела сказать. — Тело не просто бросили на заправке «Шелл». Его положили в том самом месте, где Лорел упала после выстрела.

У Ноа сжалась челюсть. Очень легко прийти к выводу, что обе женщины убиты одним и тем же убийцей. Но он подозревал, что фотография мертвого тела Лорел попала не в одну газету. Кто-то мог вспомнить, что видел ее. Или даже науглил изображение. Лучше всего оставаться непредвзятым.

— Есть подозреваемые? — спросил он.

Шелли опустила взгляд, прикрыв глаза.

— Расследование продолжается. Все находятся под подозрением.

Ноа на мгновение растерялся. Что она скрывала? Затем он пробормотал проклятие.

— Включая Винтер?

— Да.

— Она пробыла здесь всю ночь со мной. — В его голосе слышался гнев. — И прежде чем ты спросишь, могла ли она улизнуть, вспомни мою свору гончих. Они бы подняли шум, если бы Винтер вышла из коттеджа.

— Это не значит, что она не могла отправить сообщение, — заметила Шелли, поднимая руку, когда Ноа разомкнул губы, чтобы продолжить спор. — Я просто поясню, что скажет шериф в Пайке.

— Я не могла этого сделать. — Мягкий голос Винтер прервал напряженный обмен репликами. — Мой телефон пропал.

Глава 14

Винтер и раньше слышала, как бабушка говорила, что у нее мурашки по коже, но никогда не представляла, как это может быть. Когда Ноа остановился перед фермерским домом, она вдруг отчетливо поняла, что это значит. Ощущение такое, будто под кожей ползают жуки.

Дело не только в полицейской ленте, развевающейся на сильном ветру вокруг места, где ранили ее дедушку. Или в серых тучах, низко нависших с угрозой дождя или, может быть, снега — они казались еще не вполне определившимися. В воздухе витала тревожная атмосфера насилия. Как будто тот, кто нажал на курок, оставил после себя отпечаток зла.

Ноа выключил двигатель и посмотрел в ее сторону.

— Готова?

Винтер поморщилась. Тяжелый узел страха засел в ее желудке. Он образовался там с тех пор, как она обнаружила пропажу телефона.

Нет, неверно. Он ощущался уже несколько дней. Просто сейчас стал больше и тяжелее.

— Я должна убедиться, что моего телефона здесь нет. — Она заставила себя открыть дверь джипа.

Не успела Винтер сделать и шага в сторону дома, как Ноа оказался рядом с ней.

— Мы сделаем это вместе. — Он обнял ее за плечи.

Винтер с готовностью положила на его силу. Сегодня утром ей нужен Ноа, и она не стеснялась признаться в этом.

Они двинулись к лестнице, ведущей на крыльцо. Резкий ветерок трепал ее куртку и вырывал пряди волос из хвоста. Винтер задрожала, но не от холода.

— Боже, — пробормотала она.

Ноа нахмурился и посмотрел на нее.

— Ты в порядке?

— Как давно это было?

— Что именно?

— Как я ездила в Пайк.

Ноа на секунду задумался.

— Пять дней.

Винтер покачала головой.

— А кажется прошла целая вечность.

— Да. Правда.

Они поднимались по деревянным ступеням, и Винтер подумала о своем бедном дедушке, лежащем на больничной койке, борющемся за свою жизнь, вместо дома, где ему самое место.

— Если бы я не открыла тот конверт, ничего бы этого не произошло.

Ноа нахмурился.

— Ты этого не знаешь.

— Знаю, — ответила она с яростью. — Это был ящик Пандоры, и если бы я могла вернуться в прошлое...

— Секреты никогда не остаются похороненными, — перебил Ноа, его голос звучал так же резко. — В конце концов, ящик Пандоры все равно открылся бы.

Они пересекли крыльцо и остановились перед дверью.

— Ты правда в это веришь?

Ноа повернулся и положил руки ей на плечи, глядя с мрачным выражением лица.

— Да, верю.

Винтер нервно вздохнула.

— Я рада, что ты со мной.

Его глаза потемнели, когда он опустил голову.

— Мне не хотелось бы быть где-то еще. — Он прикоснулся губами к ее губам в легком поцелуе, прежде чем выпрямиться. — С чего бы нам начать?

Винтер облизнула губы, откладывая воспоминания о поцелуе на потом. Сейчас она хотела поскорее закончить с делом, чтобы они могли уйти.

— Полагаю, лучше всего попытаться проследить мои шаги с того момента, как я помню, что держала телефон, — решила она. — Я знаю, что вчера утром он лежал в спальне. Я

посмотрела на него, когда встала.

— Давай начнем с нее. — Протянув руку, Ноа толчком открыл деревянную дверь. Он оглянулся на нее. — Я пытался запереть дом перед тем, как уйти прошлой ночью, но не смог найти никаких ключей.

Винтер фыркнула, когда они вошли в гостиную, темную от тяжелых штор и заставленную мебелью, покрытой одинаковыми вязаными одеялами, сколько она себя помнила. Здесь имелся камин, которым никогда не пользовались, и застекленный шкаф, в котором хранились мелкие безделушки, собранные за всю жизнь на окружных ярмарках, церковных праздниках и во время редких поездок в Канаду.

— Я сомневаюсь, что мой дедушка знает, где лежат ключи, — поделилась она с Ноа, направляясь к лестнице в конце комнаты. — Когда я была маленькой девочкой, он оставлял кувшины со сливками на кухне, и люди заходили, брали один и оставляли немного денег на столе.

Ноа напрягся, выражая неодобрение, но оставил свое мнение при себе, пока они поднимались по лестнице на второй этаж. Хотя он переехал в Ларкин, когда ему исполнилось четырнадцать лет, годы, проведенные в большом городе, наложили свой отпечаток. Он никогда не будет так же легкомысленно относиться к безопасности, как местные жители.

Они прошли по короткому коридору в спальню, приютившуюся под наклонным потолком. Здесь было тесно и прохладно, а единственной мебелью служили узкая кровать и две тумбочки. Зато из окна открывался потрясающий вид на ферму и окружающие дельты.

Винтер пересекла дощатый пол и прикоснулась к пустой тумбочке.

— Я оставила его здесь, когда укладывалась спать. Когда прозвенел будильник, я встала, приняла душ и оделась. — Она рассеянно вышла из спальни и вошла в такую же тесную ванную комнату. Быстрый осмотр показал, что телефона там нет. — Затем спустилась вниз, чтобы приготовить завтрак.

— Телефон был при тебе?

Она мысленно пробежалась по своим движениям за прошедший день.

— Да. Он лежал на стойке, пока мыла посуду, потому что я слушала музыку. Это последний раз, когда я помню, что он оставался у меня перед тем, как пошла в подсобку, чтобы надеть комбинезон и выйти на улицу. Я никогда не беру его с собой, когда нахожусь в теплицах.

Они спустились вниз и вошли в кухню.

— Значит, он лежал на столе в последний раз, когда ты его видела.

— Да.

Вместе они искали пропавший телефон, открывая шкафы и даже холодильник на случай, если она сделала какую-нибудь глупость. Винтер уже не в первый раз теряла телефон. Однажды она выбросила его в мусорное ведро. Без сомнения, ошибка по Фрейду.

Наконец, они признали свое поражение.

— Его здесь нет, — пробормотал Винтер. — Кто-то его украл.

— Согласен. — Ноа уперся кулаками в бедра и оглядел кухню, разочарованно нахмурившись. — Но зачем кому-то ехать в этот отдаленный дом, надеясь, что ты могла оставить свой телефон где-нибудь поблизости?

Винтер поморщилась. Он прав. Хотя она часто работала в теплицах, у нее не существовало определенного распорядка дня. Она могла приехать в любое время, в любой

день недели. Кроме того, то, что ее дедушка решил съездить в город, когда она работала, тоже чистая случайность.

— И это слишком уединенное место, чтобы кто-то мог пройти мимо и увидеть телефон через окно, — добавила она.

— Вероятно, кто-то находился здесь с какой-то другой целью и воспользовался случаем. Если бы это случилось рано утром, она бы заметила машину, подъезжающую к дому. Значит, все произошло уже после того, как стреляли в дедушку.

— Здесь находилось около дюжины человек с машинами скорой помощи. — Винтер вздрогнула. Она полностью сосредоточилась на своем дедушке и ужасе, что он вот-вот умрет, но у нее осталось смутное воспоминание о вое сирен и толпе врачей скорой помощи, полицейских и добровольных пожарных.

— Верно, — согласился Ноа. — Включая стаю зевак, которые всегда следуют за машинами скорой помощи. Любой из них мог забрести в дом незаметно.

Винтер посетила внезапная мысль.

— И я уверена, что папа и Линда тоже наверняка побывали здесь.

Ноа изогнул бровь.

— Почему ты так говоришь?

— Они пошли на обед после того, как дедушку прооперировали, а когда вернулись, принесли сумку с пижамой дедушки и очками для чтения.

Ноа повернул голову услышав скрип шин по гравийной дороге. Через несколько мгновений к дому подъехал фургон.

— Ну... — Глаза Ноа сузились, когда машина припарковалась рядом с его джипом и из нее вылез мужчина. — Вот ещё один человек, который приезжал сюда вчера.

Винтер закатила глаза на его слова, а затем спустилась по ступенькам крыльца, чтобы поприветствовать своего старого друга.

— Олли.

— Привет, Винтер. Ноа. Простите, я опоздал. — Он достал из заднего кармана пару тяжелых перчаток, готовясь приступить к утренней работе. — Мой отец неожиданно вернулся в город.

Винтер изумленно ахнула. Она знала Олли и его мать всю свою жизнь, но они ни разу не упоминали о его отце.

— Я не знала, что он хоть раз возвращался в Ларкин.

Челюсти Олли сжались. Как будто она затронула болезненную тему.

— Джей Уилер — как плохой пенни, который появляется, когда его меньше всего ждут. Обычно, когда у него заканчиваются деньги. После нескольких дней его бесконечного нытья моя мать устает настолько, что отдает несколько баксов, чтобы избавиться от него. — Губы Олли искривились в натянутой улыбке. — Сегодня утром он решил попытать счастья со мной. Потребовалось некоторое время, чтобы убедить его, что я не собираюсь помогать ему. Затем он настоял на том, что ему нужно выпить. Мне пришлось объехать весь город в поисках бара, открытого в это время. В конце концов я высадил его у «Свиньи и свистка».

Винтер почувствовала укол сочувствия. Какими бы сложными ни были ее отношения с отцом, он всегда находился рядом с ней.

— Мне жаль, Олли. Я могу найти кого-нибудь, кто позаботится о делах здесь, — заверила его Винтер. — У тебя и так хватает забот...

— Нет, я хочу быть здесь, — перебил Олли, решительно произнеся. — Это

единственное место, где я чувствую себя спокойно. Кроме того, только я знаю, как Сандер хочет, чтобы все было сделано.

— Это правда, — сухо согласилась Винтер. У ее дедушки имелось много хороших качеств, но он мог быть и занудой. Особенно когда дело касалось его любимой фермы.

— Как он? — спросил Олли.

— Стабилен, но все еще без сознания. Я собираюсь навестить его сегодня утром.

Олли кивнул.

— Я планирую зайти к нему после работы.

— Спасибо. — Винтер потянулась, чтобы прикоснуться к руке приятеля. — Дедушке повезло, что ты его друг.

— Без него... — Олли покачал головой, покраснев, как будто ему стало стыдно за то, что он признался, как сильно зависит от Сандера Мура. — Мне нужно поторопиться. У меня полно дел.

— Подожди. — Ноа переместился, чтобы встать перед Олли. — В котором часу ты вчера занимался хозяйством?

Олли задумался на секунду над ответом.

— Точного времени не скажу. Поздно. После ужина, так что около восьми или девяти.

— Ты заметил кого-нибудь поблизости? — поинтересовался Ноа.

— Нет. — Брови Олли сошлись. — Ой, ну я встретил Тонию на подъездной дорожке. Она выезжала, когда я подъезжал.

— Почему она оказалась здесь? — Винтер растерялась. Насколько она знала, Тоня никогда раньше не приезжала на ферму.

— Полагаю, она искала тебя. — Олли отошел в сторону, выражение его лица было рассеянным. — Мне пора заняться хозяйством. Сегодня еще нужно многое сделать.

— Спасибо, Олли.

Олли направился к сараю, и в сердце Винтер поселилась новая грусть. Сегодня утром делами по хозяйству должен был заниматься ее дедушка. Если бы не она...

— Мне нужно в больницу, — объявила она негромко.

Ноа кивнул.

— Я тебя подброшу.

Она нахмурилась.

— А что ты собираешься делать?

— Я хочу разыскать отца Оливера.

Это оказалось последним, что Винтер ожидала услышать.

— Почему?

— Он жил поблизости, когда твоя мать только приехала в город и в первые годы их брака, — напомнил ей Ноа. — Более того, он человек, у которого нет причин приукрашивать то, что произошло в прошлом. Если он знает, кто мог желать смерти Лорел, то не станет это скрывать.

Винтер обдумала его слова, прежде чем кивнуть в знак согласия. До сих пор она слышала о прошлом от людей, которые либо любили, либо обижались на ее маму. Неплохо бы узнать мнение человека, не имеющего причин переживать так или иначе.

— Я могу сама доехать до больницы, — сказала она, подняв руку, когда Ноа собирался уже возразить. — Ты можешь следовать позади. Мне нужен грузовик, чтобы забрать партию удобрений, заказанную в кооперативе. Они ожидают, что я заеду сегодня.

Ноа нахмурил брови. Он явно не слишком доволен, что она останется одна, даже в своем грузовике. Наконец он вздохнул с покорностью.

— Ты можешь отвезти его в больницу, а потом мы поменяемся машинами. Я возьму удобрения и привезу их сюда, а потом встретимся за обедом.

— Хорошо, — с готовностью согласился Винтер. Если Ноа не возражал против помощи, она охотно примет его щедрое предложение.

Она хотела проводить как можно больше времени с бабушкой.

* * *

Незнакомец наблюдал за парой из-за многочисленных хозяйственных построек.

Невозможно расслышать, о чем они говорят. Расстояние слишком велико, а голоса звучали тихо, словно они боялись, что кто-то может подслушать их разговор.

Досадно.

В их телах чувствовалось напряжение, заметное даже издали.

Это страх? Незнакомец надеялся, что так и есть. Страх — это то, что можно почувствовать. Не так хорошо, как крики. Или кровь. Или вой сирен.

К сожалению, их напряжение больше походило на решимость. Как будто они разрабатывали план действий.

Проклятье.

Их предупреждали. Сначала с Тилли. А потом с запиской. Этого должно по идее хватить, но нет. Хуже того, стрельба закончилась неудачей. Пуля ушла в сторону, и вместо того, чтобы покончить с делом, оно грозило выйти из-под контроля.

Очевидно, что необходимы решительные действия. Именно такие прямые меры, которые Незнакомец с готовностью и нетерпением ждал.

Глава 15

Ноа последовал за Винтер на больничную парковку, после чего они поменялись машинами, и он поехал обратно в Ларкин.

С трудом он отогнал от себя страх оставить Винтер одну. С ней все будет в порядке, пока она остается в больнице. На самом деле там она в большей безопасности, чем в его коттедже. В то же время он не хотел вспоминать о смерти Моны Шелтон и шокирующем открытии, что ту выманили из дома с помощью сообщения, отправленного с телефона Винтер.

Сейчас ему нужно сосредоточиться на розыске Джея Уилера. Ноа не знал, есть ли у него какая-либо информация о Лорел Мур, но надеялся, что сможет узнать о людях, связанных с матерью Винтер, и о том, что могло привести к ее смерти.

Доехав до Ларкина, он повернул и поехал к центру города. С отцом Оливера он не сталкивался. Однако бабушка Ноа назвала Джея Уилера дьявольским отродьем. Она рассказывала, что его поймали за выращиванием марихуаны на земле Сандера Мура, и после того, как прогнали из города, он переехал в Чикаго, где его тут же арестовали за мелкую кражу и наркотики. Конечно, бабушка называла и свою соседку отродьем дьявола, и ее невестку, и бедную женщину, которая взяла первый приз на садовой выставке, украв титул, который, по мнению бабушки, должен был достаться ей.

Заехав в переулок в трех кварталах к востоку от Седар-авеню, Ноа припарковал грузовик и направился в темное, узкое здание, зажатое между прачечной с одной стороны и антикварным магазином с другой. Остановившись у двери, чтобы глаза привыкли к полумраку, Ноа сморщил нос от запаха старых опилок от игрового стола, который стоял

вдоль задней стены, и дрожжевого привкуса пива, просочившегося в деревянные панели.

Как только он смог четко разглядеть детали длинного открытого пространства, Ноа отыскал горстку посетителей, собравшихся за столиками в центре зала. Их оказалось на удивление много, учитывая, что время завтрака едва миновало, но это, наверное, единственная таверна, открытая в этот час. А потому они обладали монополией на местных выпивох.

Его взгляд остановился на одиноком мужчине, сидящем у барной стойки и попивающем из высокого бокала пиво. Незнакомец был стройным, с коротко подстриженными седыми волосами и лицом, сильно осунувшимся от многолетнего курения. Носил он толстовку «Чикаго Буллз» и поношенные джинсы. Издалека мужчина не слишком походил на Оливера, но поскольку Ноа узнал других посетителей, собравшихся за столиками, то предположил, что это его отец.

Пройдя вперед, Ноа прислонился к барной стойке рядом с мужчиной.

— Джей?

Тот повернул голову, глядя бледными, глубоко посаженными глазами. В углу рта у него торчала тонкая металлическая зубочистка, и он ухмылялся.

— Кто спрашивает?

Ноа протянул руку.

— Ноа Хеллер.

— Хеллер? — Отец Оливера нахмурился, не обращая внимания на руку Ноа, вынимая зубочистку изо рта и засовывая ее в карман. — Имеешь отношение к Приде Хеллер?

Ноа опустил руку.

— Внук.

Джей бросил обеспокоенный взгляд через плечо.

— Она ведь не с тобой?

Ноа спрятал улыбку. Его бабушка даже из могилы вселяла страх в сердца мужчин. Она бы страшно возгордилась.

— Она умерла.

— О. — Джей вернул свое внимание к Ноа. — Прости.

— Могу я присоединиться к вам?

— Смотря для чего. — Джей потянулся за своим стаканом и осушил пиво одним глотком. — Угощаешь?

Ноа забрался на высокий табурет, жестом подозвав скучающего бармена.

— По одному бокалу.

Дождавшись, пока каждый из них получит по бокалу свежего разливного пива, Джей наклонился вбок и негромко произнес.

— У меня нет с собой заначки, но я уверен, что мы сможем договориться о более уединенном месте для завершения нашего дела.

Ноа сдержал гримасу. Если Джей действительно провел время в тюрьме, то похоже не исправился. Он все еще торговал наркотиками.

— Единственное, что мне нужно, это информация, — заверил он своего собеседника.

Джей отодвинулся назад, выражение его лица стало жестким и подозрительным.

— Ты ведь не коп?

— Нет.

Джей сузил глаза.

— Клянешься?

— Даю слово.

Джей потянулся за своим пивом, похоже, довольный тем, что не стал объектом какой-то подпольной операции.

— Какая информация тебе нужна?

Ноа не вполне и сам понимал. Когда он обдумывал идею подойти к Джею Уилеру и попросить его поделиться своим мнением о Лорел Мур и о том, кто может желать ее смерти, все казалось простым. Теперь, когда он познакомился с отцом Олли, у него возникло ощущение, что тот будет уклоняться от прямых вопросов. Не потому, что его волновало прошлое, а потому, что по умолчанию привык лгать.

Взяв пиво, Ноа сделал глоток, скривившись от горького послевкусия. Для алкоголя еще слишком рано.

— Вы работали на Сандера Мура? — спросил он.

Джей фыркнул от отвращения.

— Тридцать лет назад. И я бы не назвал это работой, — проворчал он. — Я был рабом у этого ублюдка, а он хоть раз проявил благодарность? Нет. Только ворчал, пилил, и ругал. Что бы я ни делал, все было недостаточно хорошо.

Ноа не испытывал симпатии к Джею Уилеру. Он бросил свою собственную семью. Но нельзя отрицать, что работа на ферме любому покажется тяжелым трудом.

— С Сандером может быть непросто.

— Он — говнюк. — В бледных глазах тлела затаенная обида. — Я точно знаю, что это он натравил на меня копов только потому, что там росло несколько кустов травы на паршивом клочке земли, о котором Сандер даже не помнил. — Его резкий тон показал неспособность Джея принять вину за свои собственные грехи. Типичный нарцисс. — Но это даже не самое худшее, что он сделал.

— Нет?

— Он настроил моего собственного сына против меня. Олли поклонялся земле, по которой ходил Сандер, а я просто... — Он с трудом подбирал слова. — Какое-то ничтожество.

Ноа сопротивлялся желанию указать на лицемерие Уилера. Джей охотно бросил свою семью, но возмущался тем, что его сын предпочел выбрать другого человека в качестве отца.

— Вы знали сына Сандера? — спросил Ноа вместо этого.

— Эдгара? — Горечь резко сменилась весельем. — Конечно, знал. Хорошая шутка.

— В чем шутка?

— Большой человек Сандер, всегда хвастался своей фермой и тем, что его пра-пра-что-то-там стал первым поселенцем в этом районе. А потом у него родился ребенок, который не мог отличить телку от бычка. — Джей сделал глоток пива. — У меня сердце согревалось, когда я слышал, как старик ворчал и стонал, что его прокляли таким никчемным отпрыском. Ха. Вот почему ему пришлось украсть моего.

Ноа не составило труда представить, как Сандер публично выражает свое разочарование в Эдгаре.

— Семейные отношения очень непросты, правда?

— Не то слово. — Джей поднял свой бокал в насмешливом тосте, а затем, нахмурившись, с громким стуком поставил его обратно. — Подожди. Почему ты задаешь мне эти вопросы о Сандере? Олли рассказал мне о стрельбе. Ты думаешь, я имею к этому

какое-то отношение?

Ноа изогнул брови. Он не думал. До тех пор, пока Джей сам не подкинул ему эту идею.

— С чего бы? — спросил он, изучая лицо Уилера. — Не похоже, чтобы у вас имелись причины желать его смерти.

— У меня полно причин, но, если бы я хотел его смерти, он был бы мертв. — огрызнулся Джей.

Станный способ заявить о своей невинности, но у Ноа имелись более важные вопросы.

— Вообще-то, меня больше интересует прошлое, — заверил он своего собеседника.

Джей остался недоверчивым.

— Мое прошлое?

— Вы работали на Сандера, когда Эдгар женился?

Старик оглядел бар, словно сожалея о своем решении позволить Ноа сесть рядом с ним. Бесплатное пиво — это, конечно, хорошо и прекрасно, но не в том случае, если придется уличать самого себя.

— Почему ты спрашиваешь?

Ноа потянулся в карман, чтобы достать бумажник. Открыв его, он бросил двадчатку на барную стойку.

— Просто интерес. — Джей потянулся за деньгами, но прежде чем он успел взять баксы с барной стойки, Ноа накрыл их своей рукой. — Сначала информация.

Джей колебался. Он хотел закончить разговор и спокойно выпить. Ноа отчетливо видел это на его узком лице. Но опять же, он отчаянно нуждался в деньгах. Оливер уже поведал об этом.

Наконец Джей жестом попросил еще пива, подождал, пока бармен принесет свежий стакан и отойдет в конец бара, прежде чем заговорить.

— Да, я работал на ферме, когда они поженились.

— Что вы думаете о Лорел?

— Честно? — Губы Джея скривились в неприятной улыбке. — Я не мог поверить, что она вышла замуж за такого слабака, как Эдгар. Я имею в виду, она была до безумия роскошна с одной из лучших задниц, которые я когда-либо видел. Зачем тратить себя на мужчину, который никогда не сможет оценить ее по достоинству?

Ноа вздрогнул. Конечно, Уилер просто ничтожество, но он наблюдал за семейными драмами Муров. Возможно, у него есть информация, которая нужна Ноа.

— Кроме того, что у нее прекрасная задница. Что вы о ней думаете?

Джей осушил первый бокал пива и потянулся за вторым.

— С большими запросами.

— Деньги?

— Деньги. Истерики. Постоянное стремление к вниманию. — Он намеренно сделал паузу. — Внимание она получала во множестве мест, помимо спальни мужа.

— Хотите сказать, что у нее были любовники?

— Сплетники утверждали, что их десятки, но они всегда болтали о всякой ерунде, о которой ничего не знали. Черт, ходили слухи, что она спала со мной. — Он пытался выглядеть так, будто скрывает какой-то большой секрет, но Ноа это не обмануло. Лорел Мур никогда бы им не заинтересовалась. Когда Ноа ничего не сказал, Джей пожал плечами и продолжил. — Она не настолько плоха, как о ней говорили, но девчонка искала

развлечений.

— Может, вам известны ее предполагаемые любовники?

Джей посмотрел на деньги под рукой Ноа.

— Много времени прошло. Воспоминания тускнеют.

Ноа вздохнул и вытащил десятидолларовую купюру. Бросив ее вместе с двадцаткой, он снова положил руку сверху.

— Рассказывайте, — велел он.

Джей обдумал свой ответ.

— В колледже был какой-то профессор. И парень, который якобы покончил с собой. — Он сделал еще глоток, глядя на Ноа поверх ободка своего бокала. — Но что действительно разожгло сплетни, так это слухи о том, что милашка Лорел может шалить по обе стороны.

Ноа удивленно моргнул.

— По обе стороны?

— Она была равнодушна к дамам.

— Я знаю, что это значит, — отмахнулся Ноа, гадая, пытается ли собеседник шокировать или действительно ходили слухи, что Лорел была би. — У вас есть какие-нибудь имена?

— Нет. Просто болтовня, — признался Джей, явно разочарованный отсутствием реакции Ноа. — Почему тебя интересует Лорел?

— Меня интересует Винтер.

— Она была совсем крошкой, когда я уехал из города. Я ничего о ней не знаю.

— Винтер достигла возраста, когда ей захотелось узнать больше о своей матери, — сказал Ноа. — Меня беспокоит, что то, что она узнает, может причинить ей боль. Хочу по возможности защитить ее, если вы понимаете, о чем я.

— А-а. — Джей кивнул, как будто наконец понял, почему Ноа задает так много вопросов. — Лорел была в сущности неплохим человеком.

— У нее были враги?

— Сандер ненавидел ее, — ответил Джей без колебаний. — Хотя, он ненавидит всех, включая собственного сына.

— Какие отношения были у Эдгара с женой?

— На грани отчаяния.

Странное выражение для описания отношений.

— Что это значит?

— Она знала, как давить на больные места. Серьезно. Ты бы слышал, как сильно они ругались. Иногда, когда они приезжали на ферму, Лорел начинала кричать и швырять все, что попадалось ей под руку, а Эдгар стоял с белым лицом, сжав губы в тонкую линию. Не раз я думал, что у этого дурака остановится сердце. Невозможно держать все эти эмоции в себе, чтобы не произошло взрыва. — Джей покачал головой как бы с сожалением, но Ноа не заметил злобного веселья в его глазах.

— Из-за чего они ругались?

— Из-за всего. И ничего. — Джей пожал плечами. — Он хотел загнать Лорел в рамки, в которые она не вписывалась. Это сделало их обоих несчастными.

Ноа изогнул бровь. Его потрясла пронизательность этого человека, но, с другой стороны, чему удивляться. У Джея Уилера душа мошенника. Он обладал талантом распознавать слабые места и уметь ими воспользоваться.

— У кого-нибудь еще возникли проблемы с Лорел? — спросил Ноа.

— У секретарши Эдгара. — Джей нахмурил брови. — Синди?

— Линда Бейкер?

— Да, она самая. — Джей щелкнул пальцами. — Я подслушал спор между Эдгаром и Лорел. Она угрожала уйти, если он не уволит эту суку.

— Что сказал Эдгар?

— Я не помню точных слов, но смысл сводился к тому, что он избавится от жены прежде, чем уволит секретаршу.

Ноа постучал кончиками пальцев по стойке бара. Очевидно, что неприязнь Винтер к секретарю ее отца объяснялась не просто столкновением личностей. Чувствовала ли она подсознательно, что отношения Эдгара и Линды не просто отношения босса и подчиненного?

Внезапное желание убедиться, что с Винтер все в порядке, пронзило Ноа.

— И это все?

— Нет. Была еще одна женщина. Не могу вспомнить ее имя. — Джей лениво потягивал свое пиво. — Они как-то поссорились, и Лорел ударила битой машину этой женщины. Выбила стекла и все такое. — Джей разразился резким смехом. — Девчонка была вздорной, без сомнения. Это все, что я могу вспомнить.

— Если вспомните что-нибудь еще, дайте мне знать. — Ноа схватил бумажник и бросил на стол еще двадцатку вместе со своей визитной карточкой. Хватит и на оплату счета, и на то, чтобы побудить Джея связаться с ним, если он вспомнит какую-нибудь полезную информацию.

— Заметано. — Джей потянулся, чтобы взять деньги с барной стойки, когда Ноа спрыгнул с высокого табурета. — Удачи с девчонкой Мур. Я слышал, она выросла в настоящую красавицу. Не говоря уже о том, что Сандер считает ее своей наследницей, хотя люди шептались, что она не от Эдгара. Когда-нибудь она унаследует приличную ферму.

Ноа направился к двери, не сбавляя шага, несмотря на то, что Джей небрежно обронил свое обвинение.

Конечно, Эдгар был отцом Винтер. Правда, она не слишком на него похожа, но она пошла в мать. И даже если он не приходился ей отцом, какое это имело значение?

Конечно, никакого.

И все же Ноа не мог избавиться от тревожного чувства, когда вышел из бара и направился к грузовику Винтер.

Глава 16

Винтер наклонилась над больничной койкой дедушки, чтобы поцеловать его в лоб, прежде чем покинуть палату интенсивной терапии. Врачи просили ее не затягивать с визитами, поскольку пожилой мужчина все еще находился без сознания. Не то чтобы она нуждалась в предупреждении. Несмотря на то, что его состояние оставалось стабильным, по множеству трубок, проводов и пищащих аппаратов, подключенных к старику, становилось ясно, что он изо всех сил борется за жизнь.

Войдя в к счастью пустую комнату ожидания, Винтер подошла к столу, на котором стояла кофеварка и одноразовые стаканчики. Она не только нуждалась в кофеине, но и в чем-нибудь горячем, потому что в больнице царил холод. Она не знала, сделано ли это для борьбы с распространением микробов или просто для того, чтобы люди не задерживались, но ошиблась, решив, что ее толстовка будет достаточно теплой. Ей нужна куртка. И шапка. И

перчатки...

При звуке шагов Винтер резко повернулась лицом к двери, готовая использовать горячий кофе в качестве оружия. В конце коридора стоял охранник, но ему потребуется время, чтобы добраться до комнаты ожидания. Она должна быть готова защитить себя в случае необходимости. Через секунду появилась Линда Бейкер, ее светлые волосы были стянуты в привычный узел на затылке, а стройное тело обтягивал еще один деловой костюм вишнево-красного цвета.

Напряжение Винтер не спадало, пока секретарша отца шла к ней.

— Линда. Что вы здесь делаете?

Улыбка рептилии искривила губы Линды, когда она протянула небольшой букет цветов.

— Я обещала твоему отцу проведать Сандера.

Винтер нахмурилась. Она ожидала, что отец прибудет с минуты на минуту. Какими бы сложными ни оставались отношения между ними, они все-таки семья. А семья помогает друг другу в трудные времена. Разве не так все должно работать?

— Почему он не пришел сам? — Винтер раздражало, что она вынуждена спрашивать эту женщину об отсутствии отца, но без телефона у нее нет возможности связаться с ним.

— Сегодня утром у него занятия, а после обеда — встречи. Он очень занятой человек.

— Слишком занят, чтобы навестить своего тяжелобольного отца?

Линда щелкнула языком, как будто Винтер неоправданно требовательна.

— Эдгар позвонил в больницу сегодня утром, и ему сказали, что Сандер не пришел в сознание. Какой толк метаться по комнате ожидания? — Ее холодный взгляд скользнул по Винтер, при виде безразмерной толстовки и старых джинсов она поджала губы. — С таким же успехом он мог бы заняться чем-то продуктивным

— Вы убедили его в этом?

— Я преследую только его интересы.

— Верный секретарь.

— По крайней мере, я понимаю значение верности.

Винтер сузила глаза.

— Что это значит?

— Не строй из себя невинность, Винтер, — укорила Линда. — Теперь ты знаешь правду.

Винтер осторожно повернулась, чтобы поставить чашку с кофе на стол. Она не то чтобы боялась, что может выплеснуть обжигающую жидкость в ухмыляющееся лицо Линды. По крайней мере, она так не думала. Винтер всегда считала себя пацифисткой, не способной причинить вреда другому человеку. Но не хотелось поддаваться искушению.

Она понятия не имела, почему позволила Линде Бейкер трепать ей нервы, но сейчас Винтер казалось, что от ее головы идет пар.

Медленно она обернулась.

— Вы говорите о моей матери?

Линда поджала губы, демонстрируя свое нежелание говорить плохо о мертвых.

— Нам больше не нужно притворяться, что она была святой, — наконец заявила она ледяным тоном. — Лорел завидовала преданности твоего отца своей работе и тому, как много времени он тратил на нее. Если бы она любила его, она бы сделала все возможное, чтобы поддержать его карьеру.

В голосе Линды звучала неприязнь, когда она упоминала имя Лорел. Очевидно, она

испытывала глубокую обиду, даже спустя столько времени.

— Почему вы одержимы женщиной, которая умерла двадцать пять лет назад? — прямо спросила Винтер. Неожиданный румянец залил Линды, и Винтер внезапно озарился понимание. — Это потому, что мой отец все еще ее любит?

Линда вздрогнула, показав, что Винтер задела за живое. Но она быстро пришла в себя и послала Винтер ядовитый взгляд.

— Он был околдован ею, не более того. В конце концов, они бы развелись.

Эти слова, несомненно, призваны ранить Винтер. Но вместо этого они лишь подтвердили ее уверенность в том, что Линда все еще отчаянно ревнует к Лорел Мур.

— И вы бы стали следующей миссис Мур?

В глазах секретарши вспыхнули темные эмоции.

— Да.

Винтер постаралась не думать об этой ужасающей возможности. Она понятия не имела, сохранились ли у ее отца чувства к умершей жене. И вообще любил ли он ее когда-нибудь. Но она точно знала, что, если бы он хотел, чтобы Линда Бейкер перестала быть только секретаршей, он давно мог бы что-нибудь предпринять.

— Мой отец уже много лет вдовец. Почему он не попросил вас выйти за него замуж?

Лицо Линды побледнело от прямого удара, в ее глазах полыхнула ярость.

— Не вмешивайся в дела, которые тебя не касаются.

— Он мой отец. Все, что связано с ним, касается меня.

Жесткая, странная улыбка исказила губы Линды, когда она впихивала цветы в руку Винтер.

— Отдай это своему дедушке. Мне нужно вернуться в офис.

Она выскочила из комнаты ожидания, оставив за собой облако тяжелых духов и разочарованной ярости. Пробормотав проклятие, Винтер по-детски швырнула цветы в ближайший мусорный бак. За все годы она не раз пересекалась с Линдой Бейкер, но обычно им удавалось оставаться вежливыми. Сейчас она молилась, чтобы ей никогда больше не пришлось видеть эту особу.

Она смотрела на искореженные цветы, когда кто-то громко прочистил горло позади нее. Задохнувшись от шока, Винтер обернулась и увидела Тоню Нокс, стоящую всего в нескольких футах от нее.

Вот тебе и бдительность, — горько укорила она себя за рассеянность.

— Привет, Тоня, — вздохнула Винтер, чувствуя, как румянец окрашивает ее щеки.

— Все в порядке? — Тоня подошла ближе. Она была одета в черный свитер и штаны для йоги, к наряду прилагались массивные серебряные украшения. Волосы она заколола, а глаза подвела черной подводкой. В маленькой провинциальной больнице Тоня выглядела совершенно неуместно, но при виде ее Винтер почувствовала прилив облегчения. Ей не помешала бы подруга. — Ты выглядишь расстроенной, — пробормотала Тоня, выражая озабоченность. — Это из-за твоего дедушки?

— Нет, он все еще в критическом состоянии, но врачи говорят, что состояние стабильное.

— Хорошо. — Тоня посмотрела в сторону мусорного бака, наполненного цветами. — Тогда я полагаю, что это из-за Линды Бейкер у тебя такой вид, будто ты хочешь ударить что-то? Или кого-то? Я видела, как она уходила, как пришла.

Винтер вздохнула, чувствуя укол сожаления о неприятной встрече с секретаршей отца.

— Прости. Обычно мне все нравится, но эта дамочка почему-то меня бесит, — пробормотала она.

— Не извиняйся. — Тоня фыркнула. — В отличие от тебя, меня все бесят. Особенно заносчивые стервы вроде Линды Бейкер.

Винтер попыталась отмахнуться от своего мрачного настроения. У нее и без того хватало забот, не стоит добавлять к ним одержимость Линды Бейкер ее отцом.

— Ты пришла к бабушке? — спросила она свою подругу. — Боюсь, они пускают только родственников.

— Нет, я искала тебя.

— О. Тебе что-то нужно?

Тоня потянулась к кожаной сумочке, которую она повесила поперек тела.

— Я хотела отдать тебе это.

Вытянув руку, она протянула серебряный ключ. Винтер обхватила ключ пальцами и растерянно посмотрела на Тонию.

— Я должна что-то сделать с ним?

— Он подходит к новой двери, что тебе установили.

— Ох. — Винтер покачала головой, чувствуя себя идиоткой. — Я совсем забыла об этом.

— Я так и подумала. Джереми с лесопилки оставил ключ в почтовом ящике, когда закончил работу, но мне показалось неудобным оставлять его там. — Тоня помрачнела. — Не после того, как кто-то только что вломился в дом. Кроме того... — Тоня прикусила губу, досадуя на себя. Неужели она сказала больше, чем собиралась? — Неважно.

Винтер засунула ключ в передний карман джинсов.

— Что?

Тоня покачала головой.

— Я не хочу беспокоить тебя по пустякам. Ты должна думать о своем бабушке.

Винтер криво улыбнулась. Она должна позволить подруге хранить свои секреты. Разве не она только что говорила себе, что у нее достаточно поводов для беспокойства? Но незнание еще хуже. Ее воображение могло придумать всякие ужасные вещи.

— Теперь ты должна мне рассказать, — настаивала она.

Тоня скривилась, но, изучив упрямое выражение лица Винтер, смирилась с поражением.

— Офицер Симпсон зашел спросить, нет ли у меня камер наблюдения на пустом участке между нашими зданиями.

Винтер резко вдохнула. Ей и в голову не приходило, что у ее соседки может быть видеозапись человека, который вломился в ее квартиру.

— И что же?

— Нет. — Тоня уничтожила кратковременную вспышку надежды Винтер. — Но вчера вечером я работала допоздна и услышала, как на стоянку заезжает машина.

— О. Ты видела, кто это был?

— Лучше. — Тоня снова полезла в сумку. На этот раз она достала свой мобильный телефон. — Я сделала снимок. — Встав рядом с Винтер, она повернула экран так, чтобы Винтер могла видеть изображение. — Вот.

Фотография получилась темной и нечеткой, но Винтер смогла разглядеть боковую часть ресторана, а затем автомобиль, стоявший у заднего угла.

— Это пикап. — Она наклонилась ближе, как будто это могло помочь ей разглядеть автомобиль в темноте. — Ты разглядела, кто за рулем?

— Нет. Грузовик остановился рядом с твоим домом и начал парковаться. — Тоня издала звук отвращения. — Следовало позвонить девять-один-один, но я вышла, чтобы сделать снимок, и тут он уехал. Наверное, я их спугнула.

Винтер не винила свою подругу. Нельзя вызывать полицию только потому, что грузовик заехал на пустую стоянку.

— В котором часу?

Тоня перевернула телефон так, чтобы коснуться экрана.

— Двадцать два тридцать восемь.

Винтер обдумывала возможные варианты. Бесплезно делать поспешные выводы.

— Полагаю, они могли приехать, чтобы выпить или заняться другими делами поздним вечером. Обычно в это время там довольно тихо. Невозможно знать наверняка.

— Когда машина отъезжала, я сняла вот это. — Тоня провела пальцем по экрану, открывая новое изображение. Затем, увеличив фотографию пальцами, она повернула телефон к Винтер.

На секунду Винтер не поняла, что она должна увидеть. Похоже, это тот же самый грузовик, только увеличенный, когда он выезжал с парковки. Только когда уже собиралась передать телефон подруге, она заметила наклейку на боку грузовика.

— Дрейк, — вздохнула она в недоумении.

— Ты узнала владельца грузовика?

— Дрейк Шелтон. — Винтер сунула телефон обратно в руку Тоне, ее мысли разбегались. Почему Дрейк оказался в Ларкине? И почему он появился у ее дома? Что еще важнее, вернулся ли он в Пайк, чтобы убить свою жену? — Тебе нужно отвезти это в полицейский участок.

— Почему? — Тоня опустила телефон в сумку, изучая Винтер любопытным взглядом. — Это он вломился в твою квартиру?

Винтер вздрогнула. Ужасно представить, что Дрейк проследил за ней до Ларкина, а затем пробрался в ее личное пространство, чтобы оставить свое предупреждение. Но она еще раз напомнила себе, что не стоит делать поспешных выводов. Не сейчас, когда у них нет ничего, кроме нечеткой фотографии, сделанной в другую ночь.

— Я не уверена, но его жену убили прошлой ночью.

Тоня задыхнулась, заметно потрясенная откровением Винтер.

— Я не слышала об этом.

Винтер подняла руку, мгновенно пожалев о своем прямолинейном ответе.

— Это произошло не здесь. Она погибла в Пайке.

— О. — Тоня облегченно выдохнула. — Это сделал парень в грузовике?

— Никто точно не знает, но его ищут.

— Хорошо. Я заеду в участок на обратном пути в магазин. Думаю, они смогут загрузить фотографию с моего телефона. — Кивнув, Тоня направилась к двери комнаты ожидания. — Береги себя.

Винтер смотрела, как она уходит, затем, пробормотав проклятие, поспешила за подругой.

— Постой, Тоня.

Остановившись у входа в комнату, Тоня повернулась, бросив на Винтер нетерпеливый

взгляд.

— Это не подождет? У меня через час урок гончарного мастерства, а мне еще нужно привести себя в порядок.

— Всего на секунду, — заверила ее Винтер.

— Хорошо. В чем дело?

Винтер не придумала никакого тонкого способа выяснить нужную ей информацию. Не тогда, когда ее нервы взвинчены, а разум помутился от бесконечных потрясений, которые одолевали ее день за днем. Поэтому она просто перешла к сути вопроса.

— Почему ты никогда не упоминала что моя мама оставила тебе наследство по завещанию?

Тоня замерла, выражение ее лица стало невозможно прочитать.

— Я просто полагала, что ты знаешь. Это не секрет, — наконец сказала она.

— Ты знала ее?

Тоня кивнула, ее глаза смягчились.

— Она работала волонтером в художественном лагере каждое лето. Я ходила на все занятия, которые она там вела. У нее был удивительный талант.

Ледяной страх, охвативший Винтер после того, как она увидела грузовик Дрейка Шелтона, припаркованный рядом с ее домом, позабылся, когда она представила себе красоту маминых работ.

Это наследие, которое будет радовать Винтер всегда.

— Да, это так, — согласилась она мягко.

— Когда твоя мама поняла, что я серьезно занимаюсь гончарным искусством, она начала давать мне частные уроки, — продолжала Тоня, смаргивая внезапно выступившие слезы. — Тогда-то я и сказала ей, что надеюсь получить степень в области искусства. Но родители настояли, чтобы я осталась здесь и занялась сувенирным магазином. Она обещала, что у меня будут деньги на стипендию, необходимую для поступления в колледж, если я захочу этим заниматься. Я действительно никогда не думала об этом. Пока она не умерла.

Винтер вздохнула. Копаться в воспоминаниях о Лорел Мур все равно что сдирать струп со старой раны. Болезненно, неприятно и, вероятно, необходимо, чтобы душа Винтер когда-нибудь исцелилась.

— Ты использовал деньги на художественную школу? — спросила она подругу.

— Часть. Остальное я сэкономила, чтобы открыть собственную студию. — Губы Тони искривились в невеселой улыбке. — Я никак не ожидала, что эта студия будет в Ларкине. — Между ними воцарилась тишина, когда они погрузились во взаимное чувство скорби о потере женщины, которая коснулась жизни их обеих. Затем Тоня стряхнула с себя печаль. — Это проблема? Если тебе нужны деньги...

— Нет, нет. Ничего подобного, — быстро заверила Винтер.

— Твоя мать... — Тоня остановилась, как будто ей требовалось собраться с мыслями. Она глубоко вдохнула, расправила плечи и посмотрела на Винтер. — Она спасла меня. Я росла озлобленным ребенком, который никогда не вписывался в это место. Искусство дало мне выход, который помог сосредоточиться на чем-то позитивном. — Ее руки сжались по бокам, показывая глубокие, тлеющие эмоции. — И даже сейчас студия — это мое место дзен. Она нужна мне, как большинству людей нужен воздух, чтобы выжить. — Натянутая улыбка тронула ее губы. — Лорел подарила мне это.

Винтер потянулась, чтобы слегка коснуться руки Тони. Ее мама могла разрушить жизнь,

но по крайней мере одну она спасла.

— Я рада.

Тоня отступила назад.

— Я поговорю с тобой позже.

— О. — Винтер поразило внезапное воспоминание. — Еще кое-что.

— Что?

— Почему ты вчера появилась на ферме Сандера? — поинтересовалась Винтер, прежде чем Тоня успела уйти.

Тоня нахмурилась.

— Я не была... о, подожди. — Она щелкнула пальцами. — Я искала тебя.

— Зачем?

Тоня пожала плечами.

— Просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке. А сейчас мне действительно нужно бежать.

— Спасибо, что принесла ключ.

— Без проблем.

Энергично двигаясь, Тоня поспешила по коридору, с напряженной спиной и высоко поднятой головой. Винтер потянулась в карман, с ужасом вспомнив, что у нее нет телефона.

Ей действительно нужно с кем-то поговорить.

Нет... не просто с кем-то.

С кем-то конкретным.

С Ноа.

Глава 17

Ноа сложил последний мешок удобрений на деревянные салазки в конце теплицы. Приехав в фермерский кооператив, он с облегчением обнаружил, что ему не придется разгребать грузовик с дерьмом, но не мог отрицать, что к тому времени, когда закончил упаковку и распаковку тяжелых мешков, поясница начала побаливать.

Как справлялась миниатюрная Винтер? Мешки весили столько же, сколько и она.

Покачав головой от удивления, Ноа закрыл теплицу и забрался в грузовик. Утренние дела заняли больше времени, чем ожидалось, и теперь ему не терпелось попасть в больницу. Не только из желания убедиться, что с Винтер все в порядке, но и просто чтобы побыть вместе с ней.

Не в первый раз он стремился разделить обед со своей подругой. Не раз он перекраивал свое расписание, чтобы зайти в «Винтер Гарден», когда знал, что толпа поредеет, и она могла присоединиться к нему на несколько минут. Ему никогда не приходило в голову, что это не просто отдых после напряженного утра.

Или, по крайней мере, он никогда не допускал мысли, что это может быть чем-то большим.

Поднимаясь по склону холма, Ноа проехал мимо тихого фермерского дома. Он ненадолго задумался о том, чтобы остановиться и пройтись по окрестностям. Ему хотелось знать, где нужно стоять, чтобы заглянуть на кухню и увидеть стойку, на которой Винтер оставила свой телефон. В конце концов, он поехал дальше, чтобы свернуть на усыпанную гравием дорогу, которая приведет его обратно в город.

После того как Сандера ранили, вокруг дома прогуливалось более двадцати человек. Одни во дворе, другие на крыльце. Он не сомневался, что несколько человек зашли внутрь,

чтобы сходить в туалет или попить. Невозможно точно определить, кто мог схватить телефон.

Двигаясь достаточно медленно, чтобы уклоняться от тракторов, которые переезжали с одного поля на другое, Ноа позволил своим мыслям вернуться к разговору с Джейм Уилером. Выяснить удалось не так много. Он уже знал, что отношения Лорел с мужем и свекром складывались непросто, хотя Джей намекнул, что в реакции Эдгара на жену кроется нечто большее, чем разочарование.

Отчаяние...

Ноа встряхнул головой, пытаясь отогнать подозрения. Не получилось.

Эдгар выглядел типичным мягкотелым профессором, но он все же мужчина. То, что его жена открыто заводила одного любовника за другим, не говоря уже о том, что подвергала его финансовому риску своими экстравагантными тратами, несомненно, приводило его в ярость. Добавьте к этому его разочарование от ее отказа становиться женой, о которой он, несомненно, мечтал.

Ноа уже начал задаваться вопросом, где находился Эдгар Мур, когда убили его жену, когда услышал позади себя звук автомобиля. Взглянув в зеркало заднего вида, он увидел грузовик, мчавшийся по холму на бешеной скорости, разбрасывая за собой гравий.

— Идиот, — пробормотал он, замедляя ход, чтобы прижаться к обочине узкой дороги.

Есть люди, которые не заботятся о безопасности. Ни своей, ни чужой. Если грузовик окажется в кювете, Ноа плевать, но он не собирался присоединиться к этому придурку.

Ноа продолжал давить на тормоза, когда грузовик объехал его. Бормоча проклятия, подождал, пока псих проедет, и только потом понял, что машина остановилась. Повернув голову, он увидел смутные очертания человека на водительском сиденье, но из-за положения солнца невозможно определить больше, чем то, что на нем бейсбольная кепка и толстое пальто с поднятым воротником.

Подумав, не заблудился ли водитель, Ноа начал опускать стекло. В этот момент ему бросилась в глаза табличка на боку грузовика.

Дерьмо.

Дрейк Шелтон. Ноа дернулся назад как раз вовремя, чтобы увидеть, как водитель поднял дробовик и направил дуло в его сторону.

Последней мыслью Ноа, когда он пытался уклониться от выстрела, были сожаления о том, что так и не признался Винтер в своих чувствах. Разочарование, охватившее его, подействовало так же разрушительно, как и пули, которые врезались в окно, разбив его на тысячу болезненных снарядов.

***

Винтер ходила из одного конца комнаты ожидания в другой. Где же Ноа? Он сказал, что пригласит на обед, и, в отличие от большинства мужчин в ее жизни, всегда выполнял свои обещания.

Что-то случилось? Он все еще пытается разыскать отца Оливера? Или произошла какая-то заминка с ее заказом на удобрения? Она не могла позвонить без мобильного телефона. Да и обещала, что не покинет больницу без него.

Винтер вернулась к кофеварке, когда услышала позади себя шаги.

— Ноа? — Обернувшись, она с замиранием сердца увидела высокую темноволосую женщину в безупречно накрахмаленной униформе. — О, Шелли. — Винтер изо всех сил старалась скрыть свое разочарование. — Я ждала Ноа.

Шелли остановилась возле двери.

— Он здесь.

— Здесь? — Винтер посмотрела поверх ее плеча, ожидая увидеть Ноа в коридоре. — Где?

— Ему накладывают швы в приемном покое.

— Что? — Винтер моргнула, потратив секунду на то, чтобы понять, что говорит Шелли. Затем быстро пересекла комнату, ее сердце гулко стучало в груди. — Что случилось?

Шелли сделала шаг в сторону, загоразивая дверь, так что у Винтер не осталось выбора кроме как остановиться или сбить ее с ног.

— Он в порядке. Только несколько царапин и синяков, — заверила ее собеседница. — Ноа бы не позволил врачам очистить и заклеить их, если бы я не настояла.

Винтер нахмурилась. Неужели Шелли находилась с Ноа, когда он получил травму? Или ее вызвали на аварию?

— Он попал в аварию?

— Нет. — Шелли оглядела комнату ожидания, словно убеждаясь, что она пуста. Наконец она вернула свое внимание к Винтер. — Он выезжал с фермы твоего деда, когда рядом с ним остановился грузовик, и кто-то попытался выстрелить в него.

— Ты... — Горло Винтер сжалось, когда в ее сознании пронесся образ Ноа, лежащего на земле с кровью, льющейся из огнестрельного ранения. — Ты серьезно?

— Да.

— Боже мой! — Винтер отшатнулась назад и рухнула на край ближайшего стула. Колени внезапно отказались держать ее вес. — Его ранили?

— Нет. Но несколько осколков попали в него, когда разбилось лобовое стекло.

Взрыв облегчения от того, что Ноа не получил серьезных ранений, сменился ужасом от того, что кто-то вообще стрелял в него.

— Кто-то пытался убить Ноа? — Винтер произнесла эти слова вслух, пытаясь осознать их реальность. — Почему?

Шелли подняла руку, как бы предупреждая Винтер не делать поспешных выводов.

— Это как один из вариантов.

— Полагаешь несчастный случай?

Шелли покачала головой на это нелепое предположение.

— Я думаю, он вел твой грузовик, когда кто-то выстрелил в него.

Винтер потребовалась секунда, чтобы разобраться в своих сумбурных мыслях. Конечно. Ноа оставил свой джип на парковке и взял ее грузовик, чтобы забрать удобрения и отвезти их на ферму ее дедушки. Любой, кто увидел бы его за рулем на изолированной дороге, естественно, решил бы, что это она.

Ее губы онемели, и она с трудом выговаривала слова.

— Убить хотели меня.

Шелли подвинулась и встала прямо перед ней. Она боялась, что Винтер может потерять сознание? Это не исключено. Винтер чувствовала себя как мешок для битья для бойца-тяжеловеса. Один удар за другим, пока у нее не закружится голова.

— Повторяю. Это просто возможность, — пробормотала Шелли.

Винтер облизала губы. Почему они такие сухие?

— Ноа видел, кто нажал на курок?

— Не более чем очертания тени.

— Черт.

— Однако он узнал грузовик.

Винтер вздрогнула. За последние несколько дней им так не везло, что казалось невозможным, что сейчас улыбнется удача.

— Кому он принадлежит?

— Дрейку Шелтону.

— Дрейку. — Винтер сделала паузу, обдумывая информацию. Она не испытала шока или даже удивления. Не после убийства его жены. Но она растерялась. — О. — Она тут же вспомнила свой предыдущий разговор с Тоней. — Он приезжал к моему дому вчера вечером. Фотографии у Тони Нокс.

— Да. Она принесла их в участок.

— У вас есть ориентировка или что там копы используют для поиска людей?

— Мы ищем. — Челюсть Шелли сжалась, показывая, что она не так спокойна, хладнокровна и сдержанна, как притворялась. Она явно чувствовала давление от того, что в ее городе на свободе находится потенциальный убийца. К тому же, она очень долго дружила с Ноа. Шелли, несомненно, приняла близко к сердцу то, что его чуть не убили. — Если он все еще в этом районе, мы его найдем.

Винтер кивнула. Она верила, что Шелли сделает все возможное, чтобы выследить безумца, но в сельской местности есть тысяча мест, где он может спрятаться.

Ее пронзила дрожь.

— Почему Дрейк хочет моей смерти?

— У меня есть теория.

Знакомый мужской голос раздался из дверного проема, и Винтер, задохнувшись, вскочила на ноги. Через секунду она уже мчалась к Ноа, чтобы заключить его в объятия и осторожно положить голову ему на грудь. Долгое мгновение она просто держала его, слушая ровный стук сердца под своим ухом.

Уверившись, что Ноа жив и здоров, она откинула голову назад, и ее глаза расширились при виде порезов на его щеке, виске и одного, который прорезал бровь в опасной близости от глаза. Это рассечение фиксировалось пластырем-бабочкой, а вокруг него образовался уродливый синяк.

— Твое бедное лицо, — вздохнула она.

— Это всего лишь несколько царапин, — заверил Ноа, успокаивающе поглаживая ее по спине. — Я думаю, они придают мне дерзкий вид. Как у пирата.

Если бы Винтер так сильно не расстроилась, то, возможно, согласилась бы с тем, что Ноа выглядит эффектно. Его волосы были взъерошены, а на щеках красовалась щетина, которую он так и не удосужился сбрить утром. В сочетании с царапинами он выглядел как кинозвезда из боевика.

Однако сейчас ее больше занимало то обстоятельство, что Ноа оказался практически на волосок от смерти.

— Мне так жаль, — пробормотала она, протягивая руку, чтобы слегка коснуться одного из порезов.

— Почему ты должна сожалеть?

Боль, смешанная с большим количеством огорчения, захлестнула Винтер.

— Это все моя вина.

Ноа нежно поцеловал ее в лоб.

— Ты ни в чем не виновата.

— Но...

— Он прав. — Шелли вмешалась в их разговор, переместившись, чтобы встать рядом с Ноа. — Винить себя — пустая трата энергии. Мы должны сосредоточиться на поиске Дрейка Шелтона или того, кто стрелял в твой грузовик.

Винтер кивнула. Она не обиделась на резкие слова Шелли. Та говорила правильно. Жалость к себе ничего не решала.

Винтер перевела взгляд на глубокую рану на брови Ноа.

— Ты уверен, что с тобой все хорошо?

— Я в порядке. — Его губы искривились в мрачной улыбке. — Лучше, чем твой грузовик.

— Меня он не волнует. — Она заглянула глубоко в его глаза. — Только ты.

— Винтер.

Их снова прервала Шелли, громко прочистив горло.

— Ты сказал, что у тебя есть теория?

Ноа кивнул, неохотно отходя от Винтер. Как будто ему сложно собраться с мыслями, когда она рядом. Винтер ему сочувствовала. Она не знала, то ли это шок от того, что она чуть не потеряла его, то ли просто прошедшая неделя, когда они проводили вместе день за днем, но ей вдруг остро захотелось, уединиться с Ноа. И раздеть...

— Ты говорила, что Дрейка видели на стоянке рядом с «Винтер Гарден», верно? — Ноа смотрел прямо на Шелли, но на его щеках появился легкий румянец. Как будто он почувствовал порочные мысли Винтер.

Шелли подняла руку.

— Его грузовик стоял там. Фотография недостаточно четкая, чтобы опознать водителя.

— Понятно, — пробормотал Ноа. — Если это на самом деле Дрейк, зачем ему ехать в Ларкин через двадцать пять лет? Значит, мы что-то такое ему сказали, когда заезжали, что спровоцировало его приехать за Винтер. — Его взгляд переместился на Винтер. — Либо у нас что-то было.

— Что именно? — Винтер мысленно вернулась к их короткому разговору с Дрейком. Она живо представила, как Дрейк тянется к ней, его лицо искажено яростью. — Письма.

— Они могли содержать информацию, которую он не хочет, чтобы кто-то видел.

Винтер вздрогнула.

— Они попросту... отвратительны.

Шелли посмотрела на нее изучающим взглядом.

— Ты прочитала их все?

— Нет. Я только пролистала парочку. — Винтер издала звук отчаяния. Мысль о письмах все еще ощущалась как соль на открытой ране. — Что бы он мог написать в любовном письме такого, за что стоило бы кого-то убить?

— Он мог признаться в жестокой ревности, — сказал Ноа. — Может быть, он угрожал твоей матери, если она посмеет прекратить их отношения.

Винтер обдумала его слова. Письма, которые она прочитала, содержали обычные откровенные вещи, которые, по мнению мужчин, нравятся женщинам, но в их тоне прослеживался намек на одержимость. Как будто Дрейк хотел завладеть ее мамой. И он явно помнил точную дату ее смерти даже спустя двадцать пять лет. Слишком странно для случайного любовника. И он заметно расстроился, когда увидел письма в ее руках...

— В письмах может быть что-то, что уличает его в убийстве моей мамы, — пробормотала она.

— Где они сейчас? — спросила Шелли.

— В квартире. — Винтер сморщила нос. В ее мире царил хаос, а это означало, что она ни в чем не может быть уверена. — Или, по крайней мере, именно там я их оставила.

— Что, если Дрейк вломился в дом и оставил предупреждающую записку? — сказал Ноа, его голос прозвучал резко, как будто эта мысль только что пришла ему в голову.

— Почему бы тогда не забрать письма? — поинтересовалась Шелли.

— Олли, наверное, помешал ему, — решила Винтер, вспомнив, как ее друг настаивал на том, что видел кого-то, выходящего из здания после того, как он заехал на стоянку. Если Дрейк увидел фургон Олли, он мог сбежать, пока его не поймали.

Шелли кивнула.

— Письма все еще там?

— Да. — Голос Винтер был твердым. Сейчас она мало в чем могла быть уверена, но в этом она не сомневалась. — Я помню, что видела их, когда проверяла квартиру после взлома на предмет пропавших вещей.

— Так что, возможно, Дрейк пытался вернуться и забрать их, — продолжил Ноа свою мысль. — Только на этот раз его увидела соседка Винтер.

— Так зачем же стрелять в Винтер сегодня? Если предположить, что Дрейк считал, что именно она управляла грузовиком.

— Отчаяние, — быстро ответил Ноа. — Он думал, что его жизнь пошла под откос, поэтому убил свою жену, а потом вернулся, чтобы избавиться от Винтер. Может быть, он верит, что сможет начать все с чистого листа. — Ноа пожал плечами. — А может, он вообще не думает. Любого человека можно довести до крайности.

— Хм. — Шелли смотрела скептически.

— Да. — Ноа тяжело вздохнул. — В моей голове это выглядело более убедительно. Теперь больше похоже на безумную фантазию.

На минуту все замолчали, пытаюсь представить, что Дрейк делал в Ларкине и зачем ему понадобилось стрелять в Винтер. В конце концов, не нашлось ничего более логичного, чем дикая теория Ноа.

— Может, нам стоит повнимательнее посмотреть на эти письма, — предложила Винтер.

— Позволь мне, — настойчиво предложила Шелли. — У нас есть люди, обученные находить подсказки, которые большинство людей пропустит.

Винтер не стала спорить. Она понятия не имела, что может быть подсказкой, а что нет. Вместо этого она полезла в карман и сняла с кольца ключ.

— Вот. Это ключ от новой двери. Письма лежат на комод в моей спальне.

Шелли взяла ключ и посмотрела на Ноа.

— Мне все еще нужно официальное заявление.

— Позже. — Винтер подвинулась, чтобы обхватить Ноа за талию. — Сейчас я отвезу его домой.

Ноа посмотрел на нее сверху вниз, выражение его лица смягчилось от эмоций, которые растопили ее сердце.

— Ты слышала босса, — пробормотал он.

— Позаботься о нем, — велела Шелли, направляясь к выходу.

Винтер улыбнулась.

— Да, именно этим я и займусь.

Глава 18

Ноа изо всех сил старался не хромать, когда они выходили из больницы и пересекали парковку. Винтер и так переживала безмерно. Он не хотел, чтобы она беспокоилась о нем. Даже если бы он страдал от боли с головы до ног, а его лицо горело от антисептика, на котором настоял врач.

Винтер открыла водительскую дверь и села за руль.

— Я сам могу вести, — запротестовал он.

Она поцеловала его.

— Теперь моя очередь заботиться о тебе.

Ноа испытал радостное предвкушение. Как будто он подросток, собирающийся на первое свидание, а не взрослый мужчина. Странное и удивительное ощущение.

— Мне нравится, как это звучит, — пробормотал он, огибая джип и забираясь на пассажирское сиденье.

Заведя двигатель, Винтер выехала с парковки, ее лицо оставалось напряженным.

— Мне невыносимо думать, что ты мог...

— Я здесь. — Он положил руку ей на бедро, наслаждаясь теплом, которое чувствовал через джинсы. До этого момента Ноа даже не осознавал, насколько замерз. Сочетание близкого к смерти опыта и холодного воздуха в отделении неотложной помощи явно не пошло на пользу. — И я никуда не денусь.

По дороге к его коттеджу они молчали, оба погрузились в свои мысли. Ноа не возражал. Ему требовалось несколько минут, чтобы успокоить свои расшатанные нервы.

После того как ему чуть не снесли голову выстрелом из дробовика, у него хватило ума набрать 911. Он хотел, чтобы копы выследили Дрейка Шелтона, прежде чем тот сможет сбежать. Но потом приехала Шелли и настояла на том, чтобы он обратился в травмпункт, прежде чем позволить ему присоединиться к Винтер. Она утверждала, что кровь, капающая с его лица, напугает любого, кто его увидит.

Теперь ему нужно время, чтобы прийти в себя.

Словно прочитав его мысли, Винтер припарковала джип в гараже, а затем, отогнав свору гончих, повела его в дом.

— Я приготовлю тебе горячую ванну, — заявила она.

Ноа вздохнул, его ушибленные мышцы кричали о необходимости расслабиться.

— Да. Горячая ванна звучит потрясающе.

Вместе они прошли по узкому коридору и через его спальню в ванную комнату. Окинув взглядом большое помещение, рассчитанное на спа-салон, а не на простой домик в лесу, Винтер изумленно ахнула. Стены были выкрашены в теплый абрикосовый оттенок, а окно выходило на озеро в глубине комнаты. Здесь стояла двойная раковина и душевая кабина. А в самом центре комнаты в мраморный кафельный пол была встроена гидромассажная ванна.

Она позволяла разместиться в ней четверым и была достаточно глубокой, чтобы вода доходила Ноа до подбородка, когда он растягивался. Человеку, который часто преодолевал до десяти миль в день, плюс помогал откапывать застрявшие в снегу машины или преследовал браконьеров, нужно как-то расслабиться. Это идеальный вариант.

С загадочной улыбкой на губах Винтер наклонилась, чтобы включить кран и дать воде наполнить ванну. Затем, выпрямившись, она повернулась к нему лицом.

— Тебе помочь раздеться?

Ноа колебался. Он хотел ее помощи. Отчаянно. Но ему непременно хотелось смыть с себя то, что случилось за день до того, как он прикоснется к ней. Не только кровь, просочившуюся под рубашку, или грязь с утра, проведенного за разгрузкой мешков с удобрениями. Но и ощущение зла, которое прилипло к нему после шокирующего нападения.

— Думаю, я справлюсь, — пробормотал он.

— Я приготовлю нам обед.

Винтер вышла из комнаты, и с тихими стонами Ноа удалось выпутаться из одежды. Бросив ее в корзину для белья в углу, он спустился по неглубоким ступенькам в ванну. Из его горла вырвался еще один стон, уже облегчения, когда он погрузился в горячую воду, которая окутала его напряженное тело.

Позволив ванне наполниться до краев, Ноа вытянулся и прислонил голову к полотенцу, положенному на бортик. Глаза сами собой закрылись, когда он погрузился в дымящуюся воду. Ах... рай.

Он не знал, сколько времени прошло, когда услышал шаги вернувшейся Винтер. Не более десяти минут или около того, поскольку вода оставалась теплой. Когда он открыл глаза, с его губ сорвался шокированный вздох, когда Ноа увидел свою гостью.

Ее толстовка и джинсы исчезли, и вместо них на ней остался хлипкий халат, который скорее подчеркивал ее стройные изгибы, чем скрывал их. Ее волосы были заплетены в тугую косу, хотя несколько прядей выбились из нее и развевались вокруг покрасневшего лица.

— Я думал, ты готовишь обед? — пробормотал он. Глупость. Но ее неожиданное появление отключило его мозг.

— Я готовлю. — Улыбаясь, она развязала пояс на талии и позволила халату упасть на пол.

Ноа застонал, его сердце забыло, как биться, когда он позволил своему взгляду скользнуть по ее обнаженному телу. Господи, она просто совершенство. Винтер была стройной, но не худой. Четко очерченные мышцы от часов, проведенных в теплицах, и упругая грация от занятий йогой. Грудь небольшая, мягкая и восхитительно соблазнительная. Его рот занял от желания попробовать.

— Как ты узнала, чего именно я хочу? — прорычал он.

Она придвинулась к краю ванны.

— Везение.

Желание пронзило Ноа.

— Это мне повезло.

Винтер посмотрела на него сверху вниз, задержавшись на жгучих царапинах на его лице.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Я в порядке больше, чем когда-либо за долгое время, — простодушно ответил он.

— Хорошо. — Она опустилась на колени рядом с ванной.

Он указал на пустое пространство рядом с собой.

— Здесь много места.

— Сначала я хочу поцеловать тебя и облегчить боль. — Она наклонилась вперед и провела губами по заклеенному порезу над его глазом.

— М-м-м. — Ноа положил шею на бортик ванны, наслаждаясь ее нежными ласками. Ее прикосновения легкие, как бабочка, но он напрягся от болезненного предвкушения.

— Лучше? — Ее губы переместились к царاپине на его щеке.

С усилием Ноа поборол желание затащить Винтер в ванну. Она начала это соблазнение, поэтому ей и задавать темп. Даже если это его убьет.

Поглаживая влажные пряди его волос, она прокладывала дорожку поцелуев к уголку его рта, а затем вниз по линии челюсти. Обжигающая страсть сжимала его мышцы и заставляла стискивать зубы. Медленно конечно хорошо и прекрасно, но так — мучительно.

— Я хочу немного поцелуев, — пожаловался он.

Подняв голову, Винтер улыбнулась, исполненная женской загадочности. Затем, потянувшись вниз, достала презерватив из кармана халата. Он не знал, где она его взяла, и сейчас ему все равно.

Наконец она перекинула ноги через край ванны и растянулась рядом с ним. Теплая вода плескалась вокруг них, а обнаженные тела терлись друг о друга, создавая восхитительное напряжение. Ноа глухо зарычал.

— Почему мы не сделали этого раньше? — пробормотала она, глядя его по плечу.

Он повернулся, крепко обнимая ее.

— У меня есть теория.

Винтер откинула голову назад, чтобы встретиться с его взглядом.

— Еще одна?

— Это хорошая, — пообещал Ноа, проводя пальцами по ее спине.

— Расскажи.

— Я думаю, мы оба давно знали, что нам суждено быть вместе.

Ее глаза потемнели, когда она перекинула ногу через его бедро, прижимаясь к его твердой эрекции.

— Потрясающе.

Горячая вспышка пронзила Ноа с безжалостной мощью. Как будто он пытался сдержать лесной пожар, который готов выйти из-под контроля.

— Это становится все более увлекательным, — пробормотал он.

Она намеренно терлась о его член, посылая волны желания по всему телу. Ноа вздохнул от удовольствия.

— Да, становится, — согласилась Винтер хриплым голосом. — Намного, намного увлекательнее.

Он изо всех сил старался думать. Это давалось ему гораздо труднее, чем следовало.

— На чем я остановился?

Она хихикнула, явно довольная тем, что ей удалось затуманить его мозги.

— Ты рассказывал, как мы всегда знали, что нам суждено быть вместе.

— Верно.

— Если мы знали, тогда почему не были вместе?

— Потому что нам нужно было вырасти.

— Ты определенно вырос. — Лежа лицом к лицу, перекинув ногу через его бедро, Винтер потерлась лодыжкой вверх и вниз по задней поверхности его бедра, позволяя кончику его члена скользить по телу. — Во всех нужных местах.

Ноа задохнулся, прослеживая пальцами плавный изгиб ее талии, пока не коснулся мягких округлостей ее груди.

— Как и ты.

Она крепче сжала пальцы в его волосах — небольшой укол боли показался странно

эротичным.

— Это твоя теория? — спросила Винтер, ее лицо покраснелось, а ореховые глаза светились золотыми искорками. — Нам нужно было повзрослеть?

— Да. Мы должны были нагуляться. — Опустив голову, Ноа обхватил губами кончик ее соска. Он услышал, как она застонала от удовольствия, и впила пальцами в его плечи.

— Я не думаю, что мне требовалось отрываться в молодости, — запротестовала она, ее голос звенел от желания.

— Мы должны были совершить свои ошибки. — Он перешел к другому соску, пробуя его кончиком языка, пока она не выгнулась дугой навстречу ему в невысказанной мольбе.

— У меня их достаточно.

Ноа провел пальцами по ее шее, пряча улыбку согласия. Винтер не часто ходила на свидания — она слишком погрузилась в создание своего бизнеса, — но парни, которых она выбирала, никогда не годились в мужья. Что, несомненно, и стало единственной причиной, по которой они никогда не угрожали ему.

— И понять, чего мы не хотим.

— И что хотели?

Ноа поднял голову, заставляя себя сосредоточиться на словах. Как бы ему ни хотелось погрузиться в блаженство бездумного желания, это важно. Он хотел, чтобы Винтер поняла, что это нечто большее, чем просто физическая близость. Ему нужно от нее гораздо больше, чем просто горячее тело.

— Да, чтобы понять, чего мы хотим, нам пришлось разобраться в себе. — Он посмотрел на нее, позволяя увидеть любовь, написанную на его лице. — А хотим мы друг друга.

Выражение ее лица смягчилось, тени исчезли из глаз, когда они смотрели друг на друга. Затем, неожиданным толчком, Винтер перевернула его на спину, чтобы устроиться на нем сверху.

Вода плескалась о бортики ванны, но Ноа почти не замечал этого. Винтер потянулась за презервативом. Сердце Ноа ударилось о ребра, когда она вскрыла упаковку и медленными, чувственными ласками надела презерватив на его напряженный член. Он попытался заговорить, но у него вырвался лишь задушенный звук блаженства.

Ему отчаянно хотелось оказаться внутри нее, но он ни за что на свете не собирался жаловаться на то, что ее пальцы ласкают его член. Вверх и вниз, вверх и вниз. Быстрее и быстрее.

— Винтер, — выдохнул он. — Пожалуйста.

Самодовольная улыбка тронула ее губы.

— Значит ли это, что ты готов?

— Даже не представляешь, как.

— Звучит опасно.

Не сводя с него взгляда, Винтер раздвинула ноги и медленно опустилась на его член. Ноа стиснул зубы, когда она принимала его в себя, дюйм за дюймом, пока не вобрала полностью. Ощущение вызвало волны экстаза, пронзившие Ноа, и с его губ сорвался стон.

Долгое время они не двигались, оба привыкая к титаническому сдвигу в их отношениях. Черт возьми, титанические изменения в самом их существовании. Подняв глаза, он увидел уязвимость на ее прекрасном лице. И эта уязвимость отозвалась в нем самом.

Секс — это одно. Он наслаждался своими прошлыми любовницами. Но занятие любовью означало нечто совершенно иное. Это было необыкновенно страшно и

всепоглощающе.

Ноа на секунду задержал взгляд на Винтер, чтобы насладиться видом. Влажный ореол белокурых локонов, обрамляющий ее раскрасневшееся лицо, яркий блеск глаз, пухлые губы и розовеющая грудь.

Его переполняли невероятные эмоции.

Судьба...

Это слово преследовало его последние несколько дней. Теперь оно пронзило его душу.

Винтер была его судьбой.

Женщина, созданная для того, чтобы быть рядом с ним. Разделить с ним постель. И заполнить пустоту в его сердце после смерти родителей.

Ноа обхватил ее тело руками, подталкивая вниз. Он хотел почувствовать вкус ее губ, когда начал погружаться в ее сладкое тепло. Со стоном она нашла его рот в голодном поцелуе, встречая его толчок за толчком.

Пар окутывал их ароматным туманом, движения скользких тел сливались в едином ритме, их стоны смешивались, когда они стремились к судьбе вместе.

Глава 19

Дрейк Шелтон с трудом выходил из оцепенения. Опыт в этом у него имелся немалый. Не один уик-энд закончился тем, что он вырубился в углу бара. Большинство местных жителей в Пайке позволяли ему проспать. Некоторые даже подвозили его до дома. Именно поэтому он с самого начала знал, что дело не в пьяном загуле.

Как долго он пробыл в отключке? Казалось, что целую вечность.

Он смутно помнил, что очнулся достаточно давно, чтобы почувствовать, что лежит на твердом полу. Вроде цементной плиты в подвале. Его связали и заткнули рот, но его разум оставался слишком туманным, чтобы понять, что происходит. Прежде чем он смог прояснить свои мысли, почувствовал укол боли, и темнота нахлынула снова.

На этот раз, однако, не случилось ни укола, ни наркотиков, которые разливались по венам, чтобы вырубить его.

Дрейк с осторожностью перебирал разрозненные воспоминания.

Невозможно понять, сколько времени он потерял, но помнил, что находился на работе, когда получил сообщение от Винтер Мур. Она сказала, что изменила свое мнение, и если ему нужны письма, которые он написал ее маме, то может их получить. Все, что ему нужно для этого, — встретиться с ней в ее ресторане в Ларкине в 22:30.

Дрейк перечитал текст десятки раз. Это походило на обман, хотя он не мог представить, кто еще может знать об этих письмах. Ну, его жена. Но она слишком глупа, чтобы не просто плакать и дуться по поводу его одержимости Лорел Мур.

Тем не менее, он подстраховался и позвонил по номеру из сообщения. Глупо не проверить. Через несколько секунд он попал на голосовую почту Винтер. Это она. Он оставил сообщение, что встретится с ней в тот же вечер.

Ему нужны эти письма. Отчаянно. Они представляли собой единственную осязаемую связь с женщиной, которую он любил. Неважно, что Лорел отличалась непостоянством, эгоизмом и порой жестокостью. Она украдала его сердце, когда они были еще детьми, и так и не вернула его.

Грубовато, но правда.

И если быть до конца честным, он хотел снова увидеть Винтер. Не в каком-то странном, жутком смысле. Но с осознанием того, что она могла быть его дочерью.

Да, так все и было, понял Дрейк.

Как только он отпросился с работы, то принял душ и переоделся, а затем запрыгнул в свой грузовик, чтобы поехать в Ларкин. Он как раз заехал на парковку рядом с рестораном, где они должны были встретиться, когда получил еще одно сообщение. В нем значился новый адрес.

Дрейк вспомнил тревожное чувство. Особенно когда GPS привел его по задворкам к изолированной ферме.

Только яростное желание заполучить письма не позволило ему развернуться и поехать домой. Да еще уверенность что его жена, будь она проклята, будет ждать его возвращения. И станет смотреть на него с укором.

Припарковавшись возле темного дома, Дрейк осторожно вышел из машины. Чем быстрее у него будут письма, тем быстрее он сможет найти ближайший бар. Он как раз представлял, как холодный напиток проникает в его горло, когда боль пронзила его череп.

В этот момент туман поглотил его, и часы слились в одно длинное пятно.

Теперь он поднял тяжелые веки. Все еще темно. Но это уже была темнота ночи, а не закрытого подвала. И он больше не лежал на цементном полу. Он находился в машине.

Своей машине, с удивлением понял он.

С усилием Дрейк заставил свои отяжелевшие руки схватиться за руль. Что, черт возьми, происходит?

Повернув большую голову, он выглянул в боковое окно. Тот же самый дом. Тот самый, где он должен был встретиться с Винтер.

Как он вернулся сюда? Или он никогда не уходил?

Возможно ли, что он ударился головой, и все это было каким-то ужасным кошмаром? Неубедительное объяснение, но что еще могло случиться?

Ворча от усилий, необходимых для того, чтобы пошевелить застывшими мышцами, Дрейк наклонился вперед и протянул руку, чтобы коснуться замка зажигания. Да! Ключи все еще на месте. Он с трудом завел двигатель.

Задумавшись о том, как выбраться оттуда, Дрейк не заметил приближающуюся к грузовику тень, пока пассажирская дверь не открылась рывком, и кто-то не залез внутрь. Его вялый мозг все еще пытался осознать, что он больше не один, когда к его виску прижали металлический цилиндр.

Вероятно, благословение.

Он не успел почувствовать ужас, как раздался громкий щелчок курка, за которым последовала сокрушительная боль, пронзившая его мозг. Дрейк умер еще до того, как его голова ударилась о руль.

***

Незнакомец осмотрел грузовик, а затем труп, убедившись, что никаких улик после себя не оставил. По крайней мере никаких улик, кроме тех, которые должны найти полицейские. В движениях Незнакомца чувствовалась четкая организованность. Позже у него будет время насладиться хаосом места преступления. Сирены, крики, зеваки с шокированным выражением лица, которое не скрывало их непристойного возбуждения от брызг крови, мозгов, смерти...

Расширив круг поисков до территории вокруг грузовика, Незнакомец почувствовал самодовольное удовлетворение. Любой мог убить. Нужно быть настоящим художником, чтобы не попасться.

Двадцать пять лет назад Незнакомцу повезло. Теперь везения не требовалось. Только чистое мастерство, которое оттачивалось с каждой смертью.

Незнакомец ненадолго замешкался при воспоминании о раннем промахе. Во второй раз выстрел не попал в цель. Неприемлемо.

Но завтра будет новый день. Или, если воспользоваться другим клише, третья попытка оказалась удачной.

***

Винтер медленно открыла глаза, оглядывая комнату.

Она не удивилась, обнаружив, что находится в спальне Ноа. И что их обнаженные тела тесно прижаты друг к другу под легким одеялом. После того, как наконец-то выбрались из ванны, они отправились на кухню, чтобы пообедать. Оттуда они вернулись в спальню, оба желая продолжить страстное общение, которое разгорелось между ними.

Нет, проснуться в объятиях Ноа не стало сюрпризом, но удивило то, что она увидела отблеск света за занавесками, прикрывающими окна. Над горизонтом забрезжил рассвет.

Это означало, что она проспала всю ночь.

Чего никогда с ней не случалось.

Никогда, до сегодняшнего дня.

Она просыпалась в 23:11 с той ночи, когда погибла ее мама. Она просто предполагала, что это теперь вытравлено в ее ДНК.

Ощущение теплых губ, прижавшихся к ее нахмуренному лбу, вывело Винтер из мрачных мыслей, и, откинув голову назад, она встретила с ищущим взглядом Ноа.

— Ты выглядишь обеспокоенной, — пробормотал он, его голос звучал хрипло со сна. — Что-то случилось?

Она моргнула от нелепого вопроса.

— Тебе нужен список?

— Что-то не так между нами? — уточнил он.

Ах. Он боялся, что она может пожалеть о том, что их отношения перешли на новый уровень? Это казалось невозможным, учитывая, сколько раз она целовала его, чтобы утолить свой голод по его прикосновениям.

Конечно, Ноа как раз тот самый парень. Он всегда заботился о том, чтобы его партнерша оставалась счастливой. Это лишь одна из причин, по которой она его любила.

Ее сердце скакнуло и ударилось о ребра. Вот дерьмо. Неужели она только что позволила слову на букву «Л» сформироваться в ее голове? Она приготовилась к панике. Винтер никогда не позволяла себе эмоционально привязываться к своим любовникам. Какая-то ее часть считала, что она не способна на длительные отношения. Не после того, как в детстве пережила такой травматический опыт.

Но даже когда она ожидала, что ее желудок сожмется, а дыхание вырвется из легких, то ощутила лишь чувство покоя. Возможно, Ноа прав, молча признала Винтер. Может быть, она ни в кого не влюблялась, потому что всегда знала, что ей суждено быть с ним.

Она потянулась, чтобы запустить пальцы в его взъерошенные волосы.

— Нет, я бы сказала, что все правильно.

Ее дразнящие слова сняли напряжение с его тела, и на его губах заиграла улыбка.

— Правильно? Ты уверена, что не идеально?

Она закатила глаза.

— Перебор.

— Наверно, — с готовностью согласился он. — Эрика предупреждала меня, что потеря обоих родителей в столь юном возрасте либо приведет к тому, что я буду считать, что ничто не имеет значения, либо к тому, что все имеет значение, и буду проводить свои дни, пытаюсь угодить призракам.

Эти слова задели Винтер за живое. Она, как никто другой, понимала необходимость оправдывать ожидания призрака.

— Поэтому ты закончил колледж за три года, а не за четыре, и построил этот коттедж голыми руками? — спросила она, искренне заинтересовавшись его ответом.

Он усмехнулся, проведя руками по ее спине, чтобы погладить ее попку.

— Не голыми. — Он слегка сжал ее. — Вот она голая.

Винтер провела губами по его челюсти.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Да. Если что-то важно для меня, я должен делать это как можно лучше, — признал он. — Но мне удалось заключить сделку с самим собой.

— Какого рода сделку?

— Опустить другие вещи. — Он помрачнел. — Не заглядывай в мою прачечную. Это вызовет у тебя кошмары.

Она кивнула. Все дело в балансе. Этому они научились во время групповой терапии.

— Нам повезло с Эрикой, — проговорила Винтер, снова нахмутив брови. Она не раз пересматривала свой разговор с психотерапевтом и не могла избавиться от странного чувства разочарования. Как будто ей чего-то не хватало. — Хотя...

— Что?

— Когда я вспоминаю свой разговор с ней в больнице, у меня возникает чувство, что она рассказала мне не все.

— Например?

— Я не знаю. — Винтер покачала головой, не в силах определить источник своего раздражения. — Может быть, что-то об одном из маминых любовников. Или о ее отношениях с мамой. Я думаю, они были намного ближе, чем мне казалось.

Наклонившись вперед, Ноа провел губами по ее щеке и прикоснулся к уголку ее рта.

— Слишком легко вкладывать чересчур много смысла в каждый разговор. Я и сам так делаю. — Он прикусил ее нижнюю губу. — Мне просто не терпится узнать, кто, черт возьми, угрожает тебе.

— Возможно, ты прав. — Тепло распространилось по ней, ослабляя ледяной узел страха в животе. Но это не избавило Винтер от страха. Ничто не избавит. Пока правда об убийстве ее матери не будет раскрыта. Но когда она находилась в объятиях Ноа, то чувствовала себя в безопасности. — Кроме того, я не хочу обсуждать Эрику. Или прошлое.

Его глаза тлели от желания.

— О чем ты хочешь поговорить?

— Что еще мне следует знать о тебе, кроме твоей страшной прачечной?

— Я безумно много работаю, — признался он.

— Хорошо.

Она никогда не смогла бы быть с мужчиной, который работает с девяти до пяти и ожидает, что ужин будет на столе, когда он войдет в дверь. Она мечтала построить свой бизнес, и ей нужен партнер, который так же сильно любит свою работу.

— У меня есть привычка подбирать бездомных собак.

— Я начинаю привязываться к твоим «Собакам Баскервилей».

— Я никогда не включаю телевизор и не знаю современных тенденций, пока они не коснутся меня напрямую, — продолжил он.

— Как ты развлекаешься?

— Рыбалка.

Она сморщила нос. Винтер очень ценила хорошо приготовленную форель с оливковым маслом на свежем шпинате, но ей не нравилось сидеть часами возле озера или реки, ожидая, пока одна из них схватит ее наживку.

— Хм.

Ноа провел линию поцелуев вдоль ее подбородка.

— Я всегда готов попробовать новые увлечения.

Она придвинулась ближе к его твердому телу и улыбнулась, услышав его низкий одобрительный стон.

— Какого рода?

Ему потребовалась секунда, чтобы ответить, как будто Винтер украла его способность ясно мыслить.

— Садоводство, — наконец сказал он. — Работа официантом. Уборка на кухне.

Она выгнула бровь.

— Уборка твое хобби?

— Все что угодно, лишь бы проводить время с тобой.

Слова простые, но они проникали в самый центр ее души. Слово посеянное семя, которое свяжет их навеки.

Винтер потянулась, чтобы слегка коснуться его щеки, стараясь избегать ран, которые начинали заживать.

— Мне нравится, как это звучит.

— Да, мне тоже, — прорычал Ноа, прижимаясь твердым членом к ее животу. — Теперь твоя очередь.

— Моя очередь?

— Есть какие-нибудь тайные пороки?

Винтер обдумала вопрос. Дело не в том, что у нее не было пороков. Она просто не знала, с чего начать.

— Я разговариваю сама с собой.

— Когда?

— Все время, — призналась она. Он мог бы привыкнуть к тому, что, придя домой, застанет ее болтающей так, словно она устраивает званый ужин. — Я думаю, это происходит от того, что я была единственным ребенком. Я не придумывала воображаемых друзей, а просто разговаривала сама с собой.

Он улыбнулся.

— Что доказывает, что ты хорошая компания.

— Не уверена.

— Что-нибудь еще?

— Я безумно много работаю.

— Хорошо.

Она прижалась губами к его груди, прямо над его сердцем.

— У меня нет веселых увлечений.

— А как насчет рыбалки? Это могло бы стать веселым хобби.

Винтер хихикнула.

— Ты похоже собираешься настаивать на этом?

— Просто представь нас на свежем воздухе, сидящих у озера со сворой собак и кулером холодного пива. — Ноа вздохнул. — Рай.

— Полагаю, у меня может появиться тяга научиться ловить рыбу. При должном поощрении.

— Тяга? — Его голос загудел, когда он впился пальцами в мягкую плоть ее попы. — Это как томление? Тоска?

— Скорее, как горестное признание, — согласилась она. Возможно, ей не нравилась рыбалка, но если это означало провести время с Ноа, она готова надеть свои сапоги и взять удочку, когда бы он ее ни пригласил.

— Э-э.

Она прикоснулась губами к его плоскому соску, наслаждаясь дрожью удовольствия, которая пробежала по его телу.

— Это, однако, томление.

Ноа вздохнул от удовольствия.

— И тоска?

Винтер хихикнула, потянулась вниз, чтобы обхватить пальцами его член.

— Много тоски.

Глава 20

Ноа и Винтер только что закончили поздний ужин, когда тишину раскололо громкое лаянье.

Винтер поморщилась, ставя последний стакан в посудомоечную машину.

— Твой дверной звонок заливаается.

— Да, я заметил.

Ноа двинулся открывать заднюю дверь. Он не знал, кто пришел, но намеревался избавиться от посетителя как можно быстрее. Да, опасность витала где-то совсем рядом. И тысяча вопросов, которые не давали ему покоя. Но все это могло подождать.

У него на вечер большие планы. Они включали бутылку вина, горячую ванну и обнаженную Винтер. И уж точно в них не значился незваный гость.

Выйдя на крыльцо, он не обратил внимания на резкий ветерок, который трепал его свободные шорты. Это единственное, что было на нем надето, и шорты оставляли слишком много незащищенной кожи, подверженной поздней послеполуденной прохладе.

Сжав губы, он протяжно свистнул. Свора собак мгновенно бросилась к ближайшему сараю, а Ноа переключил свое внимание на длинную дорогу.

— Проклятье. — Вырвалось у него с губ.

Послышался тихий звук шагов, прежде чем рядом с ним появилась Винтер. На ней был короткий халат, волосы рассыпались по плечам.

— Что случилось?

Он кивнул в сторону приближающейся полицейской машины.

— Шелли.

Винтер вздохнула.

— Хотелось бы, чтобы у нее это не вошло в привычку.

Он обхватил ее за плечи.

— Это могут быть хорошие новости.

— Ты так думаешь?

Ноа поморщился.

— Нет на самом деле.

— Я тоже.

В молчании они наблюдали, как Шелли паркует машину, прежде чем выскользнуть из нее и направиться вверх по ступенькам крыльца. Она была одета в свою форму, и по сутулым плечам чувствовалось, что день у нее выдался долгим. Ноа почувствовал странное ощущение дежавю, когда увидел напряженное выражение лица своей подруги. Это не просто светский визит.

Он кивнул в сторону двери, когда к ним присоединилась Шелли.

— Не хочешь зайти выпить кофе?

Светский визит или нет, но бабушка прививала ему хорошие манеры. Обычно это сопровождалось ударами линейкой по его заднице.

Шелли покачала головой.

— Нет, я должна вернуться в участок.

— Что случилось? — спросил он.

— Мы нашли Дрейка Шелтона.

Винтер потрясенно вскрикнула и откинула голову назад, чтобы бросить на него изумленный взгляд.

— Ты оказался прав. Это хорошие новости.

Ноа оставался настороже. Последние несколько дней преподносили один тревожный сюрприз за другим. Казалось маловероятным, что теперь удача не изменит им.

— Он у вас под стражей? — спросил он.

— Он умер. — Голос Шелли прозвучал ровно, выражение лица не поддавалось прочтению.

Винтер выдохнула, шокированная.

— Когда.

— Прошлой ночью. — Шелли подняла руку, когда Ноа приоткрыл губы. — У меня нет точного времени.

— Как? — Спросила Винтер.

— Выстрел в голову.

Винтер прислонилась к Ноа, как будто у нее ослабли колени. Ноа не винил ее. Они провели последние двадцать четыре часа, убеждая себя, что Дрейк Шелтон не только убил ее мать, но и сейчас находится в Ларкине, преследуя Винтер с намерением расправиться и с ней.

Должны ли они испытывать облегчение от того, что угроза исчезла? Или испугаться, что убийца все еще скрывается в тени, готовя удар?

— Его убили? — задал Ноа очевидный вопрос.

Удивительно, но Шелли колебалась.

— На первый взгляд это похоже на самоубийство, — наконец сказала она. — Пистолет был прижат к его виску, а рядом лежала записка, в которой говорилось, что он сожалеет.

Ноа обдумывал свою короткую встречу с Дрейком. Тот напоминал ему дюжину других парней, которых он знал. Самоуверенный, упрямый, не желающий признать, что он может в

чем-то ошибаться. Даже убив свою жену и решив избавиться от Винтер, он не чувствовал бы вины. Дрейк разозлился бы, что не смог довести дело до конца.

Ноа изучал мрачное выражение лица Шелли.

— Ты не веришь, что это самоубийство. — Он произнес эти слова как утверждение, а не как вопрос. Ноа слишком хорошо знал свою подругу, чтобы думать, что ее можно так легко обмануть.

— Я оставляю это на усмотрение экспертов, — отказалась она высказать свое личное мнение. — Но пока медицинский эксперт не скажет мне, что это самоубийство, я буду считать, что расследовать нужно убийство.

Наступило короткое молчание, пока каждый из них пытался обдумать тот факт, что Дрейк мертв.

— Он находился в Пайке, когда умер? — наконец спросила Винтер.

— Нет. Его нашли в его грузовике..., — Шелли запнулась, как будто не уверена, что хочет отвечать на этот вопрос.

Ноа нахмурился.

— Где?

Шелли скорчила гримасу, а затем горестно вздохнула. Несомненно, она напоминала себе, что это маленький городок, который не способен скрывать секреты. Весть о смерти Дрейка, без сомнения, уже распространилась по Ларкину.

— На подъездной дорожке к дому твоего дедушки.

Ноа крепче обнял Винтер, когда она застыла в ужасе.

— Он был на ферме? — простонала она.

— Боюсь, что да.

Винтер покачала головой.

— Зачем ему быть там. Он не знал моего дедушку.

Шелли пожала плечами.

— Еще один вопрос в очереди имеющихся.

Ноа пытался понять смысл ее слов. Почему Дрейк Шелтон оказался на ферме Сандерса Мура? Даже если он решил покончить с собой, в этом все равно нет никакого смысла.

Или его убили где-то в другом месте и отвезли туда? Если это так, зачем бросать его именно в этом месте? Если хотели напугать Винтер или даже предостеречь ее от продолжения поисков истины о смерти матери, то почему не у ее квартиры? Или даже возле его коттеджа?

Из его горла вырвался рык. Ноа внезапно почувствовал себя хомяком, крутящимся в колесе и движущимся в никуда.

— Кто нашел тело? — резко спросил он.

— Оливер Уилер. — Шелли посмотрела в сторону Винтер. — Он сказал, что приехал, чтобы помочь по хозяйству?

Голос Шелли оставался спокойным, но Ноа знал ее достаточно хорошо, поэтому уловил в ее тоне напряжение. Надеялась ли она уличить мужчину во лжи? К человеку, обнаружившему тело, всегда относились с подозрением.

— Да, он помогает нам с тех пор, как дедушку ранили, — ответила Винтер.

Шелли кивнула, скрывая разочарование. Ноа посмотрел на небо. Уже почти наступили сумерки. Тело, должно быть, обнаружили несколько часов назад. Это объясняло усталость, отразившуюся в темных глазах его подруги. Несомненно, ее вызвали на рассвете, и с тех пор

она не переставала работать.

— Ты ведешь расследование? — спросил он.

— Неофициально. По крайней мере, пока судмедэксперт не определит причину смерти. — Ее челюсть сжалась, как будто она боролась со вспышкой раздражения. — Если это самоубийство, я закрою дело. Если убийство, вызову Департамент.

— Департамент? — Винтер выглядела озадаченной. — Что это?

— Департамент уголовных расследований, — объяснила Шелли.

Ноа понимал разочарование Шелли. В ее городе убит Дрейк. Она хотела быть той, кто поймает и накажет виновного. Он чувствовал бы то же самое, если бы это был браконьер или охотник, использующий ловушки-приманки, чтобы заманить добычу. Если бы это касалось его территории, меньше всего ему хотелось бы передавать дело кому-то другому. Особенно незнакомцу, не имеющему никакого отношения к Ларкину.

Он тоже расстроился. Казалось, что убийца играет с ними. Как будто это какая-то большая игра.

— Убийца пытался заставить нас поверить, что это Дрейк убил свою жену, а потом выстрелил в меня, — прорычал он, злясь на то, что ему не удалось получше рассмотреть человека, который вел грузовик Дрейка.

Конечно, справедливости ради, он пытался увернуться от пуль, выпущенных из дробовика. Кроме того, кто бы это ни сделал, он был одет в тяжелую куртку и бейсболку, которая скрывала его лицо в тени.

Или ее лицо...

— Я тоже так думаю, — согласилась Шелли.

Они обменялись взглядами, оба понимая, что пока убийца на свободе, Винтер в опасности.

— Есть хоть что-то, способное указать на виновного? — спросил Ноа.

— Ничего. — Шелли изобразила отвращение. — И я имею в виду совсем ничего. В фильмах злодей всегда оставляет после себя брошенный окурок или удобный след. Я потратила несколько часов на поиски, но все, что получила — это головную боль.

— Что насчет моего телефона?

Оба и Ноа и Шелли уставились на Винтер после ее внезапного вопроса.

— Что насчет него? — спросила Шелли.

Винтер объяснила свой вопрос.

— Дрейк якобы использовал мой телефон, чтобы заманить Мону на место ее убийства, так?

Шелли медленно кивнула.

— Верно.

— Ну так где он сейчас?

— Я прикажу обыскать грузовик, а также его дом в Пайке, — произнесла Шелли, и в ее голосе прозвучал намек на раздражение, что она сама не подумала об этом. — У тебя есть способ его отследить?

— Нет. В ресторане я пользуюсь стационарным телефоном, и не стала привязывать свой мобильный телефон к какому-либо другому устройству. Большую часть времени я едва помню, что ношу его с собой. — Винтер прислонилась к боку Ноа, дрожа от ветра, трепавшего непрочный материал ее халата. — Вы можете определить его местонахождение?

Шелли не выглядела уверенной.

— Мы можем попытаться, но это займет время. У нас маленький полицейский участок с небольшим бюджетом, и пока что это рассматривается как самоубийство, а не убийство или пропажа человека. Даже при наличии твоего согласия телефонная компания будет тянуть с передачей записей.

— А что насчет смерти Моны? — спросил Ноа. — Это явно убийство.

— Да, но за дело отвечает временный шериф Пайка. — Шелли вздохнула, ее лицо побледнело от усталости. — Я позвонила ему сегодня утром, чтобы они прекратили поиски Дрейка. Ему потребовалось время, чтобы вспомнить, о ком я говорю. Он явно перегружен и недостаточно подготовлен. Я боюсь, что какие-то детали могут ускользнуть от него.

Еще одна дрожь пробежала по телу Винтер.

— Отлично.

— Мне жаль. — Шелли послала им обоим грустную улыбку. — Я дам вам знать, если у меня появится новая информация, которой смогу поделиться.

— Спасибо, Шелли, — пробормотал Ноа, наблюдая, как его подруга сбегала по ступенькам крыльца и скользнула в машину.

Он хотел бы найти способ облегчить ее работу, не только потому, что беспокоился, что она изматывает себя, но, что более важно, каждая прошедшая секунда означала, что Винтер в опасности.

Как по команде, Винтер отстранилась от него и направилась в дом. В ее плечах чувствовалась жесткость, предупреждавшая Ноа, что она — полна решимости. Поспешив за ней, он схватил ее за руку и повернул, чтобы изучить напряженное лицо.

— Куда ты собралась? — спросил он.

— К отцу домой.

— Зачем?

— В подвале стоят коробки со старыми вещами моей мамы.

— Что ты хочешь найти?

Винтер отвела взгляд, ее челюсть была так напряжена, что просто удивительно, как ее зубы не разлетелись от давления.

— Все что угодно.

***

По дороге в Ларкин Винтер молчала. Дело не только в последнем потрясении. Она все еще пыталась переварить мысль о том, что Дрейк Шелтон мертв. Нет, она готовилась к неизбежному спору с отцом.

Когда она была младше, то умоляла разрешить ей открыть коробки, в которых лежали старая одежда, художественные принадлежности, альбомы с фотографиями и личные письма ее матери. Она жаждала осязаемой связи с женщиной, которую у нее украли, когда Винтер нуждалась в ней больше всего.

Но отец решительно отверг ее просьбу, заперев их в шкафу. Сначала он утверждал, что она слишком мала, а потом приводил туманные оправдания, что потерял ключ. Совершенно очевидно, что он не хотел, чтобы она тревожила эти вещи.

Винтер всегда говорила себе, что горе сделало ее отца таким неразумным. И что он считал шкаф в подвале святыней, чтобы защитить вещи своей умершей жены. Конечно, он не хотел, чтобы кто-то рылся в них, даже его собственная дочь.

Однако, когда они ехали по почти пустым улицам Ларкина, Винтер уже не испытывала

такой уверенности. Она не сомневалась, что отец любил ее маму. Или даже в том, что он все еще ее оплакивал. Но об их отношениях не слагали легенд. И теперь она не уверена, что он считал шкаф святыней.

Так почему же он не хотел, чтобы она рылась в коробках?

На этот вопрос она собиралась ответить еще до конца дня.

Когда они въехали на подъездную дорожку к дому в стиле пятидесятых годов прошлого века, Винтер твердо решила не останавливаться. Дом выглядел точно так же, как и всегда, сколько Винтер себя помнила. Когда-то желтый сайдинг выцвел до бледно-кремового цвета, а ставни облупились до голого дерева. Спереди добавили крыльцо, но оно провисло посередине, а качели сломались. Даже крыша нуждалась в ремонте.

Ее отец обладал многими прекрасными качествами. Он был умным, начитанным, успешным профессором и отцом, который любил ее изо всех сил. Но его совершенно не интересовал его дом. Это одна из многих причин разногласий между ним и ее дедушкой. Она не могла вспомнить, сколько раз Сандер заходил к ним со своим ящиком для инструментов, чтобы починить ту или иную вещь. Он горько жаловался на некомпетентность своего сына, но делал то, что необходимо, чтобы все работало.

Потерявшись в своих мыслях, Винтер только через секунду поняла, что машины отца нет на подъездной дорожке. Она не стала заглядывать в гараж. Уже много лет он завален контейнерами с книгами. Только чудесное вмешательство могло расчистить место для автомобиля.

Так где же он пропал в шесть часов вечера в субботу?

Винтер обдумала возможные варианты. Он мог быть на ужине. Или навещал отца в больнице. Оба предположения вполне разумны, но она знала, что это не так.

Если ее отца нет дома, значит, он на работе. А раз машины на улице нет, значит, он собирался остаться надолго. Он садился за руль только тогда, когда задерживался до позднего вечера.

Ноа повернулся и посмотрел на нее.

— Полагаю, ты не хочешь вернуться в коттедж?

Винтер покачала головой.

— Нет, давай попробуем съездить в колледж.

Ноа не стал указывать на то, что коробки ее матери пролежали в шкафу двадцать пять лет и, без сомнения, пролежат там еще несколько дней. Вместо этого он выехал задним ходом с подъездной дорожки и проехал небольшое расстояние до колледжа, захватив на гостевую парковку.

Винтер огляделась, удивленная количеством машин. В субботу не проводилось никаких вечерних занятий, а дома братства и сестринства находились на другой стороне кампуса. Так почему же здесь так много людей?

Только когда они шли к административному зданию, и Винтер услышала звуки струнного квартета, она поняла, почему здесь так много посетителей.

— Сегодня вечером будет художественная выставка, — сказала она и повернулась, чтобы пойти по дорожке из плитняка, которая пересекала площадь.

Несколько студентов толпились на открытой лужайке, бросая фрисби в свете ламп, выстроившихся вдоль дорожки. Несколько амбициозных бегунов пронесли мимо них, но в целом вечер был тихим.

Дойдя до здания из коричневого камня, слишком громоздкого и приземистого, чтобы

претендовать на звание архитектурной достопримечательности, она толкнула тяжелую дверь и шагнула внутрь. Мгновенно их окружили звуки Моцарта, наполнившие воздух и поманившие их по коридору к стеклянной оранжерее в дальнем конце.

— Почему нас интересует художественная выставка? — поинтересовался Ноа, идя рядом с ней и недовольно хмурясь.

— Есть вероятность, что именно там находится мой отец, — сказала она ему. — Кроме того, я хочу поговорить с доктором Пейтоном. Я уверена, что он отвечает за ее проведение.

— Почему ты хочешь поговорить с ним?

— Я слышала не от одного человека, что у него был продолжительный роман с моей мамой. — Винтер пожала плечами. — К тому же, он получил деньги на свой летний художественный лагерь по завещанию моей мамы. У него не меньше причин желать ее смерти, чем у кого-либо другого.

Они остановились у двойных стеклянных дверей, и оба заглянули в зимний сад, превращенный в художественную галерею. Она была традиционной, с гладкими стенами, покрытыми различными картинами и постаментами для небольших статуй и керамики. В самом центре комнаты находилась круговая лестница, ведущая на чердак. А в задней части располагался помост, на котором играл квартет. Освещение в зале оставалось приглушенным, а пол устилали ковры, чтобы заглушить звук шагов.

Винтер сморщила нос, увидев, как гости переходят от одного экспоната к другому. Они пришли не для того, чтобы наслаждаться произведениями искусства. Гости собрались здесь чтобы посмотреть на других и себя показать. Держа рифленые бокалы с шампанским в руках, они переходили от одной небольшой группы к другой, исполняя грациозный танец, смеясь и болтая с изнеженной непринужденностью очень богатых людей.

Очевидно, что это не обычная студенческая выставка, а один из шикарных приемов, которые устраивались для привлечения денег элиты. Пожертвования служили источником дохода для небольшого колледжа.

Опустив взгляд, она оценила свою свободную толстовку и джинсы. Ноа был одет совсем небрежно, во фланелевую рубашку и джинсы. К тому же его лицо все еще покрывали порезы и синяки от пережитого покушения.

Не совсем подходящая одежда для торжественного мероприятия, но, хотелось бы надеяться, что они успеют войти и выйти до того, как кто-нибудь заметит.

— Пойдем, — пробормотала она, открывая одну из стеклянных дверей. Сейчас не лучшее время для разговора с доктором Пейтоном, но Винтер боялась, что у нее сдадут нервы, если она даст себе время подумать об этом.

Кроме того, если они загонят его в угол, когда их окружают потенциальные жертвователи кафедры искусств, он не сможет их выгнать.

Прохладный, сухой воздух окутал ее, как саван, когда они вошли в галерею. Температура и влажность точно контролировались. Винтер бодро прошла мимо сотрудников в униформе, которые бросили на нее недовольный взгляд, и направилась к крупному седовласому мужчине в бордовом пиджаке и белой рубашке с оборками. Глава художественного отдела всегда одевался вычурно, как будто стремился привлечь к себе внимание.

Винтер никогда не посещала занятия доктора Пейтона, но ее друзья говорили, что его стиль преподавания не менее экстравагантен.

Задумавшись о своей цели, Винтер едва заметила, что ее путь пролегает мимо винтовой лестницы. Только заметив ее краем глаза, она чуть не споткнулась и упала бы, если бы Ноа

не схватил ее за руку.

— Ты в порядке? — спросил он.

Она сглотнула внезапный комок в горле.

— Я не приходила сюда много лет.

Ноа нахмурился.

— Это место хранит для тебя особые воспоминания?

Она кивнула в сторону близлежащей лестницы.

— На чердаке висит несколько картин моей мамы. Я обычно прибегала сюда и смотрела на них часами.

— Ты хочешь подняться сейчас?

Острая тоска защемила сердце Винтер. Внезапно ей снова стало шестнадцать, она лежит на мягком диване в тенистой мансарде, позволяя творениям своей матери заполнить пустоту внутри себя. Яркие цветовые пятна, запах краски, тишина... Единственный способ успокоить горе, которое грозило ее захлестнуть.

Она медленно покачала головой.

— Нет. Я хочу поговорить с доктором Пейтоном.

Ноа взял ее за руку и сжал пальцы.

— Хорошо.

Вместе они прошли сквозь толпу, которая теснилась в галерее, и дошли до профессора как раз в тот момент, когда он отворачивался от группы элегантных женщин, которые хихикали, как будто он позволил себе какую-то непристойную шутку на прощание.

Винтер переместилась и встала прямо на его пути. Профессор нехотя остановился, бросив на нее раздраженный взгляд.

— Если вы хотите обсудить урок, вам нужно записаться на прием в мое рабочее время, — упрекнул он ее низким тоном.

Вблизи Винтер смогла разглядеть самодовольное раздутое лицо Пейтона и морщины, избородившие его загорелую кожу. Когда-то он, несомненно, был красивым мужчиной с резкими чертами лица и карими глазами, такими темными, что казались черными. Она также полагала, что он обладал неким шармом, который мог бы околдовать ее маму.

А может быть, его привлекательность заключалась в том, что он представлял собой полную противоположность ее отцу.

— Я не студентка, — поправила она его. — По крайней мере, не теперь.

Он позволил своему нетерпеливому взгляду скользнуть по ее лицу. Затем резко дернулся, его лицо побледнело под искусственным загаром.

— Лорел? — Он уставился на нее, как будто увидел привидение. Затем, моргнув удивленно глазами, медленно, и дрожащим голосом произнес. — Нет. Ты, должно быть, дочь Лорел. Винтер?

— Да.

Подняв свой бокал, профессор решительно отпил шампанского. Вид Винтер явно взволновал его. Почему? Потому что она так похожа на его бывшую возлюбленную? Или потому, что ему есть что скрывать?

— Я не видел тебя много лет, — пробормотал он.

Винтер пожал плечами.

— Я не так часто бываю в колледже с тех пор, как его окончила.

— Нет, полагаю, что нет. Не хочешь чего-нибудь выпить? — Доктор Пейтон начал

поднимать руку в сторону проходящего мимо официанта.

— Нет, спасибо.

Профессор опустил руку и посмотрел на нее с настороженным любопытством.

— Если ты больше не студентка, почему ты здесь? Неужели пришла посмотреть на коллекцию картин своей матери?

Винтер не подумала о том, как она собирается получить нужную ей информацию от бывшего любовника ее матери. Она даже не знала, какая информация ей нужна. Но она устала ждать и надеяться, что этот кошмар закончится. Доктор Пейтон явно играл не последнюю роль в жизни ее мамы. Если он знал, что с ней случилось, то она намеревалась это выяснить.

— Нет. — Она внимательно наблюдала за его пухлым лицом. Хотя воздух был прохладным, на его лбу выступили капельки пота, а глаза налились кровью. Сколько шампанского он выпил? — Я недавно узнала, что она оставила вам деньги по завещанию.

Казалось, его смутили ее слова. Он посмотрел в сторону Ноа, а затем вернул свое внимание к Винтер.

— Не мне. Они были переданы в стипендиальный фонд для местных старшеклассников, которые смогут посещать летний художественный лагерь колледжа. — Он отпил еще, а затем поднял пустой бокал в знак тоста. — Я всегда буду благодарен за ее щедрость.

Тост ударил по нервам Винтер. Ее мама мертва, убита каким-то хладнокровным ублюдком. А теперь мертва и Тилли. Мона тоже. И даже Дрейк. Это не шутка.

— Да, за последние дни я еще выяснила, что она проявляла щедрость не только в отношении денег, — проговорила она холодно.

Профессор напрягся.

— Прошу прощения?

— У вас с ней был роман, так?

— Это... — Доктор Пейтон сделался странного синюшного оттенка, когда его бокал выпал из нервных пальцев. К счастью, толстый ковер не дал ему разбиться. — Пойдемте со мной, — прохрипел он и повернулся, чтобы повести их к небольшому кабинету в передней части галереи.

Винтер проигнорировала предостерегающий взгляд Ноа, когда они вошли в небольшое помещение, заставленное столом для совещаний и несколькими пластиковыми стульями. Сзади стояли вешалки, на которых висела верхняя одежда гостей. Доктор Пейтон закрыл дверь и повернулся, чтобы посмотреть на них.

— Почему ты спрашиваешь о моих отношениях с Лорел? — прошипел он.

Ноа сжал пальцы Винтер, несомненно, пытаясь остановить ее безрассудный подход, но она слишком напряжена для тонкостей. Не говоря уже о том, что легко быть смелой, когда их окружает дюжина гостей.

— Ее смерть расследуется, — прямо сказала она ему, ничуть не беспокоясь о том, что ее слова не совсем честны. Ну и что с того, что официальные власти не открыли дело вновь? Она его расследовала.

Доктор Пейтон схватился за спинку стула, от резкого флуоресцентного света он выглядел старым и усталым.

— Почему? Я думал, ее застрелили во время ограбления? — Его голос дрожал. — Или, может быть, это был угон машины. Я знаю, что это случайное преступление.

— Такова первоначальная версия, — подтвердила Винтер.

— А сейчас?

— Появились новые улики.

— Какого рода улики?

— Что убийца близко связан с моей мамой. И что убийство носило личный характер. —

Смелое утверждение Винтер прозвучало в маленькой комнате как вызов. — Может быть, брошенный любовник.

Темные глаза сузились, когда профессор перевел взгляд на дверь, убедившись, что она закрыта.

— На что именно ты намекаешь? — наконец потребовал он, вернув свое внимание к Винтер. — Мы с Лорел расстались за несколько месяцев до ее смерти.

Ноа шагнул вперед, намеренно преграждая Винтер путь. Опасался ли он, что профессор может стать агрессивным? Пейтон выглядел достаточно злым, чтобы ударить. Его лицо из пепельно-шокового превратилось в темно-красное, на висках выступили вены.

— Кто закончил ваш роман? — потребовал Ноа.

Доктор Пейтон послал Ноа яростный взгляд.

— Мы расстались по обоюдному согласию, если хотите знать.

Винтер не поверила ему. Он просто напыщенный болван. Если бы все случилось по обоюдному согласию, он бы заявил, что именно он положил этому конец. А значит, его бросили.

— Это не то, что я слышала, — укорила она.

Его губы сжались в тонкую, кислую линию.

— Я не знаю, кто сплетничает с тобой, но им нужно уточнить факты.

— Они знали об интрижке, — заметила Винтер. — И что ты сумел убедить мою маму указать тебя в завещании.

Тяжелые щеки профессора напряглись, как будто он намеревался продолжить свою ложь. Затем он неожиданно разразился резким смехом.

— Лорел никогда не отличалась сдержанностью. Ей нравилось выставлять свои похождения напоказ. И она никогда не была верной. — Он с отвращением покачал головой. — Даже мне.

— Вы говорите с горечью, — отметил Ноа.

Доктор Пейтон расправил плечи, его взгляд остановился на Винтер.

— Послушай. Правда в том, что меня влекло к Лорел. Она была красивой женщиной. Не меня привлек ее талант. Я никогда не встречал никого с таким природным даром. Я мог часами сидеть и смотреть, как она рисует. — Его губы искривились в натянутой улыбке. — Если бы у меня оказалась хоть малая толика ее способностей, я бы никогда не стал тратить свое время на обучение кучки неотесанных варваров, которые не отличили бы Моне от рисунка, увиденного в Инстаграм. Я бы собрал свои вещи и отправился в Нью-Йорк.

— Так вы ей завидовали? — потребовала Винтер.

— Конечно, — признался профессор без колебаний. — Она обладала таким талантом, о котором художники только мечтают. Но что она с ним делала? Ничего. — Он сжал челюсти, его нос покраснел, как будто он оскорблен одной только мыслью. — Этим следовало поделиться с миром, а не прятать в тесной мансарде второсортного колледжа.

В его голосе не осталось ни малейшего намека на резкость. Винтер подозревала, что роман доктора Пейтона с ее мамой больше связан с одержимостью ее работами, чем с влечением к ней как к женщине.

— Поэтому вы расстались? — спросила она. — Потому что думали, что она растрчивает свой талант?

— Это никак не связано. Мы немного повеселились, а потом пришло время двигаться дальше. Для нас обоих, — объяснил он ей. — Была ли задета моя гордость? Да. Обычно тот, кто уходит. Но когда все закончилось, мы смогли остаться друзьями.

— Друзьями? — Винтер не потрудила скрывать свое недоверие.

Профессор пожал плечами.

— Она единственная в этом богом забытом городке ценила искусство. И уж точно только к ней я мог обратиться за помощью, когда мне понадобился учитель во время летнего лагеря. — Он сделал паузу, словно молча желая, чтобы Винтер поверила его словам. — Кроме того, если бы мы плохо разошлись, она никогда бы не оставила денег на мою программу.

— Она могла не успеть изменить завещание, — возразила Винтер, хотя какая-то ее часть уже смирилась с тем, что Пейтон не убийца. Она не сомневалась, что он не сильно расстроился из-за разрыва. В темных глазах читалось тоскливое сожаление, но он показался ей человеком поверхностным. Как бы он не был раздосадован отказом Лорел, никогда не стал бы преследовать ее в Пайке, чтобы убить.

Он с гораздо большей вероятностью соблазнил бы новую, более молодую женщину и выставил бы ее напоказ перед своей предыдущей возлюбленной.

— У меня нет никакой информации о том, что случилось с Лорел, — отрезал доктор Пейтон. — Так что если это все...

— Где вы были в ночь, когда ее убили? — резко спросил Ноа, застав профессора и Винтер врасплох.

Ожидая пустого взгляда или решительного отказа отвечать на вопрос, Винтер удивилась, когда доктор Пейтон без колебаний предоставил свое алиби.

— Я находился в своем кабинете после вечернего занятия по истории искусств.

Винтер изогнула брови от этих спокойных слов.

— У вас хорошая память.

Доктор Пейтон покачал головой.

— Не совсем. Я как раз уходил, когда зазвонил телефон в главном офисе. В то время у всех гуманитарных факультетов был один секретариат. Я подумал, что это может быть... — Его слова оборвались, и он пренебрежительно махнул рукой. — Друг, с которым я собирался встретиться в кампусе. Поэтому я ответил.

Винтер спрятала гримасу. Профессор выглядел смущенным. Он встречался с другой сотрудницей колледжа? Или со студенткой?

Она отбросила свои догадки. Это случилось двадцать пять лет назад. Сейчас она ничего не могла с этим поделать.

— Это звонил не ваш друг? — уточнила она.

— Нет, полицейские, которые спрашивали твоего отца, — сказал он, и что-то похожее на сочувствие отразилось на его влажном от пота лице. — Я только потом узнал, что они искали его, потому что Лорел погибла. Вот почему я помню.

Винтер дернулась.

— Почему они не позвонили ему домой?

— Они пытались. Когда он не ответил, они позвонили на работу.

Винтер покачнулась. Ей казалось, что кто-то выдернул пробку из ее эмоций, и они

стекают, как вода из ванны. Такое странное ощущение.

— Его здесь не было? — спросила она, онемевшими губами.

— Нет. — Злобная улыбка тронула губы профессора, как будто он понял, что ему удалось отомстить за то, что Винтер намекнул на его причастность к смерти Лорел. — Я понятия не имею, где он находился, но у меня полно очевидцев, которые знают, где был я. Это все?

— Да, это все. — Винтер повернулась на каблуках и решительно направилась к двери.

Винтер смутно осознавала, что Ноа следует за ней, и тихая болтовня в сочетании с музыкой Моцарта доносилась до нее, когда она мчалась по галерее, но ничто не имело значения, главное — выбраться отсюда.

Она не могла дышать. Ей нужен свежий воздух.

Ей нужно...

Слезы текли по ее лицу, пока она бежала.

Глава 21

Ноа пришел в смятение. В одну минуту Винтер противостояла доктору Пейтону, как борец, надеющийся на нокаутирующий удар, а в следующую выскочила из галереи, как будто дьявол мчался за ней по пятам. Не сбавляя темпа, он подождал, пока они выйдут из здания и пересекут площадь, а затем легонько коснулся ее плеча, чтобы привлечь внимание.

— Винтер. Подожди, — пробормотал он. — Офис твоего отца в той стороне. — Он указал в сторону тротуара, который вел к административному зданию.

Она продолжала идти к парковке.

— Я не могу с ним говорить. Не сейчас, — пробормотала она.

— Что происходит?

Она повернула голову, позволяя ему разглядеть ее бледное лицо в свете уличных фонарей. Ее глаза казались огромными, как будто Винтер старалась не заплакать, а губы дрожали.

— Я помню.

Он нахмурился в замешательстве.

— Помнишь, что?

— Кое-что о той ночи.

Они дошли до джипа, и он быстро разблокировал двери.

— Той ночи, когда умерла твоя мама?

— Да.

Он кивнул, отрывая перед ней пассажирскую дверь.

— Давай вернемся в коттедж. Мы можем поговорить там.

***

Эрика замерла в тени, наблюдая, как джип с визгом выезжает со стоянки и исчезает из виду.

Несколько минут она просто стояла, не зная, что делать.

Она приехала в университетский городок на еженедельные групповые занятия. Несмотря на частную практику, она продолжала работать в качестве консультанта. Это не только давало ей доступ к оборудованию и поликлинике колледжа, но ей нравилось проводить время со студентами. Сегодня вечером она как раз шла к своей машине, когда увидела Винтер, спешащую к зданию гуманитарных наук. В движениях Винтер

чувствовалась спешка, и это обеспокоило Эрику.

Прежде чем она смогла остановить свой странный порыв, Эрика обнаружила, что идет следом за Винтер. Ей стало не только любопытно, но и инстинктивно захотелось убедиться, что с той все в порядке. Винтер, как и ее спутник Ноа, в конце концов, были ее пациентами. Неважно, сколько лет прошло, она всегда будет заботиться об их благополучии.

Сказав себе, что это не имеет никакого отношения к Лорел или вине, которая все еще преследовала ее, Эрика молча последовала за ними в картинную галерею, наблюдая издали, как Винтер конфликтует с доктором Пейтоном. Что, черт возьми, происходит? Эрика шагнула в неглубокий альков, когда Винтер, Ноа и доктор Пейтон прошли мимо нее и вошли в небольшой кабинет.

Приказав себе уйти, она поспешила к лестнице, ведущей на чердак. Она проводила там бесконечные часы, окруженная работами Лорел. Здесь находилось до боли пустое отражение блестящей, яркой женщины, создавшей эти картины, но оно облегчало одиночество Эрики.

Так она узнала, что любой разговор в кабинете внизу доносится через вентиляционное отверстие в угол мансарды. Теперь она спешила туда, бесстыдно силясь услышать приглушенные голоса. Эрика признавала, что не только беспокойство заставляло ее подслушивать. Она хотела знать, о чем Винтер разговаривает с Пейтоном. И почему старый извращенец выглядел так, будто его ударили кулаком в мясистый живот.

То, что она услышала, заставило ее побледнеть и задрожать.

Не потому, что Пейтон признался в романе с Лорел. Это всем давно известно. Хотя он оказался менее честен в том, как все закончилось, язвительно признала она. Этот придурок выставил себя дураком, пытаясь вернуть ускользающее внимание Лорел. Однажды Эрика видела, как он стоял на коленях посреди продуктового магазина, словно умоляя ее дать ему еще один шанс.

Конечно, Лорел поставила на колени многих людей. В том числе и ее.

Нет, Эрику потрясло последнее заявление мужчины. Что он находился в секретариате в ночь смерти Лорел. Один.

Если это правда, то многое меняет.

Быстро сбежав по лестнице, она выбежала из галереи. Когда она приехала вечером, то заметила на парковке знакомую машину. Теперь Эрика быстро вышла из здания и пересекла площадь. Менее чем через десять минут она вошла в административные помещения и с силой распахнула дверь в кабинет декана английского факультета.

Она нахмурилась, оглядываясь по сторонам. Дверь оказалась незапертой, но свет не горел. Уже собираясь отступить, Эрика нахмурилась, когда услышала приглушенный звук.

— Эй, — позвала она.

Раздался грохот, как будто что-то уронили. Или, может быть, опрокинулся стул. Эрика потянулась к сумочке, нащупывая мобильный телефон, чтобы вызвать охрану. Она все еще искала проклятый телефон, когда внутренняя дверь открылась и в приемную вошел доктор Эдгар Мур.

На нем была его обычная белая рубашка и черные брюки, но галстук отсутствовал, а седые волосы выглядели взъерошенными. Неужели он заснул за своим столом? В этом как раз ничего необычного нет. Многие профессора проводили безумные часы в своем кабинете. Они либо одержимы исследованиями, либо пишут статьи в надежде, что их опубликуют.

Публикация или поражение — это не шутка в академическом мире.

— Эрика. — Эдгар моргнул, протянул руку, чтобы нажать выключатель на стене.

Приглушенный свет залил приемную. — Что ты здесь делаешь?

Эрике вдруг стало не по себе. Возмущение вытолкнуло ее из галереи сюда, но теперь, когда стояла лицом к лицу с Эдгаром, она почувствовала, что не так легко, как ожидала, сообщить ему о том, что обнаружила.

Внезапно ее охватило яростное желание отступить и оставить прошлое там, где ему и место... в прошлом. Однако потом она расправила плечи. Если полиция на самом деле вновь расследуют смерть Лорел, она не может молчать. Это означало бы предательство по отношению к женщине, изменившей ее жизнь.

— Я хочу задать тебе несколько вопросов, — заставила она себя произнести.

— Сейчас? — Эдгар оглянулся через плечо, словно желая вернуться в уединение. — Серьезно?

— Да. Сейчас.

— Я в середине...

— Мне все равно, — фыркнула Эрика. — Это может подождать.

Эдгар бросил на нее укоряющий взгляд, явно обиженный тем, что его прервали.

— Ты всегда отличалась настырностью, — посетовал он.

Настырная. Это слово использовалось для унижения амбициозных женщин. Обычно мужчины боялись, что их главенствующее положение находится под угрозой.

— Я не настырная, а решительная.

Эдгар щелкнул языком.

— Я предупреждал предыдущего декана еще до того, как он принял тебя на работу, что это ошибка. У колледжа Грант есть определенные стандарты, которые он ожидает от своих сотрудников. Даже если ты всего лишь консультант.

Эрика была квалифицированным специалистом. Ничто и никто не смел пошатнуть ее самообладание. Но Эдгар Мур обладал редкой способностью действовать ей на нервы. Возможно, потому, что они всегда оказывались по разные стороны любой стычки. От ее места в этом колледже до привязанности Лорел и того, как Винтер должна справиться со своим горем.

И сегодняшний вечер ничем не отличался от других.

— По крайней мере, я не лживый маленький придурок, — ответила она.

— Лживый? — Эдгар нахмурился. — Что это значит?

— Ты ведь умудрился всех обмануть? — Эрика шагнула вперед, подавленные эмоции вырвались на поверхность. Эта битва давно назревала. — Ты притворяешься мягкотелым профессором, который проводит свою жизнь, уткнувшись в свои книги.

Он изогнул бровь.

— Кого я мог обмануть?

— Твою жену, например.

— Мою жену? — Эдгар вздрогнул, как будто ее слова причинили ему физическую боль. — Лорел?

Эрика отказалась расстраиваться. Не в этот раз.

— Она считала, что ты холоден и не способен на сильные страсти. Мне же известно лучше.

Лицо Эдгара покраснело, руки сжались в кулаки.

— Не смей говорить о ней.

— Я предупреждала Лорел, что ты держишь эмоции под замком, и, как любой, кто

подавляет чувства, ты — бомба замедленного действия, которая только и ждет, чтобы взорваться, — безжалостно давила Эрика, и тошнота накатывала на нее, когда она вспоминала свои ссоры с Лорел.

Ее подруга твердо верила, что Эдгар — холодная рыба с патологической неспособностью радоваться жизни. Эрика пыталась предупредить ее, что Эдгар — полная противоположность. Он чувствовал так глубоко, что это приводило в ужас даже его самого. Поэтому вместо того, чтобы делиться своими эмоциями, он отчаянно пытался их подавить. Они не исчезли, они просто бурлили и кипели под поверхностью, как горячая лава под вулканом.

Черты лица Эдгара сузились от застарелой горечи.

— Уверен, ты много чего рассказывала Лорел обо мне. Ты отчаянно пытался нас разлучить.

Она не могла спорить. Он прав. Она хотела, чтобы Лорел ушла от мужа. И не только потому, что он был твердолобым мудаком, который обращался с ней как с дерьмом. Эрика искренне верила, что сможет сделать Лорел счастливой. Кто еще понимал демонов, которые толкали ее на крайности? И кто еще обладает терпением, чтобы дать ей свободу, в которой она нуждалась, когда чувствовала себя в ловушке? Кроме нее, кто еще видел личность под поверхностной красотой и очарованием?

Не то чтобы Эрика готова признать свою веру в то, что Лорел была ее родственной душой. Только не Эдгару.

— Ты отравлял ее, — вместо этого обвинила она.

Эдгар сузил глаза.

— Если кто-то и вредил Лорел, то это не я.

— Ты скрывал свою любовь, чтобы наказать ее за то, что она не вела себя как подобает жене профессора. В ответ она вела себя плохо. Чем холоднее ты к ней относился, тем более возмутительно она себя вела. — Эрика встретила его пристальный взгляд. — Ты токсичен.

— А ты всегда присутствовала рядом, шепча ей на ухо, как змея в Эдемском саду, — огрызнулся он. — Ты помешалась на ней.

— Она была моей подругой.

— Но ты хотела большего.

Обвинение врезалось в нее с силой кувалды. Конечно, она хотела большего. Она обожала Лорел. И, возможно, даже немного была одержима ею. Отчасти в этом сыграла роль молодость Эрики. Она была готова влюбиться в первого встречного, подарившего ей внимание, которого она так жаждала. А Лорел обладала даром околдовывать других. К сожалению, она использовала этот дар, чтобы манипулировать и контролировать людей, которые ее любили.

— Я хотела только лучшего для нее, — пробормотала Эрика.

— Ты?

— Счастья.

Эдгар покачал головой, на лице застыло раздражение. Ему никогда не нравилась Эрика. С первого дня ее пребывания в колледже Гранта он изо всех сил старался убедить других профессоров, что она — пустая трата драгоценных денежных ресурсов. А когда она подружилась с Лорел, его неприязнь к ней переросла в уродливую ревность.

— Нет. Просто пыталась убедить ее в том, что она никому не нужна, кроме тебя, — настаивал он.

Эрика поджала губы. Возможно, в его словах содержалась доля правды. Она ненавидела делить Лорел. Ни с кем.

— По крайней мере, я не пыталась ее задушить. Между тобой и постоянными придирками твоего отца, Лорел не могла дышать. Я хотела, чтобы она освободилась.

— Освободилась от чего?

— От твоих ожиданий. Они её подавляли.

Эдгар пренебрежительно махнул рукой. Он был типичным мужчиной, полагая, что жена будет соответствовать его ожиданиям, не требуя от него компромиссов. Неважно, что Лорел пришлось отказаться от своего желания стать художницей, лишь бы Эдгар процветал и преуспевал в своей карьере. Все остальное не имело значения.

— И поэтому ты пыталась убедить ее сделать аборт? — потребовал он.

Эрика задохнулась от неприкрытого нападения.

— Это неправда.

Его губы искривились в неприятной улыбке.

— Я подслушал, как она говорила с тобой по телефону.

Рот Эрики пересох. Она вспомнила тот звонок. Лорел рыдала, когда узнала о своей беременности. Она сказала Эрике, что напугана. Она не хотела, чтобы Эдгар знал. Не потому, что он хотел стать отцом. Он слишком эгоистичен, чтобы отягощать свою жизнь ребенком. Но отец Эдгара, Сандер Мур, требовал наследника с того самого дня, как они поженились. У старика была какая-то странная одержимость передачей семейной фермы. Как будто это королевский титул, а не участок земли в глуши. А поскольку они постоянно сидели в долгах перед Сандером, Лорел боялась, что рождение ребенка — это та цена, которую Эдгар заставит ее заплатить.

— Я сказала ей, что это решение она должна принять сама, — настаивала Эрика, не желая вспоминать о том, как ее лично взволновала мысль о беременности Лорел. В тот момент она поняла, что все уже никогда не будет как прежде. Она не была ужасным человеком, просто молода и эгоистична. — Никто не мог знать, что она чувствовала, забеременев. Ни я. Ни ты. Ни твой отец.

— Тогда почему Лорел отказалась от твоей дружбы?

Эрика обхватила себя руками за талию. Ей не нужно быть психологом, чтобы понять, что она инстинктивно пытается защитить себя от боли воспоминаний.

— Я порвала с ней, когда стало очевидно, что приношу больше вреда, чем пользы, — призналась она. Размолвка произошла не в результате одного пламенного спора. Наоборот, их отношения медленно и неуклонно ухудшались на протяжении всей беременности Лорел. Резкие требования внимания, когда у Лорел было время, а затем недели молчания, когда у нее появлялось что-то или кто-то более интересный, чтобы ее занять. Полуночные телефонные звонки, когда она плакала из-за последней ссоры с Эдгаром, а затем появление этих двоих на мероприятии в колледже, рука об руку с улыбками на лицах. — Она зависела от своих маниакальных спиралей, и я не могла смотреть, как она разрушает себя.

Эдгар приподнял бровь.

— Почему она разбила твою машину бейсбольной битой?

Эрика пожала плечами. Какая-то ее часть ликовала, когда Лорел потеряла контроль. Это показало, что ей не все равно. Другая часть ужаснулась насилию. Лорел была беременна. Ей нужны мир и спокойствие. Совершенно очевидно, что прекращение отношений было к лучшему.

— Она разозлилась, что я не отвечаю на ее звонки, — пробормотала Эрика.

На его узком лице появилось лукавое выражение.

— Значит, ты отказалась от своей любви, чтобы ее наказать?

— Нет, я надеялась, что она сможет найти покой в своем браке, чтобы защитить своего не рожденного ребенка. — Она печально покачала головой. — Единственное, в чем мы все могли согласиться, так это в том, что Винтер важнее наших мелких дрызг.

Усмешка Эдгара угасла, его плечи опустились.

— Винтер.

Эрика изучала мужчину, который служил ей досадной помехой с тех пор, как она приехала в Ларкин, и внезапно поняла, что сейчас самое время задать вопрос, который преследовал ее долгие годы.

— Почему ты отправил Винтер на терапию в мою группу? — спросила она. — Ты никогда меня не любил.

— Нет, ты мне не нравилась, — с готовностью согласился он. — Но ты была лучшей, и, что еще важнее, я знал, сделаешь все, что в твоих силах, чтобы Винтер преодолела горе. Именно этого я хотел для своей дочери.

Эрика поверила ему. Когда Лорел ждала ребенка, она сомневалась, что Эдгар будет хорошим отцом. Но Эрика должна признать, что сильно удивилась, когда он взял на себя заботу о Винтер после смерти Лорел. Эдгар оказался не самым внимательным отцом, но он дал ей стабильный дом и безусловную любовь.

— Тогда почему ты настоял на том, чтобы она покинула группу? — спросила она. — Винтер нравилось быть там с другими детьми. Это помогло ей понять, что она не одинока в потере родителя.

Эдгар отвернулся.

— Я не хотел, чтобы к ней применяли гипноз.

— Почему нет? Это важная часть терапии для пациентов, которые борются с травматическими воспоминаниями.

— Если хочешь знать, мой отец был убежден, что ты намеревалась исказить ее воспоминания, чтобы наказать меня, — пробормотал он, как будто ему неудобно признавать правду. — И поскольку он оплачивал счета, у меня не осталось выбора, кроме как прекратить сеансы Винтер.

Эрика растерянно моргнула.

— Как я могла изменить ее воспоминания?

Он нетерпеливо хмыкнул.

— Мой отец с подозрением относился к любому виду терапии. Он думал, ты попытаешься убедить Винтер, что я имею отношение к смерти ее матери.

Эрика сузила глаза. Неужели Сандер Мур подозревал, что его сын в этом замешан? И что сеансы гипноза раскроют воспоминания, которые Винтер бессознательно пыталась подавить?

Опасная вереница мыслей вернула Эрику к причине, по которой она сейчас стояла в холле деканата вместо того, чтобы отправиться домой на поздний ужин с заслуженной бутылкой вина.

— Я хочу знать почему ты соврал мне о ночи, когда погибла Лорел?

Эдгар в замешательстве уставился на нее, выглядя озадаченным неожиданным вопросом.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— После убийства Лорел я пришла к тебе, — напомнила Эрика ему. Это случилось во время поминок, которые он организовал через неделю после похорон. Поминки больше походили на светское мероприятие с болтливymi гостями, которые потягивали коктейли и обсуждали последние сплетни из колледжа. Она страдала от горя и гнева, желая наброситься на кого-то. Нет, не на кого-то. На конкретного человека. Если бы он постоянно не отталкивал Лорел, она бы не оказалась в Пайке той ночью. Она не была бы мертва. И вот она загнала Эдгара в угол на кухне и прямо потребовала сказать, виновен ли он в убийстве своей жены. — Я хотела знать, где ты находился той ночью.

Замешательство Эдгара сменилось раздраженным выражением рассеянного профессора.

— Я же сказал тебе, что был в своем кабинете.

— Да, именно так ты и сказал. Кроме того, ты заявил, что у тебя есть доказательства, если они мне понадобятся. Я тогда не придавала этому значения.

Эдгар потянулся вверх, как будто намереваясь разглядить галстук, которого не было.

— Почему ты заговорила об этом сейчас?

— Потому что полиция расследует ее смерть, — сказала Эрика.

Эдгар и глазом не моргнул. Очевидно, он уже подозревал, что с этим делом что-то происходит.

— Это пустая трата времени. Лорел убил невменяемый грабитель, — сказал он отрывисто. — Конец истории.

Она покачала головой.

— Если ты правда веришь в это, тогда почему соврал мне?

— Я не...

— Доктор Пейтон только что заявил, что он находился в секретариате, когда позвонили полицейские, разыскивая тебя, — резко перебила она. — Тебя не нашли.

Цвет медленно исчезал с его лица. Эдгар был явно шокирован, обнаружив, что его алиби разлетелось вдребезги. Так почему же он солгал? Потому что побывал в Пайке, где убил свою жену? Или потому что замышлял что-то еще, и не хотел, чтобы это раскрыли?

— Доктор Пейтон, должно быть, ошибается, — наконец смог пролепетать он.

— Никакой ошибки, — настаивала Эрика. — Тебя здесь не было.

Его губы сжались, подбородок упрямо наклонился.

— Я не собираюсь обсуждать это с тобой.

— Прекрасно. Тогда я буду обсуждать это с полицией, — блефовала Эрика.

Она не знала, что скрывает Эдгар, но будь она проклята, если позволит ему продолжать лгать.

Сосредоточившись на Эдгаре, который смотрел на нее с неприкрытой яростью, Эрика не заметила движения во внутреннем кабинете. Пока не появилась женщина, вставшая рядом с Эдгаром, с наполовину расстегнутой блузкой и распущенными волосами.

Линда Бейкер.

— В этом нет необходимости, — произнесла секретарша, ее улыбка оставалась такой же холодной, как и блеск в ее бледных глазах. — Он был со мной.

Эрика вздрогнула от шока, когда поняла, почему Эдгар выглядит таким нехарактерно взъерошенным. Переведя взгляд с профессора на его секретаршу, Эрика почувствовала, как по щекам поползло тепло. Почему она смущается? Ведь не ее же застукали за сексом с сотрудником в кабинете.

Тем не менее Эрика обнаружила, что хочет поскорее покинуть приемную. Она пришла туда за ответами, и они у нее появились. Не имело смысла затягивать неловкий разговор о том, собирается ли она доложить о неподобающем поступке Эдгара в Наблюдательный совет. С этим можно будет разобраться на следующей неделе.

Только дома, допивая второй бокал вина, Эрика задумалась о том, что, возможно, у нее нет тех ответов, о которых она думала.

Эрика уже много лет знала, что Линда Бейкер влюблена в Эдгара. А теперь у нее появились доказательства того, что они любовники. Если Линда посчитает, что Эдгар в опасности, какова вероятность того, что она встанет на его защиту? Сто процентов.

Это объясняло, почему она раскрыла незаконные отношения, которые, без сомнения, стали бы концом ее карьеры в колледже. Вместе с карьерой Эдгара.

Итак, если она готова рискнуть своей карьерой ради любовника, то почему не может солгать ради него?

Что если они были вместе в ту ночь.

Только когда Эрика допила до дна бутылку вина, она набралась смелости и достала телефон. Набрал номер Винтер, она подождала, пока та ответит. Один гудок. Два гудка. Три. Наконец она попала на голосовую почту. Эрика глубоко вдохнула, прежде чем заговорить.

— Привет, Винтер. Это Эрика Томалин. У меня есть кое-какая информация о ночи, когда умерла твоя мама, я думаю ты должна знать. Перезвони мне.

Глава 22

После того как они вернулись в коттедж, Ноа, казалось, почувствовал нежелание Винтер обсуждать воспоминания, которые возвращались странными вспышками. Как в фильме, который то приближается, то удаляется. Вместо этого он настоял на том, чтобы приготовить на гриле пару стейков из лосося, которые он подал со свежим салатом и нарезанными фруктами.

Они поели в уютном молчании, после чего отправились в гостиную, где Ноа подбросил полено в камин, чтобы отогнать прохладный ночной воздух. Затем, уютно устроившись на диване, Ноа легко поцеловал ее в макушку.

— Винтер?

— М-м-м?

— Ты готова поговорить со мной?

Готова? Да. Воспоминания не вернулись полностью, но она смутно помнила, что произошло в ночь, когда умерла ее мама.

— Доктор Томалин считала, что у меня есть воспоминания, которые я подавляю.

— Она права?

Винтер вздрогнула.

— Да.

Ноа крепко обнял Винтер.

— Я с тобой.

Винтер прижалась ближе. Она так долго полагалась только на себя. У нее никогда не было никого, к кому она могла бы обратиться в трудную минуту. Узнать, что она может опереться на Ноа, оказалось удивительно приятно.

Это не слабость. Его поддержка делала ее сильнее.

— Я говорила тебе, что спала в ту ночь, когда мама забрала меня. — Она дождалась его кивка, затем нехотя погрузилась в воспоминания, вынырнувшие из защитного тумана,

инстинктивно созданного ее разумом. — Я еще спала, когда она положила меня на заднее сиденье своей машины, а потом остановилась, чтобы заправиться перед тем, как ехать обратно в Ларкин. Я проснулась только тогда, когда услышала выстрелы. — Она помрачнела от неясного воспоминания о том, что проснулась от того, что водительская дверь оказалась открытой. В недоумении она села, выглянула в заднее окно и увидела, что ее мать лежит на земле. — Я помню, что закричала, когда увидела, что мама вся в крови, и, кажется, на заднем плане кричал кто-то еще. — В ее кошмарах звучал не один крик.

— Тилли? — уточнил Ноа.

— Наверное, так и было. — Винтер никогда не видела эту женщину, но предположила, что кричала именно она. Кто еще это мог быть? — Через несколько минут раздались сирены, вспышки огней и крики людей.

Ноа провел рукой по ее спине, успокаивающе поглаживая.

— Ты, наверное, ужасно испугалась.

— Да. — Она свернулась клубочком на заднем сиденье, пока спасатели бегали вокруг машины. Никто из них, казалось, не понимал, что она там. Только пожилой мужчина в ковбойской шляпе наклонился к машине и протянул руку. — Потом шериф Янсен отвез меня к себе домой. Он угостил меня горячим шоколадом и сказал, что я в безопасности. До сегодняшнего вечера все последующее оставалось в тумане.

— А теперь?

— Сейчас я помню, как сидела на кухне у шерифа, — медленно сказала она, снова став ранимой четырехлетней девочкой, которая только что видела свою мать, лежащую на земле в луже крови. — Он дал мне мятную палочку, размешать шоколад, а потом сказал, что придется подождать, потому что ему нужно сделать несколько звонков.

Ноа переместился, чтобы внимательно изучить ее лицо.

— И это тебя встревожило?

Винтер сделала паузу, позволяя далеким образам сфокусироваться. Она вспомнила, как сидела за деревянным столом. Ее ноги болтались над полом, и она раскачивала ими, потому что нервничала. Шериф говорил громко и весело, не переставая, пока перемещался по кухне. Оглядываясь назад, она поняла, что он делал все возможное, чтобы отвлечь ее. Убедившись, что она удобно устроилась с горячим шоколадом, он пообещал ей, что будет рядом, и покинул кухню.

— Он пользовался стационарным телефоном, поэтому находился в гостиной рядом с кухней, — объяснила она. — Я могла слышать все, что он говорил.

— Кому он звонил?

— Он пытался найти моего отца.

Ноа изогнул брови.

— Пытался?

— Я пила свой шоколад и слышала, как он делает звонок за звонком. — Винтер пронзила дрожь, холодные мурашки пробежали по позвоночнику. Как говорила ее бабушка... как будто кто-то ходил по твоей могиле? — Я слышала, как шериф спрашивал у того, кто отвечал по телефону, где он может найти Эдгара Мура, оставляя сообщения с просьбой перезвонить ему как можно скорее. Я начала плакать, потому что вдруг решила, что тот же человек, который причинил боль моей маме, сделал то же самое с моим отцом. Я поверила, что осталась одна на свете и что у меня больше никогда не будет ни дома, ни семьи.

На лице Ноа застыло странное безэмоциональное выражение, как будто он не хотел, чтобы она знала, о чем он думает.

— Где они его нашли? — спросил он.

— Я не знаю. — Она вздохнула. — В конце концов, за мной приехала бабушка и отвезла меня к себе домой. Я никогда не испытывала такого облегчения за всю свою жизнь. После этого я, должно быть, снова заснула, потому что, когда проснулась, папа нес меня в мою спальню в нашем доме в Ларкине.

— Ты знаешь, в каком это было часу?

— Нет, но уже рассвело, потому что папа подошел к окну и закрыл шторы, чтобы не светило солнце, прежде чем выйти из комнаты.

— Что-нибудь еще?

Винтер попыталась вспомнить что-нибудь после того, как ее бабушка вошла в кухню. Вполне возможно, что Винтер настолько вымоталась, что упала в обморок, как только бабушка взяла ее на руки. И она твердо знала, что не просыпалась, пока не вернулась в Ларкин.

Однако оставались и другие воспоминания о том времени, когда она была старше, которые не давали ей покоя.

— Я больше ничего не помню о той ночи, но есть несколько споров между бабушкой и отцом, которые теперь обретают смысл, — призналась она.

— О чем они спорили?

— Я слышала только кусочки, но бабушка обвиняла отца в том, что его не оказалось рядом, когда я больше всего нуждалась. Всегда думала, что она имела в виду часы, которые он работал, пока я сидела дома одна. Но, возможно, она злилась, потому что его не могли найти в ту ночь, когда убили мою маму.

Ноа выдержал ее взгляд.

— Это может быть и то, и другое.

— Верно, — согласилась Винтер. Оглядываясь назад, можно легко понять едва скрываемую неприязнь ее бабушки к Эдгару Муру. Труднее угадать, что могло послужить первопричиной. Вина ли она Эдгара за безрассудное поведение Лорел? Или это обида за то, что он не сумел стать таким заботливым отцом, какого, по ее мнению, заслуживает Винтер? Или дело кроется в чем-то более скверном? Винтер почувствовала тошноту. — Ноа.

Он провел ладонью по ее щеке.

— В чем дело?

— Я не могу поверить, что мой папа мог обидеть мою маму, — прошептала она. — Я просто не могу.

— Нам известно только то, что в тот вечер его не было в офисе. — Он наклонил голову и нежно прижался губами к ее рту. — Все остальное — лишь домыслы.

— Почему он не отвечал на звонки в тот вечер?

— Мы спросим его. — Еще один поцелуй. На этот раз дольше, глубже. — Завтра.

— Ноа. — Она подняла руку, чтобы слегка погладить синяк на его виске.

Наклонившись вперед, он прижал ее к подушкам дивана, его глаза потемнели от лукавого искушения.

— Для одного дня достаточно.

Было чуть за восемь утра, когда Ноа въехал на подъездную дорожку перед выцветшим домом в стиле ранчо. В районе царил сонная воскресная атмосфера, которую трудолюбивые жители Ларкина ревностно оберегали. Позже они выйдут из своих домов, чтобы посетить церковь или собраться вместе на поздний завтрак. Пока же они наслаждались ощущением покоя.

Выключив двигатель своего джипа, он посмотрел на Винтер на пассажирском сиденье.

Она выглядела спокойной и умиротворенной. Ее роскошные волосы собраны в гладкий хвост, на ней мягкий розовый свитер и выцветшие джинсы, которые обтягивали ее ноги с удивительным совершенством. Но в утреннем свете он увидел морщины напряжения на ее бледном лице.

Винтер проспала всю ночь в его объятиях, но сон не отличался спокойствием. Она металась, ворочалась и бормотала невнятные слова. Его первым побуждением было оставить ее дома. Он хотел, чтобы она оставалась под надежным замком, пока они не выяснят, что, черт возьми, происходит. Но она едва клевала тост, и Ноа мог сказать, что Винтер не будет счастлива, пока не убедится, что ее отец не замешан в убийстве матери.

Он пытался убедить Винтер, что может сам встретиться с ее отцом. Не нужно обострять их отношения уродливыми обвинениями. Не тогда, когда у них нет ничего, кроме смутных подозрений. Она решительно заявила, что поедет с ним. Но согласилась, что будет рыться в вещах матери в подвале, пока он будет разговаривать с ее отцом.

Не самый лучший компромисс, но это единственное, что ему удалось добиться.

Теперь Ноа потянулся, чтобы коснуться прядки волос, выбившейся из хвоста и прижавшейся к ее горлу.

— Ты готова?

Она не колебалась. Толкнув дверь, Винтер выпрыгнула из джипа.

— Идем.

Она бодро зашагала к крыльцу, и Ноа пришлось поспешить, чтобы догнать ее. Затем, когда они подошли к двери, решимость Винтер ослабла. Он видел, как исчезла краска на ее щеках и как задрожали губы.

— Спокойно. — Он обхватил ее за плечи и притянул к себе. — Я рядом.

Она откинула голову назад, чтобы встретиться с его твердым взглядом.

— Всегда? — Цвет вернулся, когда Винтер поняла, о чем только что спросила. — Подожди. Забудь, что я это сказала.

Ноа опустил голову, чтобы прижаться к ее губам быстрым поцелуем.

— Да, всегда, — пообещал он хриплым голосом.

Когда Ноа уже собирался углубить поцелуй, его прервал звук открываемой входной двери. Эдгар Мур, очевидно, услышал, как они въехали на подъездную дорожку. Выпрямившись, Ноа изучал отца Винтер, который смотрел на них настороженным взглядом.

В первую очередь он отметил, что на Эдгаре свободные брюки для бега и обычная толстовка. Ноа никогда не видел профессора ни в чем другом, кроме как в белой рубашке и черных брюках. Затем ему бросилась в глаза усталость Эдгара. Его лицо не просто бледное, а сероватого оттенка, что подчеркивало морщины, расходящиеся от налитых кровью глаз. Даже его волосы оказались взъерошенными, как будто он не удосужился расчесать их утром.

Ноа мог бы заподозрить, что Эдгар напился в стельку, если бы не ясность в его глазах. Даже очки не могли скрыть, что его ум, как всегда, острый как бритва.

— Винтер. — Эдгар нахмурился, переводя взгляд с дочери на Ноа. — Я не ждал тебя

этим утром.

— Мы можем войти?

— Конечно. — Эдгар отступил назад, пропуская их в гостиную. Когда они оказались внутри, он закрыл дверь и повернулся к ним лицом. — Для гостей еще рано.

— Я не в гости пришла, — объявила ему Винтер, ее голос дрожал от напряжения, которое Ноа чувствовал по ее телу.

Эдгар выглядел озадаченным.

— Тебе что-то нужно?

— Я хочу получить ключ от шкафа, в котором хранятся мамины вещи.

Эдгар дернулся от неожиданного требования.

— Почему?

— Потому что я хочу посмотреть на них.

— Зачем?

Винтер фыркнула. Ноа подозревал, что этот спор они вели в прошлом. Возможно, не один раз.

— Разве это имеет значение? — настаивала она.

Плечи Эдгара опустились, как будто на него внезапно свалился тяжелый груз. А может, это просто гравитация тянула его вниз.

— Ты разговаривала с доктором Томалин?

Винтер удивленно моргнула, услышав странный вопрос.

— С Эрикой? Нет, не разговаривала с того дня, как встретила ее в больнице у бабушки.

— Какое отношение Эрика имеет к Винтер? — Ноа вмешался в разговор. Очевидно, с бывшим терапевтом его и Винтер что-то связано.

— Ничего. — Эдгар поднял голову, чтобы запустить пальцы в свои спутанные волосы. — Я неважно себя чувствую сегодня утром.

— Что случилось? — спросила Винтер, мгновенно обеспокоившись.

— Я не мог заснуть. — Он кивнул в сторону двери. — На самом деле, как раз собирался вернуться в постель, чтобы немного отдохнуть. Мы можем встретиться в другой раз?

Ноа взглянул на Винтер, легко почувствовав ее колебания. Эдгар казался человеком, который использует чувство вины, чтобы манипулировать другими. Это не редкость для сыновей, чьи отцы имели склонность к издевательствам. И, без сомнения, Винтер обычно капитулировала. Она ненавидела конфликты. Однако сегодня утром выражение ее лица ожесточилось, а губы сжались в тонкую линию.

— Нет.

Эдгар моргнул, удивленный.

— Винтер...

— Вы могли бы отдать ей ключ, — перебил Ноа. Винтер нелегко противостоять своему отцу. Однако ему нет. — Как только закончим, мы уйдем, и вы сможете вздремнуть.

Губы Эдгара сжались, когда он увидел упрямое выражение лица Ноа. Бормоча себе под нос, он направился к журнальному столику рядом с низким диваном, скрытым вязаным вручную покрывалом. Подняв лампу, он достал ключ, спрятанный под основанием.

— Вот. — Вернувшись к Винтер, Эдгар вложил ключ ей в руку.

Винтер бросила на Ноа нерешительный взгляд. Она сомневалась, стоит ли оставлять его разбираться с отцом.

Он кивнул в сторону проема, ведущего в коридор.

— Иди. Я спущусь через несколько минут, — заверил он ее.

— Ноа...

— Иди.

Нехотя кивнув, Винтер повернулась, и вышла из гостиной. Ноа смотрел, как она уходит, и ему не нравилось, что они расстались. Он ведь не безумец. Ему не нужно постоянно следить за женщиной, которой принадлежит его сердце. Но мысль о том, что где-то есть человек, желающий ей зла, возможно, даже желающий ее смерти, заставляла Ноа терзаться всякий раз, когда Винтер исчезала из виду.

— Полагаю, я должен спросить, каковы твои намерения в отношении моей дочери? — Негромкие слова Эдгара, к счастью, вырвали Ноа из его мрачных мыслей.

— Я намерен жениться на ней и посвятить каждый день своей жизни тому, чтобы сделать ее счастливой, — ответил он без колебаний.

— А она чувствует то же самое?

Простой вопрос, но он не казался легким. Ноа знал, что Винтер нравится проводить время в его обществе. И что она хотела бы и дальше делить с ним постель. Но испытывала ли она такое же непреодолимое желание провести с ним всю оставшуюся жизнь?

Ноа поморщился.

— Этот вопрос лучше задать ей.

Эдгар сложил руки на узкой груди.

— Чего ты хочешь от меня?

— Я хочу понять, что на самом деле происходило между вами и матерью Винтер.

Эдгар задохнулся, явно потрясенный откровенным признанием Ноа.

— Мои отношения с женой — не твое дело.

Ноа пожал плечами.

— У Винтер есть вопросы, и она не будет удовлетворена, пока не получит на них ответы. Вы можете рассказать мне. Или дочери. Выбор за вами.

— Почему сейчас?

— Потому что она больше не верит, что смерть ее матери случайна. Она будет продолжать копать, пока не убедится, что знает правду.

Эдгар отвернулся, его спина напряглась.

— Я встретил Лорел, когда заканчивал аспирантуру. Она не походила ни на кого из моих знакомых, и я был ошеломлен.

— Любовь с первого взгляда, — пробормотал Ноа. Он несколько раз испытывал подобное ослепление. К счастью, оно быстро проходило, и он понимал, что это не более чем кратковременное безумие.

— Что-то вроде этого, — пробормотал Эдгар. — Мы встречались несколько недель, и мне предложили должность преподавателя в колледже Гранта. Я всегда этого хотел, поэтому согласился. И я попросил Лорел выйти за меня замуж, несмотря на то, что мы едва знали друг друга. Нам следовало подождать, но казалось, что она забудет меня, если я не отвезу ее в Ларкин. — Он медленно повернулся к нему лицом, демонстрируя страдание. — Не прошло и года, как стало понятно, что мы как масло и вода. Полные противоположности, которым не суждено достичь мира вместе.

— Ничего необычного, — заметил Ноа. — Многие люди спешат вступить в брак, а потом жалеют об этом. Почему вы не развелись?

— Это стало бы простым решением. Вместо этого мы устроили игру, наказывая друг

друга. Это было... — Эдгар издал странный смешок. — Токсично. Но вместе с тем игра вызывала привыкание, и никто из нас не хотел уходить. Особенно после того, как мы узнали, что Лорел беременна.

— Лорел была хорошей матерью?

Эдгар помрачнел.

— Моя жена никогда не хотела иметь ребенка. — Он поднял тонкую руку, когда Ноа собирался это прокомментировать. — Не пойми меня неправильно, Лорел обожала Винтер. Бывало, я вставал посреди ночи, а она сидела в детской и качала Винтер. Или стояла рядом с колыбелью, рисуя ее, пока дочь спала. Но Лорел находила материнство таким же угнетающим, как и роль жены. Она не хотела проводить дни дома с ребенком или, что еще хуже, посвящать бесконечные часы прогулкам, урокам танцев и дням рождения.

Ноа услышал горечь в голосе Эдгара. Он злился на то, что Лорел не проявила склонности к материнству.

— А вы хотели быть отцом?

Губы Эдгара скривились.

— Туше. Я так же не хотел жертвовать собой ради дочери. Я был честолюбив и посвятил все свое время и внимание колледжу. До последних нескольких дней я даже не осознавал, насколько эгоистично вел себя. А теперь... — Он позволил своим словам оборваться, с сожалением покачав головой.

Ноа не стал настаивать на продолжении. Возможно, Эдгар не самый внимательный отец, но он не был жестоким. И Винтер никогда не боялась, что у нее не будет стабильного дома и еды на столе. У многих детей жизнь складывалась гораздо хуже.

— Вы сказали Винтер, что ее мать намеревалась прекратить отношения с Дрейком Шелтоном в те выходные, когда ее убили, — произнес Ноа, нацелившись на информацию, которая имела для Винтер наибольшее значение. — Это правда?

Эдгару потребовалась секунда, чтобы ответить. Очевидно, тема слишком щекотливая, но, наконец, он спокойно поднял плечо.

— Да, но это обещание она давала дюжину раз по отношению к своим многочисленным любовникам.

Ноа изогнул бровь. Он попытался представить, что бы чувствовал, если бы узнал, что Винтер покидает его постель и ищет объятия другого мужчины. Это невозможно. Винтер не стала бы обманывать. Она могла бы сказать ему в лицо, что все кончено, и уйти, но она не умела играть в игры.

— И это вас не смущало? — спросил он.

Эдгар сузил глаза.

— Не настолько, чтобы ее убить, если ты намекаешь на это.

Ноа поднял руки.

— Я ни на что не намекаю, но кажется маловероятным, что вас не волновало, что ваша жена спит с другим мужчиной.

— К тому времени, как Лорел умерла, мы вели отдельную жизнь. Мы оставались вместе ради Винтер, но у нее были свои развлечения. — Он намеренно сделал паузу. — А у меня свои.

Ах. Ноа почувствовал острый укол неприязни. Мистер Мур позволил яркой неверности своей жены заслонить его собственные грехи. Ее называли шлюхой, а он мог играть роль страдающей жертвы. И все это время он сам был не менее виновен.

— У вас был роман.

Эдгар поджал губы, как будто почувствовал неприязнь Ноа.

— Это не просто интрижка. У меня были отношения. — Он посмотрел в сторону камина, не желая встречаться с осуждающим взглядом Ноа. — Мы встречались в ту ночь, когда умерла Лорел.

Что ж, это прояснило одну загадку, признал Ноа.

— Вот почему шериф не смог вас разыскать.

На сером лице Эдгара появился намек на цвет.

— Мы остановились в отеле за городом.

Ноа нахмурился. Если его жена уехала из города, зачем тратить деньги на гостиницу? Разве что девушка замужем, и он опасался, что ее муж может разыскивать ее. Или...

Бросив взгляд на камин, куда Эдгар смотрел, когда упомянул про роман, Ноа рассмотрел фотографии в рамке. Несколько из них изображали Винтер на различных школьных мероприятиях. И еще одна, побольше остальных, запечатлела Эдгара, стоящего в кабинете с темными панелями, которому лысый мужчина протягивает свиток. Оба мужчины одеты в академические мантии и широко улыбаются. Ноа решил, что это день, когда Эдгара назначили деканом английского факультета. Его внимание привлекла женщина, стоявшая рядом с Эдгаром и смотревшая на него с открытым обожанием.

Линда Бейкер.

— Ваша секретарша?

Эдгар прищелкнул языком в знак упрека.

— Она гораздо больше, чем просто секретарь.

Ноа вскинул бровь. В голосе Эдгара звучала яростная нотка, которая предупреждала, что его чувства не остались в прошлом.

— Вы все еще вместе?

— Да.

Ноа молча задавался вопросом, не подозревала ли Винтер каким-то образом, что у этих двоих отношения. Это могло бы объяснить ее инстинктивную неприязнь к Линде.

— Зачем держать это в секрете?

— Она работает со мной.

— Все очень просто, — сказал Ноа. — Женитесь на ней.

Эдгар вздрогнул, как будто Ноа предложил ему прыгнуть со скалы.

— Однажды я уже допустил эту ошибку. Больше не повторю.

Ноа уставился на него в недоумении. Он не думал, что когда-либо встречал более эгоистичного ублюдка. Эдгар Мур с радостью согласился заняться сексом с Линдой Бейкер, но не захотел признать их отношения законными. Он держал бедную женщину в ловушке грязной интрижки более двадцати пяти лет.

Это не просто злоупотребление властью, это оскорбление человеческой порядочности.

С усилием Ноа проглотил слова, которые вертелись у него на языке. Он планировал назвать этого человека своим тестем в самом ближайшем будущем. Начать их отношения назвав его тем еще хреном, казалось не самым лучшим решением.

— Значит, только страх перед браком не позволил вам сделать вашу секретаршу своей женой?

— Нет. — Эдгар наклонил голову, его взгляд остановился на обручальном кольце, все еще надетом на его палец. — Я всегда буду любить Лорел. Неважно, сколько раз она

разбивала мне сердце.

***

Винтер приготовилась к тому, что ей придется перебирать мамины вещи. Неважно, сколько лет прошло, травма от потери Лорел никогда не ослабевала. А тот факт, что ее забрали в результате такого бессмысленного акта насилия, только ее усугублял.

Но Винтер не ожидала той горько-сладкой радости, которая охватила ее, когда она разгружала коробку за коробкой. Она слышала историю за историей о своей маме. Одни хорошие, другие плохие, одни завистливые, другие с навязчивой любовью. Но в коробках хранились вещи, через которые мама говорила непосредственно с Винтер.

Старые ежегодники показывали яркого счастливого подростка с заразительной улыбкой и талантом приковывать к себе внимание. На каждой фотографии Лорел оказывалась в центре внимания, королевой пчел в маленьком улье. Она была чирлидером, президентом класса, членом суда выпускников, и, конечно же, ее творчество красовалось в каждом уголке средней школы. Имелись также фотографии Дрейка Шелтона. Он был молод, красив и лишен той напускной горечи, которая омрачала его черты, когда Винтер видела его всего несколько дней назад. Казалось, его ждет блестящее будущее.

Винтер прикоснулась к фотографиям, не в силах поверить, что две такие многообещающие души мертвы.

Она обратила внимание на альбомы, и сердце ее растаяло, когда поняла, что они заполнены ее детскими годами. Там лежали локоны ее пушистых белых волос, чернильные отпечатки ее крошечных ножек. На страницах наклеены ее бесконечные фотографии, но внимание Винтер привлекли наброски на обороте.

Простые угольные наброски, но каждый из них отражал самую суть Винтер в тот самый момент. Мягкий изгиб ее детских щечек. Любопытный наклон ее головы. Вытянутые руки и вихрь ее платья, когда танцевала под музыку, которую могла слышать только она.

Ее мать делилась с читателями не только великолепным талантом. Но и ее несомненной любовью к дочери.

Слезы текли по лицу Винтер, пока она разбирала коробки. Она не нашла того, что искала. Здесь не оказалось ни старых дневников, ни писем от таинственных любовников, которые могли желать ее смерти. Ни расписок сомнительным ростовщикам, ни ревнивых жен, которые хотели бы избавиться от нее.

Нет, она не нашла того, что хотела, но обнаружила то, что ей действительно нужно.

Запихнув последнюю коробку обратно в шкаф, Винтер уже собиралась закрыть дверь, когда заметила на верхней полке небольшой металлический контейнер. В таком обычно хранят важные бумаги.

Винтер заколебалась. Она искала личные вещи, а не деловые. Но с другой стороны, возможно, у нее никогда больше не будет возможности порыться в шкафу. Можно быстро заглянуть.

Схватив контейнер, она открыла крышку и взяла толстую пачку бумаг, сложенную внутри.

Беглого взгляда хватило, чтобы понять, что это какой-то официальный документ. Вверху значилось название адвокатской конторы, а ниже — куча слишком сложных слов, которые стоили 125 долларов в час.

Завещание.

Завещание ее матери.

Пролистав страницы, Винтер смогла расшифровать достаточно юридических терминов, чтобы понять, что большая часть того, что ей говорили о завещании, правда. Лорел создала трастовый фонд для Винтер. Она передала деньги колледжу на стипендию в области искусства и еще несколько небольших пожертвований местным художникам. Однако Винтер поразило то, как много завещано Тоне Нокс. Пятнадцать тысяч долларов — это больше, чем просто помощь нуждающемуся студенту в колледже. Неудивительно, что Тоня надеялась на эти средства открыть собственную студию. А еще наследство досталось ее отцу.

Сто тысяч долларов.

Для молодой женщины не так уж необычно иметь большую страховку жизни. Двести тысяч долларов — это лишь малая часть того, что она могла бы заработать, если бы работала полный рабочий день тридцать лет, или стоимость ухода за детьми и мужем. Что удивило Винтер, так это то, что ее отец все годы, пока она жила дома, едва сводил концы с концами.

Они не бедствовали. Ее отец получал приличную, если не сказать огромную, зарплату. И никогда не возникало сомнений в том, что на столе будет еда, а Винтер сможет иметь красивую одежду и заниматься любым хобби. Она брала уроки игры на фортепиано, танцев, каждое лето проводила неделю в драматическом лагере. Но ее отец носил одежду с распродажи, они никогда не ездили в отпуск, а когда ей исполнилось шестнадцать, Винтер поняла, что ей придется купить собственный автомобиль. Кроме того, отец дал ей понять, что если она хочет учиться в колледже, то только в Гранте, где обучение будет бесплатным.

Так куда же ушли деньги?

Положив завещание в коробку, Винтер закрыла шкаф и пошла обратно наверх. Она не знала, лучше или хуже ей стало теперь, когда заглянула в таинственные коробки, но она чувствовала себя более... цельной. Как будто в ее сердце заполнилась пустота.

Наброски в альбомах служили вещественным доказательством того, что ее мама заботилась о дочери. И что она проводила бесконечные часы, наблюдая за Винтер, пока та росла от младенца до девочки.

Войдя в гостиную, Винтер обнаружила, что двое мужчин стоят в нескольких футах друг от друга, а в воздухе витает напряжение. Вполне предсказуемо, учитывая, что Ноа пытался выяснить, не замешан ли ее отец в убийстве своей жены.

Когда она подошла и встала рядом с Ноа, отец бросил на нее усталый взгляд. Она никогда не видела, чтобы он выглядел таким измученным.

— Ты нашла, то что искала? — спросил он.

— В некотором роде. — Винтер облегченно вздохнула, когда Ноа обхватил ее за плечи. Молчаливое обещание, что ей не придется делать это в одиночку. Именно то, что ей сейчас нужно. — У меня есть вопрос.

Эдгар нахмурился.

— О твоей матери?

— О ее завещании.

— Ох. — Эдгар испытал странное облегчение. — Все довольно просто. Твое наследство поместили в траст до достижения тобой восемнадцати лет, и тебе полагались любые доходы от продажи картин твоей матери. Я предпочел оставить ее коллекцию в колледже, а не пытаться ее продать. Я предполагал, что ты захочешь сохранить ее в семье.

Винтер испытала глубокое облегчение от того, что коллекция ее матери не была разделена и продана. Она понятия не имела, сколько та может стоить, но не готова

расстаться ни с чем из нее.

— Дело не в моем наследстве, — сказала она, устремив взгляд на отца. — Речь о твоём.

Она явно застала его врасплох.

— О моем?

— Ты получил сто тысяч долларов.

— Да. — Он кивнул, выглядя смущенным. — Это то, что предложил агент по страхованию жизни. У меня такая же сумма в полисе.

— Это большие деньги. — Она окинула взглядом комнату, которая превратилась из уютной в обшарпанную. Ковер износился, мебель покосилась, а обои начали отклеиваться. — Что с ними случилось?

Эдгар пожал плечами.

— Я пожертвовал нескольким благотворительным организациям и расплатился за этот дом, чтобы тебе никогда не пришлось беспокоиться о жилье. Твоя мама хотела бы этого для тебя.

Винтер молча подсчитала, что все равно должно было остаться не менее пятидесяти тысяч долларов.

— А остальное?

— Я отдал их твоему дедушке.

Он говорил абсолютно спокойно, как будто Винтер должна понимать, что деньги предназначены старику.

— Почему?

— Ему приходилось неоднократно давать нам деньги во время нашего брака, — объяснил Эдгар. — Он даже взял кредит, чтобы расплатиться с кредиторами, которые угрожали привлечь твою мать к суду. Я хотел быть уверенным, что ему не придется беспокоиться о своих долгах.

Винтер поморщилась. Ее не шокировало, что у ее мамы накопились просрочки по кредитным картам, или что ее дедушка оплатил счет, но смущало, что бережливому и трудолюбивому Сандеру Муру могла понадобиться такая большая сумма денег. В конце концов, он унаследовал землю от своего отца, и до того, как его ранили, у него никогда не случалось длительных болезней. Она могла предположить, что он вполне обеспечен.

— Должно быть, у него было много долгов, — пробормотала она, с ужасом думая о том, что, возможно, именно необходимость постоянно выручать маму из долгов привела его к финансовым проблемам.

Словно почувствовав ее страх, отец ободряюще улыбнулся ей.

— Мелкие фермы в этом районе перестали быть прибыльными много лет назад. Твой дедушка не хотел с этим мириться, — сказал он ей. — Я дюжину раз говорил, что нужно продать ферму, пока она еще может приносить прибыль, но он чуть не откусил мне голову за одно только предложение. Он твердо решил удержать свою ферму, даже если это означало утонуть в долгах. — Его губы искривились. — Как капитан, идущий ко дну вместе со своим кораблем, я полагаю.

Винтер медленно кивнула. Сандер Мур всегда отличался упрямством. Она вспомнила, как он враждовал с одним из своих соседей. Дедушка утверждал, что участок пастбища, который тот использовал для выпаса овец, находится на его территории. Не имело значения, что он никогда не пользовался этой землей. Однажды ночью он приехал на тракторе и перепахал пастбище так, что на нем не осталось ни травинки. «Проблема решена», — сказал

он ей, и на его морщинистом лице появилась довольная ухмылка.

Покачав головой, Винтер вернулась к своему первоначальному вопросу.

— Почему бы не оставить себе хотя бы часть денег? Чтобы хватило на покупку новой машины или обновление дома?

Эдгар выглядел искренне потрясенным.

— Я не собирался наживать на смерти твоей матери, — огрызнулся он. — Возможно, я не самый лучший муж, но очень переживал, когда ее убили. Я не уверен, что когда-либо смирился с ее смертью. Не в своем сердце.

Слова эхом разнеслись по комнате, отскакивая от стен с вызывающим гневом. Винтер резко вздохнула. Она поверила ему. Не только в то, что он не собирался наживать на смерти Лорел. Но и в то, что он все еще любил свою мертвую жену.

Доказывало ли это, что он не причастен к ее убийству? Любовь так же опасна, как и ненависть, не так ли? Может быть, даже опаснее. Но пока она хотела верить, что отец понятия не имеет о том, что произошло в ту ужасную ночь.

— Я собираюсь в больницу навестить дедушку, — сказала она мягко. — Не хочешь поехать с нами?

Эдгар поднял руку, чтобы провести пальцами по волосам, его плечи снова поникли.

— Нет, я должен подготовиться к завтрашнему дню.

— А что будет завтра? — спросила Винтер.

— Я собираюсь объявить о своем уходе.

Глава 23

Доктор Эрика Томалин поставила пустую кружку в раковину и взяла свою сумку с кухонного стола. Она хотела выпить еще одну чашку кофе. Ночь прошла беспокойно, и желание посидеть за столом, читая утреннюю газету и позволяя очередной порции кофеина просочиться в кровь, казалось весьма заманчивым.

Только уверенность в том, что мать будет ждать ее воскресного визита, заставила Эрику направиться к двери, ведущей в пристроенный гараж. Она поместила мать в дом престарелых три года назад после тяжелого инсульта, в результате которого пожилая женщина оказалась частично парализованной. Поездка занимала два часа, но хотя удобнее отдать мать поближе, у Эрики хватило опыта работы консультантом, чтобы понять, что отношения с ней лучше, когда между ними остается пространство.

Как там говорилось в старой поговорке? Расстояние смягчает сердце? Что-то вроде этого.

Она задержалась, чтобы натянуть жакет поверх свитера цвета слоновой кости, который подобрала к черным брюкам, и пригладила волосы, собранные в тугий пучок на затылке.

Ее мать требовала, чтобы Эрика одевалась безупречно, всякий раз, когда приезжала в гости. Ее одежда, макияж и прическа обязательно проверялись орлиным взглядом пожилой леди. Затем мать проводила следующий час, объясняя Эрике, что именно не так с ее нарядом, помадой или прической. А следующий час посвящался тому, почему Эрика не может найти достойного мужчину для замужества.

Неважно, что Эрика не интересовалась мужчинами. Или замужеством, если уж на то пошло.

Проглотив вздох, она толчком открыла дверь и шагнула в тенистый гараж. Эрика понимала, что любовь и забота могут выражаться по-разному. Так получилось, что ее мать выбрала постоянную критику. И если быть честной, именно это постоянное неодобрение

превратило Эрику в идеального психотерапевта. С раннего возраста она научилась приспособливаться и создавать любой фасад, необходимый для того, чтобы успокоить свою ворчливую родительницу.

Теперь она могла быть тем, кто нужен пациенту, сидящему напротив нее. Суровым наставником, сострадательным слушателем, другом, который готов поддержать.

Эрика как раз вынимала ключи из сумочки, когда позади нее раздался слабый звук. Повернувшись, чтобы выяснить, что это такое, Эрика получила удар монтировкой по лицу. Или это бейсбольная бита? Впрочем, это уже не имело значения.

Конечным результатом стал взрыв боли, от которого она упала на колени, а за ним последовала приливная волна тьмы, которая, к счастью, смыла боль.

***

Лежа в постели, Ноа прижимал к себе Винтер, а она проводила пальцами по его обнаженной груди. Они только что занимались любовью, и Ноа почти погрузился в сон. День выдался долгим. Не только неприятная встреча с Эдгаром, но и долгие часы, проведенные в комнате ожидания. Сандер держался, но все еще находился без сознания в отделении интенсивной терапии. Ноа знал, что Винтер больно видеть старика таким уязвимым.

Как только часы посещения закончились, он настоял на том, чтобы она вернулась в коттедж на ужин. И бутылку вина. Они намеренно избегали разговоров об убийстве, смерти или больных родственниках. Им просто хотелось побыть вместе.

Винтер предложила пораньше лечь спать. Ноа не стал возражать. Он почти побил рекорд скорости, подняв ее с дивана и отнеся в спальню. Теперь все, что он хотел сделать, это закрыть глаза и погрузиться в сон.

Только напряжение, которое он чувствовал в Винтер, не давало ему уснуть. Она явно пыталась забыть о событиях прошедшего дня.

— Я не понимаю, — наконец пробормотала она.

Он прижался губами к ее макушке, вдыхая травяной аромат ее локонов.

— Так можно сказать о многом.

— Почему мой отец подал в отставку? — уточнила она. — Он посвятил свою жизнь получению должности декана.

Ноа не пришлось долго размышлять над этим вопросом. Имелось лишь несколько причин, по которым слишком амбициозный человек, посвятивший годы своей карьере, мог бы уйти. Плохое здоровье... или скандал.

— Я бы предположил, что это как-то связано с его секретаршей, — сказал Ноа. Он рассказал, что Эдгар признался, что встречался с Линдой Бейкер в ночь смерти ее матери. И что они были в отеле, когда шериф пытался дозвониться до него.

— Потому что он спит с ней? — В приглушенном свете прикроватной лампы Ноа заметил, как сжалась челюсть Винтер. — Очевидно, он делал это годами. Зачем ему бросать работу сейчас?

Ноа задавался тем же вопросом. Объяснение этому только одно.

— Официального расследования смерти твоей матери может и не быть, но в конце концов люди начнут задавать неудобные вопросы, — напомнил он ей. — Лучше, если он больше не будет связан с колледжем, прежде чем ему придется отвечать на эти вопросы.

Она задрожала, прижимаясь ближе к его обнаженному телу.

— Это все так ужасно.

— Отношения твоего отца с Линдой?

— Ну, да. Она такая сука, — согласилась Винтер, ее голос приобрел нехарактерно язвительный оттенок. — Но я имею в виду все.

Он провел губами по ее виску.

— Опять же, это касается множества вещей.

— После того, как открыла конверт, оставленный шерифом Янсенем, я рассчитывала узнать правду. — Винтер сделала паузу, несомненно, представляя свою жизнь, если бы никогда не пересекалась с Киром Янсенем и не рассматривала возможность, что смерть ее матери всего лишь трагическая случайность, связанная с тем, что та оказалась не в том месте и не в то время. — Теперь я до сих пор не знаю, кто стрелял в маму, в то время как три человека мертвы, мой дедушка борется за свою жизнь, а карьера моего отца разрушена. — Она тяжело вздохнула. — Я же говорила, что это ящик Пандоры.

— А я говорил тебе, что прошлое никогда не остается похороненным, — пробормотал Ноа, крепче обнимая Винтер. Она ни в чем не виновата, и будь он проклят, если позволит ей потратить хоть секунду на самобичевание. — Мы найдем того, кто стоит за этим безумием.

— Как?

Ноа пожал плечами. У него не нашлось хорошего ответа, но он оставался оптимистом. Они каким-то образом привели в движение цепь событий, как падающие костяшки домино. Но, как и в случае с домино, одна доля просчета приведет к тому, что все закончится.

— До сих пор убийце везло. В конце концов он совершит ошибку, — успокоил он ее.

— Ты уверен, что это он?

Ноа моргнул. Он не думал о том, что это может быть женщина. Сексизм, конечно. Женщина с такой же вероятностью может быть убийцей, как и мужчина. Вглядываясь в бледное лицо, он собирался продолжать уверять Винтер, что кошмар закончится, но внезапно стало трудно сосредоточиться на чем-либо, кроме ощущения ее тела, прижатого к нему.

— Единственное, в чем я уверен, — это в тебе, — признался Ноа, обхватив ладонью ее щеку. — И в том, как правильно, что ты делишь со мной этот дом.

Он чувствовал, как напряжение Винтер ослабевает, когда она прижималась к нему. Была ли она так же, как и он, готова изменить разговор?

— Не просто правильно, а очень правильно?

— Очень, очень правильно.

— Чертовски правильно.

— Я надеюсь на это. — Он окинул ее взглядом, и в животе у него заплясали бабочки. Как будто ему снова семнадцать, и он приглашает девушку на выпускной бал. Только это еще больше, и гораздо, гораздо важнее для его долгосрочного счастья. — Ты останешься?

Винтер откинула голову назад, выражение ее лица не поддавалось прочтению.

— Ты уверен, что хочешь сделать это предложение сейчас?

— Почему мне не быть уверенным?

— Многое происходит. — Она сделала паузу, как бы обдумывая свои слова. — Это могло усилить твои эмоции.

— Это лишь прояснило их, — заявил он.

— Что именно прояснило?

Ноа улыбнулся, бабочки улетели, когда чувство абсолютной правоты поселилось в

центре его души. Он не нервничал, напротив, чувствовал решимость.

— То, насколько особенными были наши отношения.

Она провела рукой по его груди, ее прикосновение казалось неуверенным.

— Потому что сначала мы были друзьями?

— Потому что это всегда происходило именно так, как нам нужно, — поделился он. —

Когда мы были молоды, нас объединяло общее чувство потери. Потом мы поддерживали друг друга, пока концентрировались на карьере, постоянно присутствуя рядом без требований, которые ни один из нас не был готов выполнить.

— А сейчас?

— Любовники, которые будут сражаться до смерти, чтобы защитить друг друга.

Она обдумала его слова, и наконец-то ее губы тронула слабая улыбка.

— Не похоже на самую романтическую историю любви.

Ноа не обиделся. У его родителей была мирная любовь. У них никогда не возникало пылких споров, за которыми следовали страстные часы за закрытой дверью. Они не бросались друг в друга вещами и не убегали, угрожая никогда не возвращаться.

Когда-то отец сказал ему, чтобы он никогда не женился на женщине, которая сводит его с ума, какими бы захватывающими ни казались отношения в тот момент. Фейерверки и ярость вскоре теряют свою привлекательность.

«Мужчине нужно тихое место, чтобы приземлиться в конце дня, — говорил его отец. — Найди это уютное место...»

— Ты испытала на себе последствия, когда эмоции выходят из-под контроля, — напомнил он ей. — Большие страсти, одержимость и трагические концовки — это прекрасно в опере. Я предпочитаю стабильную, преданную, верную любовь.

Ее блестящие глаза потемнели от эмоций, которые отозвались внутри Ноа. Огромная, постоянно расширяющаяся любовь, которая стала больше, чем его сердце. Или его душа. Она... просто неизмерима.

— Я тоже, — прошептала Винтер.

— Так ты останешься?

— Ты очень настойчив.

— Это часть моего обаяния.

Она изогнула брови.

— Упрямство — часть твоего обаяния?

— Я тверд в своей решимости. Это отличается от упрямства.

Она забавно фыркнула.

— Ах. Я рада, что ты прояснил мою путаницу.

Он перекатился на бок, устроившись на подушке так, что они оказались нос к носу.

— Ты когда-нибудь ответишь на мой вопрос? Ты останешься?

Она скользнула рукой по его груди к шее и притянула его к себе. Их губы встретились.

— Только попробуй избавиться от меня.

— Никогда. — Он поцеловал ее губы, а затем двинулся вниз по телу. — Никогда, никогда, никогда...

Глава 24

Эрика пришла в себя с больной головой и пересохшим ртом. С минуту она оставалась совершенно неподвижной. Как животное, свернувшееся в клубок, боялась, что любое движение может привлечь внимание хищника. Она не знала, где находится и что произошло,

но инстинктивно понимала, что в опасности.

Заставив себя сделать медленный, глубокий вдох, Эрика впитывала окружающую обстановку.

Она лежала на чем-то твердом и холодном. Это не походило ни на цемент, ни на дерево. Она не знала, что это такое. Воздух казался затхлым и спертым, ни намек на ветерок. Она внутри? Да. Даже с закрытыми глазами Эрика чувствовала крышу над головой.

Затем она сосредоточилась на любых звуках.

Ничего не слышно. Если не считать мучительного дыхания и стука сердца, отдававшегося эхом в ушах. Абсолютная тишина, которая возникает в замкнутом пространстве. Подвал. Погреб. Хранилище. Тюрьма...

Страх пронзил Эрику, но она мрачно поборолла панику. Сейчас ей нужен ясный ум и план действий.

Она осторожно открыла глаза, с облегчением обнаружив, что не заперта в багажнике своей машины.

Это последнее нечеткое воспоминание, которое у нее осталось — она только что вышла из дома и шла через гараж к своей машине, когда ее ударили сзади.

Как давно?

Ее взгляд переместился на маленькое прямоугольное окно под низким потолком. На улице уже ночь. Это объясняло удушающую темноту, давящую на нее. И почему у нее так пересохло во рту. Она пролежала в отключке несколько часов.

Следующий вопрос: Где она?

Ее взгляд остановился на деревянных полках, выстроившихся вдоль кирпичных стен, и старомодном угольном желобе, едва различимом во мраке. Это напомнило Эрике подвалы под местными фермерскими домами. Место для хранения запасов еды на зиму, угля и дров, а также безопасное помещение, где можно переждать бурю. Но не комфортная гостиная для приятного отдыха.

Эрика медленно перекатилась на спину. Голова раскалывалась, затекшие мышцы протестовали, но из тени не выскочил безумный убийца. Она собиралась считать это победой.

Досчитав до десяти, Эрика села. Голова все еще болела, но туман начал рассеиваться.

Итак, сейчас ночь, и она находится в подвале. Она уже подозревала, что ее доставил сюда человек, который прятался в ее гараже. Но не знала, кто это сделал и что ему от нее нужно.

Собрав все свое мужество, Эрика решительно поднялась на ноги. Ее колени ослабли, равновесие оставалось сомнительным, но она не упала. Еще одна победа.

Убедившись, что не упадет, она медленно повернулась на месте. За пыльными полками и короткой деревянной лестницей в узком пространстве не просматривалось ничего.

Она не знала, почему ее оставили одну. И сколько времени осталось до возвращения похитителя. Но подозревала, что любая надежда на побег сводилась к тому, что или сейчас, или никогда. Она сделала шаг, затем остановилась, сердце застряло в горле. Ничего. Она сделала еще шаг. И еще один. Потолок с открытыми балками был настолько низким, что задевал ее макушку, а на лицо налипали паутины. Эрика вздрогнула, но продолжала пробираться вперед.

Сейчас или никогда, напомнила она себе.

Она добралась до ступенек и поднялась по ним с той же медленной, методичной

скоростью, отказываясь думать о том, что там, куда она идет, может быть еще хуже, чем здесь.

Когда она была аспиранткой в Университете штата Айова, Эрика ехала домой с вечеринки с подругой. Дороги тогда сильно обледенели, и они съехали в кювет. В то время мало у кого имелись мобильные телефоны, и им пришлось решать: оставаться в машине и ждать, пока кто-нибудь проедет мимо, или идти пешком через морозную ночь, чтобы найти помощь.

Эрика решила идти пешком, не желая сидеть и надеяться, что их спасут, вместо того чтобы взять ситуацию в свои руки. Наконец она нашла фермерский дом, чтобы позвать на помощь, но к тому времени, когда приехал эвакуатор, чтобы вытащить машину, ее подруга уже умерла. Бедная девушка не знала, что снег забил ее выхлопные трубы, и она умерла от отравления угарным газом, когда держала машину включенной, чтобы согреться.

Для Эрики это стало серьезным уроком.

Возьми ситуацию в свои руки или станешь жертвой.

Оказавшись на верхней ступеньке, она протянула руку. Ладонь коснулась гладкой древесины двери. В этом углу темнота казалась плотнее, и она начала искать ручку. Наконец она взялась за ржавую металлическую защелку и толкнула ее вниз.

Ее охватило разочарование, когда дверь не поддавалась.

Заперто.

Бросив всякую осторожность, она ударила рукой по двери.

— Эй! Есть кто-нибудь? — Бах, бах, бах. — Эй!

Она сделала паузу, прислушиваясь к любому ответу. Тишина. Эрика проглотила истерический всхлип.

Неужели кто-то запер ее здесь, чтобы она сгнила в этом подвале?

Кто мог совершить такое?

Эдгар Мур.

Это имя пронеслось шепотом в ее сознании.

У него хватало мотивов желать ее исчезновения. Она не только угрожала пойти в полицию, чтобы раскрыть факт, что Эдгар отсутствовал в офисе, как всем сказал в ночь убийства его жены, но и держала в своих руках судьбу его драгоценной карьеры.

Ни у кого больше нет причин причинять ей боль.

Так в чем же заключался его план?

Запугать ее, чтобы она держала рот на замке? Или что-то похуже? Намерен ли он оставить ее здесь? Нет. Ужас взорвался в ней, пробиваясь сквозь барьеры, за которыми она держала свою панику.

Нет ничего хуже, чем быть похороненной заживо. Ничего.

В бешенстве она колотила руками по двери. Как будто думала, что сможет пробить ее силой своего страха. Меньше всего она ожидала, что дверь резко распахнется.

С пронзительным криком Эрика влетела в маленькую кухню, больно приземлившись на руки и колени. Судорожно повернув голову, она обнаружила, что над ней кто-то стоит. Тусклый свет освещал фигуру, поэтому все, что она могла определить, это очертания невысокого человека, что-то держащего в руке.

Пистолет?

Господи. Какого черта она вообще приехала в Ларкин?

В одном ее мать права. Ей следовало найти хорошего мужчину и остепениться. Она

могла бы быть несчастной, но живой.

А теперь...

Эрика слышала выстрел, но у нее не хватило времени испугаться. Она умерла еще до того, как почувствовала, что пуля вошла в ее мозг.

***

Когда Ноа смотрел, как Винтер поднимается с кровати и надевает халат, было еще темно. Он не глядел на часы, но не сомневался, что сейчас еще не пять часов. Вот тебе и выходной.

Не то чтобы его волновал ранний час. Он с удовольствием проснулся бы, если бы это означало продолжение исследования восхитительного тела Винтер. Или хотя бы отправиться к близлежащему озеру, чтобы попытаться счастья с местной рыбой.

Но он не испытывал радости от того, что встал раньше солнца, чтобы отвезти Винтер на ферму ее деда. Место, которое наверняка ее расстроит.

— Я не хочу, чтобы ты туда ходила, — упрямо твердил Ноа. Нет, он не упрям, тихо напомнил он себе. Просто решительно придерживался своих намерений.

Винтер откинула свои белокурые локоны с лица.

— Я должна заботиться о своих растениях. Если они погибнут, я потеряю несколько тысяч долларов, а еще мне нужно пополнить кладовую «Винтер Гарден».

Ноа дернулся в шоке. Из-за всего происходящего он забыл, что со дня на день она должна вновь запустить свой ресторан.

— Ты собираешься открываться?

— Да.

— Когда?

— Завтра. — Она подняла руку, когда его губы разошлись в знак протеста. — Ноа, у меня есть сотрудники, которые зависят от стабильной зарплаты. Ресторан не может дальше простаивать.

Он не мог возразить. Сотрудники Винтер трудились вместе с ней с самого начала. Все они были верными и трудолюбивыми. Несправедливо просить их ждать несколько дней, а может и недель, чтобы вернуться к работе.

Это не прибавило ему желания отправиться на ферму Сандера.

— Позвони Оливеру и попроси его разобраться с теплицами, — посоветовал он.

Она покачала головой.

— У него и так много работы по хозяйству. Нечестно просить его делать больше. Кроме того, я никому не доверю свои драгоценные растения.

Ноа поднялся с кровати. Он знал, что такое кирпичная стена, когда врезался в нее головой.

— Ты собираешься настаивать?

— Да.

— Хорошо. Я оденусь и отвезу тебя туда.

Она нахмурила брови от его слов.

— Знаешь, мне, наверное, стоит одолжить дедушкин грузовик.

— Почему?

— Мой не будет исправен по крайней мере несколько дней, а мне понадобится транспорт, когда ресторан откроется и ты вернешься на работу, — заметила она, настолько

рассудительно, что спорить просто невозможно. — Как бы мне ни нравилось иметь своего личного шофера, все равно потребуется транспорт.

Ноа с ужасом вспомнил тот момент, когда грузовик остановился рядом с ним, и он увидел пистолет, направленный ему в голову. А если бы за рулем сидела Винтер? Смогла бы она вовремя распознать опасность? И если бы она успела, остался бы убийца, чтобы закончить дело?

От одной только мысли об этом у него стыла кровь.

Но опять же, Винтер права. Она не могла перестать жить своей жизнью.

— Мне все это не нравится, — ворчал он, перемещаясь по краю кровати, чтобы притянуть ее в свои объятия.

Она откинула голову назад, насмешливо улыбаясь.

— Да, я понимаю.

— Мы должны отправиться в хороший, долгий отпуск.

— Куда?

— Мы могли бы понежиться под солнцем в Майами. — Сердце Ноа сжалось от тоски. Он построил свой дом в Айове, и ему нравилось жить здесь, но какая-то часть его души всегда жаждала солнца и веселья, наполнявших дни его детства. — Я знаю лучшие пляжи, а еще потрясающий тайваньский ресторан. Мы даже получим семейную скидку.

— Звучит неплохо, — пробормотала она.

— Или мы можем отправиться в круиз на Багамы, — предложил он.

— Я никогда не жила на острове.

Во время учебы в колледже Ноа проводил лето, работая на зафрахтованной яхте, которая курсировала из Майами на Багамы. Этот опыт мог бы испортить ему настроение: места отдыха кишели шумными туристами и дешевыми безделушками. Но за пределами блестящих курортных городков он обнаружил несколько уединенных бухт, поражающих своей красотой.

— Белые пляжи, голубое небо и фруктовые напитки, — искушал он.

— Великолепно.

Ноа изучал ее тонкие черты. На губах Винтер играла улыбка, которая не достигала глаз.

— Но?

— Но я не могу оставить Ларкин, пока мой дедушка борется за свою жизнь.

— Полагаю, нет, — неохотно согласился он. Однако в глубине души пообещал себе, что увезет Винтер в романтический отпуск, как только закончится это безумие.

Встав на цыпочки, Винтер прижалась поцелуем к его подбородку.

— Я иду в душ.

— Тебе потереть спинку?

— Нет, иначе мы никогда не выберемся отсюда.

Ноа опустил голову, захватив ее мягкие губы поцелуем, который длился дольше, чем он намеревался.

— Таков план.

Она прижала руки к его груди и отступила назад.

— Иди сделай кофе или покорми своих гончих, — велела она, ее щеки покраснелись от желания.

С неохотой Ноа натянул одежду и занялся утренними делами. Как только они проверят растения и заедут в больницу, он надеялся заманить Винтер в соседний городок на ужин с

вином и десертом. Она заслужила пару часов, чтобы забыться и просто расслабиться.

Они вышли из дома и в комфортном молчании поехали на ферму Сандера. Ноа нравилось, что им не нужно заполнять воздух постоянными разговорами. Это указывало на легкость, которая редко встречалась между людьми. Подъехав к дому, он припарковался перед ним. Добраться до теплиц не так-то просто. Холм был слишком крут, чтобы ехать на машине, а Сандер слишком скуп, чтобы проложить подъездную дорогу через лощину.

Выключив двигатель, они вылезли из джипа, и Ноа направился к узкой тропинке.

— Подожди. — Винтер потянулась, чтобы взять его за руку. — Здесь кто-то есть.

Он остановился, оглянувшись через плечо. С запозданием он заметил черный «Вольво», припаркованный с другой стороны дома. Это был гладкий, блестящий автомобиль, который резко выделялся среди ветхих зданий и ржавеющего сельскохозяйственного оборудования.

— Ты знаешь эту машину?

— Нет.

— Я пойду проверю. — Вернувшись к джипу, Ноа достал свой служебный пистолет из запертого бардачка. — Ты останешься здесь.

Винтер прислонилась к джипу позади него, схватив охотничий нож, который также лежал в бардачке. Отступив назад, она посмотрела на него с вызовом.

— Ни за что. Я пойду с тобой.

— Винтер.

Она направила тяжелый нож в сторону близлежащего дома.

— Это собственность моего дедушки. Кроме того, я не хочу, чтобы ты случайно застрелил какого-нибудь бедного соседа, который зашел положить запеканку в морозилку или прибраться в доме, пока Сандер в больнице.

Он закатил глаза, направляясь через двор.

— Я обещаю не убивать никаких доброхотов. Но если есть угроза для тебя, я сначала стреляю, а потом задаю вопросы.

Винтер бросила на него укоряющий взгляд, но не стала спорить. Вместо этого поднялась по ступенькам и обогнула крыльцо по направлению к дому.

— Ноа.

Остановившись, она кивнула в сторону двери. Рассвет только забрезжил над горизонтом, и он увидел, что дверь закрыта не полностью. Вместе они шагнули вперед, и Ноа толкнул дверь достаточно широко, чтобы заглянуть в затененную кухню. Сначала там ничего не удалось разглядеть. Ни движения, ни чего-то необычного. Затем он услышал тихий вздох Винтер.

Его взгляд упал на пол. Рядом со стеной на полу лежала стройная фигура, вокруг ее головы, словно жуткий нимб, расплывалась лужа крови. Лицо было повернуто к ним, глаза широко раскрыты. Это придавало труп удивленный вид, который только усиливал ужас от этой мрачной находки.

— Эрика, — вздохнул он.

— О Боже, — воскликнула Винтер, делая шаг вперед. Как будто намеревалась броситься к убитой.

Ноа потянулся, чтобы схватить ее за руку.

— Нет, Винтер, оставайся здесь.

— Но...

— Это место преступления.

Винтер замолчала, цвет исчез с ее лица, когда она приняла то, что говорили ей ее глаза.
— Она мертва.

Ноа изучал кровь, которая вытекала из раны в центре лба. Она высохла до темного, тошнотворного коричневого цвета.

— Наверное, уже несколько часов, — сказал он.

— Ее застрелили?

— Я не эксперт, но похоже, что так.

В тишине они оба осознали, что женщина, которую они знали с подросткового возраста, лежит мертвая на полу. Много лет назад она стала его спасательным кругом. Устойчивой силой в мире, который выходил из-под контроля. Казалось невозможным принять тот факт, что кто-то мог уничтожить такую нежную, заботливую душу.

Несмотря на то, что неверие затуманило его мозг, Ноа все еще рассеянно отмечал отдельные детали. Его странно поразило то, что ее волосы наполовину собраны в аккуратный узел, а наполовину рассыпаны по спине. По одежде складывалось впечатление, что Эрика собиралась в офис или, возможно, в церковь, но на щеке у нее виднелись пятна. Неужели она участвовала в драке? И рядом с ней что-то лежало. Маленький серебряный предмет. Игла?

Странно.

— Почему она оказалась здесь? — Винтер ворвалась в его рассеянные мысли.

Сделав над собой усилие, Ноа заставил себя побороть шок, гудящий в нем, как импульс слабого тока. Вытащив из кармана телефон, он набрал 911 и сообщил о трупe. Затем, убедившись, что помощь уже в пути, посмотрел на Винтер.

— Она знала Сандера?

— Я уверена, что они встречались, но мой дедушка довольно резко высказывал свое мнение о психотерапевтах, — напомнила она ему. — Он вообще не хотел, чтобы я посещала группу психологической помощи.

Ноа нахмурился, пытаясь представить, что могло привлечь Эрику сюда.

— Может быть, она искала тебя?

Винтер колебалась, словно пытаясь вынырнуть из воспоминаний. Наконец она пожала плечами.

— Полагаю, это возможно. Не помню, говорила ли я ей, что останусь с тобой, или нет, когда она заходила в больницу. Она могла предположить, что я буду здесь, чтобы позаботиться о скоте.

Оглядевшись, Ноа заметил узкую приоткрытую дверь в кухне.

— Куда ведет эта дверь?

Винтер проследила за его взглядом, издав небольшой испуганный звук.

— Я и забыла, что она вообще есть. Она ведет в подвал.

— Что там внизу?

— Ничего. — Ее голос звучал твердо. — Моя бабушка использовала его как погреб для овощей и фруктов, которые она консервировала каждое лето, но после ее смерти он покрылся пылью и паутиной. Наверное, дедушка мог бы использовать его во время торнадо, но, насколько я знаю, подвал пуст.

Судя по положению тела, Эрика выходила из подвала, когда в нее стреляли. Или, возможно, она открывала дверь, и кто-то, поднимаясь из подвала, нажал на курок. Ноа мог осмотреть животное и установить причину смерти и основные обстоятельства

произошедшего. Он мог определить, застрелили ли оленя незаконно с дороги, или животное заманили на место ловушками с приманкой. Но здесь речь шла о человеке. Он совсем не умел разбираться в этом.

Тем не менее должна быть причина, по которой дверь оказалась открытой.

— Есть ли еще какой-нибудь вход и выход из подвала, кроме кухни?

— Там есть небольшое окно. Протиснуться будет трудновато. — Винтер сделала паузу. — И старый угольный желоб. У дедушки случались проблемы с животными, пролезавшими через него, так что думаю, он заколотил его гвоздями. — Она озадаченно нахмурилась, слезы заливали ее глаза, как будто Винтер только сейчас поняла, что это не просто кошмар. — Зачем кому-то пробираться в этот пустой подвал?

Ноа попытался и не смог представить доктора Эрику Томалин, пробирающуюся в грязный подвал в глуши.

— Понятия не имею, — признался он.

Винтер вздрогнула, вытирая слезы со щек.

— Это...

— Безумие, — закончил он за нее.

— Да, — согласилась она, еще одна дрожь сотрясала ее стройное тело. — Я чувствую, что мы попали в какую-то темную Страну чудес, где все бессмысленно.

Звук далеких сирен прорезал прохладный утренний воздух. Обхватив Винтер за плечи, Ноа притянул ее к себе.

— Давай уйдем отсюда.

Глава 25

Незнакомец притаился в лесу, чтобы полюбоваться на множество машин скорой помощи, собравшихся вокруг фермерского дома. Несмотря на расстояние, крик сирен эхом разносился по округе. Незнакомец содрогнулся от блаженства. Это не имело сексуального подтекста. Только извращенца может возбудить смерть. Но в бешеном хаосе ощущалась своя магия.

Огни мигали на дюжине машин. Красные, белые и синие. Такие яркие, что грозили ослепить собравшихся зевак. Захватывающее зрелище, даже если Незнакомец стоял слишком далеко, чтобы оценить весь эффект.

Все вышло не так, как планировал Незнакомец. Совсем не так.

Доктор Эрика Томалин не должна была в этом участвовать. Но она сунула свой нос в дела, которые ее не касались, а затем сделала тот роковой звонок. Это предопределило ее судьбу.

Не нашлось времени для адекватного планирования. Глупую женщину следовало заставить замолчать, прежде чем она поговорит с Винтер. Единственный выход — держать ее в плену, пока не появится возможность рассмотреть различные варианты. Слишком многое можно потерять, если допустить ошибку.

Только не сейчас.

После нескольких часов обдумывания одного необычного плана за другим, решение все-таки нашлось. Сучка должна исчезнуть. Копы могут заподозрить, но без тела невозможно определить, убили ее или она просто решила бросить прежнюю жизнь. Люди делали это постоянно.

Дождавшись наступления темноты, Незнакомец вернулся на ферму, намереваясь забрать женщину и увезти ее подальше от Ларкина. Кто мог подозревать, что она уже

очнулась? Распахнув дверь, Незнакомец запаниковал, когда вредная терапевт бросилась вперед.

Пытаться подойти достаточно близко, чтобы вырубить ее, слишком рискованно. В прошлый раз ее застали врасплох. В этот раз она, несомненно, будет сопротивляться.

Ничего не оставалось делать, как нажать на курок.

Теперь Незнакомец признал, что неудачный план, по крайней мере, имел некоторые преимущества.

На лице появилась улыбка, когда хаос заполнил пустоту внутри.

***

Через час Винтер закончила поливать свои растения и собрала спелые помидоры, салат и огурцы, нужные ей. Часть из них будет использоваться в ее ресторане, а остальные отправятся на продажу в ее ларек на фермерском рынке.

Ноа помогал ей грузить ящики на заднее сиденье джипа, когда знакомая женщина в униформе бегом спустилась по лестнице из дома и направилась к ним.

Когда прибыла первая волна сотрудников службы спасения, Винтер все еще находилась в состоянии шока и горя. Она наблюдала из объятий Ноа, как они бросились на кухню, и почувствовала смутное облегчение, когда увидела Шелли. Винтер не знала, была ли та на дежурстве или приехала, потому что подозревала, что смерть связана с ее текущим расследованием.

Именно Ноа предложил Винтер заняться делами, ради которых она сюда приехала. Несомненно, он надеялся, что отвлечение поможет ей оправиться от ужаса, вызванного обнаружением мертвого тела Эрики Томалин на кухне ее бабушки.

Она не уверена, что это сработало. Конечно, она больше не боролась с позывами к рвоте, но от избытка эмоций перешла к их недостатку. Как будто все отключилось, пытаясь защитить ее от шока.

— Спасибо, что остались, — пробормотала Шелли. — Я знаю, это нелегко.

— Я почти ничего не чувствую, — призналась Винтер.

Шелли устало вздохнула.

— Да, я понимаю.

— Ты за главного? — спросил Ноа, стоя чуть позади Винтер.

— Пока что. Агенты из главного управления будут здесь завтра. — Голос Шелли звучал очень ровно, поэтому невозможно определить, испытывает ли она облегчение или злится на то, что дело у нее отняли. Она потянулась в карман, чтобы достать электронный блокнот и стилус. — Но мне все еще нужно взять ваши показания.

— Это обязательно делать сейчас? — спросил Ноа.

Винтер оглянулась через плечо и ободряюще улыбнулась ему. Он постоянно находился рядом, пока она бездумно двигалась по теплицам. Что за песню пела ее бабушка? Что-то о тихой гавани. Ноа стал именно этой гаванью. Нет, он был таким с того самого дня, когда они впервые встретились все эти годы назад.

— Все в порядке, Ноа, — заверила она его, прежде чем вернуть свое внимание к Шелли. — Мы приехали сюда сегодня утром, потому что я хотела проверить свои теплицы. Система полива не настроена на таймеры, поэтому мне приходится делать это вручную. К тому же мне необходимы продукты для ресторана. Я открываю его завтра, а по вторникам я всегда готовлю овощной суп... — Винтер прервалась, поняв, что болтает без умолку.

Шелли что-то нацарапала в блокноте.

— Во сколько вы приехали?

— Рано, — ответил Ноа. — Чуть позже шести.

Шелли коснулась блокнота, пролистывая свои записи.

— Звонок поступил в шесть пятнадцать. Значит, вы зашли в дом, прежде чем отправиться в теплицы?

Винтер кивнула.

— Мы подъехали к дому и, выйдя из джипа, заметили машину. Она явно не принадлежала моему дедушке, и мы решили выяснить, кто приехал.

— И тогда вы обнаружили доктора Томалин?

— Да. — Довольно трудно произносить это слово, так как образ окровавленного лица и пустого взгляда Эрики пронесся в ее сознании.

— Вы заходили в дом?

Возможно, почувствовав внезапную тревогу Винтер, Ноа провел рукой по изгибу ее спины.

— Мы вошли в дверь, — сказал он Шелли. — Как только увидели Эрику, то остановились и позвонили девять-один-один.

— Вы видели кого-нибудь еще?

Ноа покачал головой.

— Нет.

Шелли подняла голову и окинула взглядом уединение фермы. Как говорится, палка о двух концах. С одной стороны, здесь легко можно прокрасться незаметно. С другой, если бы кто-то случайно проезжал мимо или работал на одном из дальних полей, он бы запомнил, что видел неизвестную машину, припаркованную у дома Сандера.

— Вы никого не встретили по дороге сюда? — уточнила Шелли.

— Нет, после того как мы свернули на гравийную дорогу, — ответил ей Ноа.

Шелли снова посмотрела на Винтер.

— Доктор Томалин ничего не говорила о том, что может приехать сюда?

— Нет. Она заходила в больницу после того, как моего дедушку ранили, но это единственный раз, когда я разговаривал с ней за последние месяцы. Она, конечно, не упоминала, что собирается посетить ферму.

Шелли нахмурилась.

— Она как-то общалась с Сандером?

Винтер попыталась придумать хоть одну правдоподобную причину, по которой Эрика и ее дедушка могли бы пересечься. Ничего не приходило.

— Нет, насколько я знаю.

— Ты уверена, что он не проходил терапию?

Резкий смех вырвался из горла Винтер.

— Да, уверена. Он предпочел бы жевать стекло, чем чтобы какой-то шарлатан копался в его мозгах. Это прямая цитата.

— Похоже на Сандера, — сухо согласилась Шелли.

Винтер повернулась к дому, где коронер готовился наконец-то увезти тело. Весь последний час местная полиция деловито фотографировала и сканировала территорию в поисках любых следов, которые могли бы привести к убийце. Винтер прижала руку к животу, борясь с очередной волной тошноты.

— Я действительно не могу представить, почему она оказалась здесь.

Шелли что-то написала на блокноте, прежде чем снова пролистать свои записи.

— Что ты можешь рассказать о сейфе твоего деда? — резко спросила она Винтер.

— Его сейфе?

— Разве ты не знала, что у него он есть?

Винтер понадобилась секунда, чтобы вспомнить маленький переносной сейф, который дедушка купил для защиты важных документов на случай пожара.

— О да. Он стоит в столовой рядом с посудным шкафом, — ответила она.

— Что он там хранил?

— Думаю, он держал там документы на ферму и свое свидетельство о рождении. Возможно, еще несколько бумаг.

— Что-нибудь еще?

Винтер начала качать головой, потом застыла.

— Он любил держать наличные. Так он платил своей уборщице, которая приходила раз в неделю, и тем, кто иногда помогал по хозяйству.

Шелли изогнула бровь.

— Сколько денег он там хранил?

— Где-то между сотней баксов и тысячей, — призналась Винтер.

— Много людей знало о сейфе?

— Он не держал его в секрете. — Винтер помрачнела. — Я предупреждала дедушку, чтобы он не хранил такие деньги в доме. Лишний соблазн. Но он настаивал, что его винтовка отпугивает злоумышленников.

— Почему ты спрашиваешь о сейфе? — поинтересовался Ноа.

Шелли сделала паузу, как бы раздумывая, отвечать на вопрос или нет. Затем, возможно, поняв, что скоро ее отстранят от дела, она пожала плечами.

— Он стоял открытым, и документы валялись на полу.

— Денег не было? — спросила Винтер.

— Нет.

Земля, казалось, сдвинулась под ногами Винтер. Она просто предположила, что смерть Эрики как-то связана с теми ужасными вещами, которые происходили с тех пор, как она начала задавать вопросы о прошлом. Но если кто-то оказался на ферме, чтобы украсть деньги, то, возможно, это никак не связано.

Если только...

— Вы же не думаете, что доктор Томалин приехала, чтобы ограбить моего дедушку? — потребовала Винтер.

— Нет, но она могла помешать вору, — заметила Шелли.

Винтер обхватила себя руками. Она и сама могла додуматься до этого. Но, опять же, ее мозг не работал на оптимальном уровне. Слишком много шока. Или, может быть, слишком много потрясений.

— Но это не объясняет, что Эрика вообще делала в доме.

Рядом с ней Ноа внезапно напрягся, его дыхание вырывалось между стиснутыми зубами.

— Черт. Точно, — пробормотал он.

Винтер повернулась, чтобы изучить его напряженное выражение лица.

— Что?

— Когда мы только вошли на кухню, я заметил что-то серебристое на полу рядом с телом Эрики. Я подумал, что это игла. — Он посмотрел в сторону Шелли. — Но это же серебряная зубочистка?

Шелли кивнула.

— Я предположила, что она принадлежала Сандеру.

— Никак нет. — Тон Винтер оставался непреклонным. — Мой дедушка никогда не пользовался зубочисткой. И уж точно он не стал бы тратить деньги на серебряную.

Внимание Шелли обратилось к Ноа.

— Ты узнал ее?

— На днях я выпивал с Джем Уилером в «Свинье и Свистке», — поделился с ней Ноа. — У него была точно такая же.

Шелли записала информацию в свой блокнот.

— Это отец Оливера Уилера?

Ноа ответил.

— Да.

Шелли выглядела рассеянной, когда убирала блокнот и стилус. Несомненно, она переваривала новую деталь и без того странного утра.

— Он мог знать, что Сандер в больнице, — сказала она медленно, как будто проговаривая свои мысли вслух.

Винтер кивнула.

— И он работал на ферме достаточно долго, чтобы знать, что мой дедушка хранит наличные в сейфе. Возможно, он даже знал, что ключ от сейфа дедушка прячет в ящике для столового серебра.

Шелли напряглась.

— Думаю, я поговорю с Джем Уилером.

— Он остановился у матери Олли. — Винтер едва успела закончить фразу, как к дому подъехал знакомый фургон.

— На ловца и зверь... — пробормотал Ноа, когда Олли вылез из машины и направился к джипу.

На нем был обычный комбинезон с вышитым на кармане именем и кепка на голове. Он смотрел в сторону дома, где врачи скорой помощи спускали по ступенькам крыльца каталку, накрытую простыней.

— Что происходит? Что случилось?

Шелли шагнула к Олли, положив руки на бедра.

— Могу я спросить, что ты здесь делаешь?

— Я пришел выполнить работу по хозяйству, — сказал он потрясенным тоном, сжав руки в кулаки. — Это Сандер?

— Нет, он все еще в больнице, — заверила его Винтер.

Олли испустил медленный, дрожащий вздох.

— Слава Богу.

Винтер сопротивлялась желанию протянуть руку и коснуться своего друга. Олли для дедушки был как сын. Даже ближе, чем родной сын Сандера. Приятно видеть, что кто-то действительно заботился о старике. Но сейчас не время. Шелли явно торопилась получить от него информацию.

— Ты можешь сказать мне, где твой отец?

Олли уставился на женщину-полицейского, нахмутив брови, словно пытаюсь осмыслить вопрос.

— Мой отец?

— Да.

— Он уехал из города.

— Когда?

Олли пожал плечами.

— Вчера днем.

Шелли не достала свой блокнот, но Винтер предположил, что она делает мысленные заметки.

— Знаешь куда он направился? — спросила Шелли.

— Нет. Наше расставание прошло не очень тепло.

— Почему?

Олли покраснел, переминаясь с ноги на ногу. Очевидно, на этот вопрос он не хотел отвечать.

— Я пришел домой пораньше с работы и застал его за погрузкой в машину моей электроникой. — Румянец Олли потемнел от смущения до гнева. — Я полагаю, он намеревался заложить ее. Я сказал, что он может убираться из города, или я вызову полицию и добьюсь его ареста.

Ноа и Винтер обменялись взглядами. Олли только что подтвердил, что его отец отчаянно нуждается в деньгах. И готов сделать все что угодно, чтобы их заполучить.

— И это последний раз, когда ты с ним разговаривал? — продолжила свой допрос Шелли.

— Да. — Странная эмоция промелькнула на лице Олли. — Подождите. Мой отец ранен? С ним что-то случилось?

Шелли подняла руку.

— Насколько нам известно, нет.

— Тогда почему спрашиваете о нем?

— Кто-то вломился в дом Сандера и вскрыл сейф.

— О. — Олли посмотрел в сторону Винтер, как будто она каким-то образом ответственна за эти назойливые вопросы. Затем, медленно, он снова повернулся к Шелли. — Почему вы решили, что это мой отец?

Шелли лишь слабо улыбнулась.

— Просто рассматриваю все возможности. Если услышишь что-нибудь о своем отце, дай мне знать. — Потянувшись в карман пиджака, она достала маленькую визитную карточку.

Вручив Олли визитку, она повернулась и направилась к машине скорой помощи, куда загружали тело Эрики.

— Я ничего не понимаю, — пробормотал Олли.

Винтер вздрогнула, почувствовав, как по позвоночнику пробежали мурашки. Ей казалось, что гроза собирается и надвигается прямо над ее головой.

— Добро пожаловать в клуб, — прошептала она.

Глава 26

Ноа свернул на главную дорогу, направляясь обратно в Ларкин. Рядом с ним в ошеломленном молчании сидела Винтер, ее лицо было бледным, а глаза омрачены печалью.

Его собственная скорбь по Эрике могла подождать. Как бы он ни ценил терапевта за умение вытащить его из трясины жалости к себе, которая грозила утопить, сейчас Ноа заботила Винтер.

Она все еще находилась в опасности, и теперь ей придется справиться с видом мертвого тела Эрики, лежащего на полу кухни ее деда. Есть момент, когда человек не может больше выдерживать стресс. Человек либо срывается, либо закрывается.

Ноа готов поспорить, что Винтер из тех, кто замыкается в себе.

— Хочешь вернуться в коттедж? — спросил он. — Ты можешь понежиться в ванне, пока я приготовлю нам обед.

Она оглянулась через плечо на ящики, загруженные в кузов его джипа.

— Мне нужно отвезти продукты в ресторан.

— Я могу завезти их позже, — заверил он ее.

— Нет. — Ее губы искривились в невеселой улыбке. — Я хочу быть занятой.

— Да, я понимаю.

Винтер подавленно вздохнула.

— Сколько их еще умрет? Тилли. Мона. Дрейк. Эрика. — Ее голос дрогнул, прежде чем она заставила себя продолжить. — Мой дедушка.

Ноа потянулся, чтобы взять ее за руку.

— Сандер слишком упрям, чтобы умереть.

Она вцепилась в его пальцы, как в спасательный круг.

— Надеюсь, ты прав.

— Я всегда прав.

Легкая улыбка коснулась ее губ, но тут же сменилась хмурым выражением.

— Это должно прекратиться, Ноа.

Ему не пришлось спрашивать, что она имела в виду. Это безумие распространялось по Ларкину. Как раковая опухоль, которая поглощала все и всех на своем пути. И лишь вопрос времени, когда она поглотит их.

— Может быть, офицерам департамента уголовного розыска, которые приедут завтра, повезет больше, чем Шелли. Уверен, у них больше подготовки в расследовании убийств и лучший доступ к криминалистическим лабораториям. По крайней мере, дело пойдет быстрее.

— Может быть. — Наступила тишина, пока он притормаживал джип и поворачивал на Седр-авеню. Затем Винтер резко воскликнула от досады. — Я пыталась представить, почему Эрика оказалась на ферме. Должно быть она искала меня.

— Это самый очевидный вариант, — согласился Ноа.

Она бросила на него изумленный взгляд.

— У тебя есть какой-то еще?

Ноа на мгновение задумался, стоит ли отвечать на этот вопрос. Они уже несколько дней гонялись за тенью и неясными подсказками, и ничего не добились, кроме еще большей загадки. И смерти. Стоит ли ему добавлять путаницы?

Тем не менее, это могло хотя бы отвлечь Винтер от нездоровой задумчивости.

— Это довольно неправдоподобно, — предупредил он.

— Жизнь сейчас вообще выглядит нереальной, — пробормотала Винтер, дрожь сотрясала ее стройное тело.

— Верно.

Она переместилась в своем кресле, чтобы изучать его, ее рассеянная печаль сменилась любопытством. Именно то, на что он надеялся.

— Расскажи мне.

— Что, если в доме твоего дедушки с Эрикой был Джей Уилер?

Ее брови сошлись.

— Это не так уж и надуманно. У кого еще может быть серебряная зубочистка? Обычно большинство людей в Ларкине не носят ее с собой, — напомнила она ему. — И из всего, что я слышала о Джее Уилере, он неудачник, который злоупотребляет щедростью своих друзей и семьи. Я уверена, что он без колебаний добавит в свое резюме мелкое воровство.

Ноа проехал мимо химчистки и небольшого парка, где проводились ежегодные городские фестивали. Рядом находился фермерский рынок, где Винтер установила свой еженедельный киоск.

— Что, если он не просто вор?

Она обдумала вопрос.

— Ты имеешь в виду, что он убил Эрику?

И снова Ноа замешкался. Затем пожал плечами. Что плохого в том, чтобы выдвинуть безумную теорию, которая, несомненно, окажется неудачной? Если уж на то пошло, это могло бы подтолкнуть к более логичному объяснению причины, по которой Уилер мог оказаться на ферме Сандера.

— Я просто размышляю вслух, но в Ларкине не возникало никаких проблем, пока Джей не вернулся в город, — заметил он.

— Он никак не связан со мной.

— Он связан с твоим дедушкой. — Ноа вспомнил свою короткую встречу с отцом Олли. — На самом деле, когда я разговаривал с ним в баре, он не потрудился скрыть свою горечь по отношению к бывшему боссу.

— И поэтому он решил его ограбить?

— Давай вернемся к началу, — предложил Ноа.

— К началу чего?

— К той ночи, когда умерла твоя мама.

Винтер вскрикнула, как будто получила физический удар.

— Серьезно?

Ноа послал ей извиняющуюся улыбку.

— Я хватаюсь за соломинку, — напомнил он ей, ненавидя себя за то, что пробуждает болезненные воспоминания. — Если ты предпочитаешь обсудить что-то другое...

— Нет, — прервала она его твердым голосом. — Хватайся за соломинку.

— Хорошо. Знаем ли мы, куда отправился Джей Уилер после того, как бросил семью и уехал из Ларкина?

Она обдумала его вопрос.

— Нет, — наконец признала Винтер. — В те несколько раз, когда Олли упоминал своего отца, он говорил, что Джей путешествовал. Я помню, он называл его бродягой.

Это именно то, что Ноа надеялся услышать.

— А что, если его путешествия проходили через Пайк?

— Зачем ему туда ехать? Это не самое популярное место.

— Случайное совпадение. Возможно, он проезжал мимо по пути в Ларкин, чтобы попытаться счастья со своей бывшей женой.

Она медленно кивнула.

— Такое возможно. Если ехать с востока, то, чтобы попасть в Ларкин, нужно проехать по мосту через реку Миссисипи. Самый очевидный маршрут проходит через Пайк.

— Допустим, он остановился на заправке, чтобы заправиться или взять сигарет. — Ноа попытался представить себе тот вечер. На часах одиннадцать вечера. Не слишком поздно, но центр Висконсина не похож на шумный мегаполис. Любой путешественник должен позаботиться о том, чтобы его бензобак оставался полным, и чтобы у него имелось все, что может понадобиться в пути. — И он видит твою маму.

— Он бы ее узнал, — согласилась Винтер, присоединяясь к его игре в угадайку.

— Да. — Ноа представил себе Лорел Мур, остановившуюся рядом с колонками. Она хорошо знакома со станцией и, несомненно, спешит заправить бак, чтобы поскорее отправиться в Ларкин. Оглядываться по сторонам смысла нет. Меньше всего она ожидала неприятностей в своем маленьком родном городке. — Джей либо внутри магазина, либо сидит в своей машине. Он видит, как твоя мама выходит из машины, чтобы заправиться, и на него нахлынули воспоминания о прежней жизни.

— Жизни, от которой он сбежал, — напомнила она ему.

— Не в его понимании. Джей Уилер — один из тех парней, которые всегда считают себя жертвой, и он винит Сандера во всем, что пошло не так, — заметил он. Ноа постоянно сталкивался с такими людьми, как Джей. Они браконьерствовали на частных землях, потому что чувствовали свое право. Или разбивали лагерь в охраняемых диких землях и разрушали естественную среду обитания. Они думали, что законы на них не распространяются. — За то короткое время, что я с ним разговаривал, Джей жаловался, что ему мало платят, и он вынужден работать как раб, а его сын его не уважает. И что еще хуже, он возмущался тем, что твой дед унаследовал семейную ферму. Он убежден, что Сандер смотрит на него свысока.

Винтер поморщилась.

— Я не удивлена. Дедушка может быть снобом. — Ноа держал свои мысли о Сандере Муре при себе. Вместо этого он сосредоточился на том, что могло произойти той ночью.

— Хорошо, предположим, что Джей сидит в своей машине, возможно, под кайфом или пьяный, и видит твою маму. Он мог решить, что она будет идеальным средством для наказания Сандера.

— Почему бы просто не ограбить дедушку? — спросила Винтер, не желая спорить. Она играла роль адвоката дьявола. Именно то, что ему нужно, чтобы указать на возможные дыры в его безумных предположениях.

— Такие люди, как Джей Уилер, не планируют. Они авантюристы. — сказал он твердо. Ноа не сомневался, что любое преступление Джея будет совершено исключительно под влиянием случая. — Твоя мама там, похоже, одна. Почему бы не использовать ее, чтобы получить часть того, что ему причитается от семьи Мур?

Винтер сдавленно хмыкнула. Что-то среднее между смехом и рыданием.

— Тем более что в ее бумажнике, вероятно, лежали деньги моего дедушки.

— Именно.

Винтер понадобилась секунда, чтобы восстановить контроль над своими эмоциями. Затем, прочистив горло, она продолжила его дикие догадки.

— Это не объясняет, почему он ее убил.

С этой частью Ноа справился легко.

— Она знала Джея достаточно хорошо, чтобы опознать его даже в надвинутой на лицо лыжной маске. Его глаза. Или его голос.

— И он запаниковал и нажал на курок?

Ноа остановился на перекрестке с четырехсторонним движением. Чем больше он думал об этой теории, тем более сомнительной она казалась.

— Я предупреждал тебя, что это надуманно.

— Это такое же хорошее объяснение, как и любое другое, которое мы выдвигали, — возразила она. — И оно объясняет, почему ничего не происходило долгие годы. Если убийство мамы просто безрассудная случайность, то Джей сделал бы все возможное, чтобы не привлекать к себе внимания.

Ноа проехал перекресток, его воображение переместилось за пределы смерти Лорел на текущие события.

— Теперь осталось понять, как он мог узнать, что шериф передал тебе фотографию.

— Может быть, он не проезжал через Пайк. Может быть, он переехал туда в какой-то момент, — предположила Винтер. — Он мог увидеть меня на кладбище и проследить до старого дома шерифа.

— А зачем ему приходиться на кладбище? — спросил Ноа, взяв на себя роль адвоката дьявола.

Она пожала плечами.

— Это была двадцать пятая годовщина смерти моей мамы.

— Сомневаюсь, что Джей Уилер сентиментальный парень, — сказал он сухим тоном.

— Верно, — согласилась она, рассеянно обдумывая альтернативные теории. — Что, если Тилли узнала Джея той ночью и связалась с ним после того, как мы заехали к ней домой? — наконец предложила она.

Ноа въехал на пустую стоянку и припарковался рядом с рестораном Винтер. Отстегнув ремень безопасности, он повернулся лицом к ней, вспоминая их встречу с Тилли.

— Но зачем ей звонить ему? Шантаж? — Они провели в компании бывшей кассирши меньше десяти минут, а она уже пыталась найти способ получить от них деньги. Она явно отчаялась, и он не сомневался, что Тилли способна пойти на шантаж, если ей удастся получить несколько баксов.

Винтер отстегнула свой ремень безопасности.

— Или чтобы его предупредить.

Ноа дернулся. Да. Это имело смысл. Женщина явно лгала. Он предположил, что она защищала себя. Теперь Ноа задался вопросом, не защищала ли она кого-то другого.

— Возможно, боялась, что Джей узнает, что мы расспрашивали о смерти твоей матери, и решит, что она раскрыла правду. — Его губы искривились. — По иронии судьбы, этот звонок мог на самом деле стать для нее смертным приговором.

Винтер вздрогнула, несомненно, обдумывая возможную ответственность за смерть Тилли.

— А что насчет Шелтонов?

— Дрейк, очевидно, проводил много времени в барах. Может быть, он подслушал, как Джей признается кому-то. — Ноа постучал пальцами по рулю. — Или он мог делать какой-то ремонт в доме Тилли, и она проболталась.

— Возможно. Но зачем убивать Мону?

— Может, предупреждение?

Они посмотрели друг на друга, оба понимая, что объяснения весьма слабые. Хуже того, они предполагали ряд совпадений, которые казались маловероятными. Так или иначе других хороших теорий у них не появилось.

— Пожалуй, — пробормотала Винтер, явно скептически настроенная, но, как и он, не желающая отказываться от этой теории. Затем она моргнула, словно пораженная внезапной мыслью. — Если это Джей, то он скорее всего стрелял в моего дедушку, а не в меня.

В мыслях Ноа представил себе Джея, скрывающегося в тени. Он хорошо знаком с фермой. Возможно, даже лучше, чем кто-либо другой, кроме Сандера. Незаметно проскользнуть мимо них, войти в теплицу и взять винтовку не составило бы труда. Он сумел бы также незаметно исчезнуть. Но Ноа не давали покоя слова самого Джея. Он сказал, что не промахнулся бы, если бы целился в Сандера, и Ноа ему поверил. Но что, если он целился в Винтер? Ноа схватил ее в тот самый момент, когда пуля пронеслась мимо них и попала в старика.

— Не обязательно, — пробормотал он.

— Почему?

— Если бы я хотел прекратить расследование смерти Лорел Мур, я бы избавился от тебя, а не от Сандера, — пояснил Ноа.

Ее глаза расширились, когда она обдумала его слова.

— Ты прав. Никто бы не стал выяснять, что случилось с моей мамой, если бы не я. Так почему он вернулся в дом на ферме? Неужели думал, что я останусь там?

Ноа покачал головой.

— Возможно, он решил, что ситуация выходит из-под контроля, — предположил он. — Мы знаем, что Джей пытался получить деньги от своей бывшей жены, а затем от сына, но потерпел неудачу. Тогда он мог вспомнить, что Сандер хранит деньги в своем сейфе.

— Это объясняет, как зубочистка оказалась на полу дедушкиной кухни. — Винтер намеренно сделала паузу. — Но не то как туда попала Эрика.

Ноа шумно выдохнул. Кусочки его теории могли соответствовать загадочным событиям, но все остальное...

— Будем надеяться, что Шелли повезет больше, чем нам.

Выбравшись из джипа, Ноа открыл багажник, чтобы взять ящики с овощами. Когда он добрался до кирпичного здания, Винтер уже открыла дверь и включила свет. Он вошел на кухню, довольно вздохнув. Ноа вырос в ресторане, и нет ничего лучше, чем аромат сушеных трав и слабый привкус лимона. Он прогнал ужасающие образы Эрики и лужи крови, растекшейся по кафельному полу дома Сандера.

По крайней мере, на данный момент.

— Мне нравится этот запах, когда я вхожу сюда, — сказал он Винтер.

Она улыбнулась с явным удовольствием, деловито убирая ящики.

— Завтра здесь будет пахнуть еще лучше. Флосси придет в четыре утра и начнет печь хлеб.

Ноа прислонился к стойке из нержавеющей стали, сложив руки на груди.

— Ты сотворила шедевр.

— Да, это так, — согласилась Винтер без ложной скромности.

— Ты не думала о расширении бизнеса?

— Да, я только что получила сообщение от города, что они одобрили мой план по установке дополнительных мест на улице.

— Нет, я имел в виду другой ресторан.

— О. — Винтер покачала головой, легко передвигаясь по кухне, доставая кастрюли и сковородки из посудомоечной машины промышленного размера и расставляя их на плите, словно готовясь к раннему утреннему наплыву. — Не совсем. Контроль качества — вот причина успеха «Винтер Гарден». Я знаю, что каждое блюдо, подающее на стол, приготовлено из самых свежих ингредиентов и сделано человеком, которому я доверяю. Даже мои официанты работают здесь с самого начала. Они относятся к клиентам как к членам семьи. — Она послала ему улыбку. — Обычно потому, что они и есть семья.

Ноа почувствовал прилив гордости. Винтер создала бизнес, которому позавидовал бы самый талантливый предприниматель. Но она не переступала через других и не шла по головам, прокладывая себе путь к успеху. Она превратила свою мечту в реальность. И более того, Винтер наполнила это место любовью.

Это важнее всего, что она подавала на тарелке.

— Мне это нравится. — Он обхватил ее за талию и притянул к себе.

Она откинула голову назад, чтобы встретиться с его взглядом.

— Что?

— Женщина, которая точно знает, чего она хочет, и довольная, когда получает это.

Она покраснела от удовольствия.

— А ты?

— Доволен ли я? — Ноа дождался ее кивка. — Непременно буду.

— Когда?

Он улыбнулся ей.

— Когда женщина, которую я люблю, согласится стать моей женой.

Ее румянец усилился.

— Ноа...

Он не знал, что Винтер хотела сказать. Даже когда слова сложились на ее губах, воздух расколол звук бьющегося стекла.

Глава 27

Винтер проскочила под рукой Ноа, не обратив внимания на его попытки удержать ее на кухне. Вбежав в обеденный зал ресторана, она увидела осколки стекла, которые сверкали, как бриллианты, рассыпанные по полу. Странно, но сначала она почувствовала облегчение от того, что пострадало одно из узких окон, расположенных вдоль боковой стороны здания, а не центральное большое окно с надписью темным золотом «Винтер Гарден». Замена бокового окна обойдется значительно дешевле. А затем Винтер захотела разобраться с тем, кто это устроил.

Бодрым шагом она поспешила открыть дверь, игнорируя раздраженное требование Ноа подождать. Если это убийца, зачем бросать камень в окно и предупреждать ее о своем присутствии? Гораздо вероятнее, что он попытается подкрасться незаметно.

Нет, это дело рук какого-то мелкого вандала. И она намеревалась выяснить, кто именно виноват. Выйдя на пустой участок, Винтер ожидала увидеть группу детей, которые решили, что здание пустует. Вместо этого она обнаружила дорогой черный внедорожник, припаркованный рядом с джипом Ноа, и женщину средних лет в черном брючном костюме, стоящую рядом с ним с камнем в руке.

Винтер замерла в шоке. Ноа, однако, шагнул рядом с ней, спокойно держа оружие в руке.

— Положите камень, — приказал он голосом, требующим повиновения.

Линда Бейкер фыркнула, несколько прядей светлых волос вырвались из ее аккуратного пучка и заплясали вокруг покрасневшегося лица.

— Или что? Ты меня застрелишь? — Линда разразилась истерическим смехом. — Давай. Моя жизнь кончена.

— Ноа. — Винтер схватила Ноа за руку, когда он сделал шаг вперед. Она не думала, что он собирался стрелять в Линду, но определенно собирался ее прогнать. Прежде чем он это сделает, она хотела узнать, что нашло на обычно хладнокровную секретаршу. — О чем вы говорите? Почему ваша жизнь кончена?

— Твой отец подал в отставку сегодня утром.

Винтер нахмурилась.

— Я знаю. Он говорил мне, что собирается.

— И меня вежливо попросили освободить кабинет.

Это застало Винтер врасплох. Ей и в голову не приходило, что Линду уволят в то же время. Новому декану понадобится секретарь, разве нет? Или ей?

Затем Винтер поняла, что ее отец, должно быть, признался, почему он увольняется. И вся эта грязная интрижка выплыла наружу, разрушив карьеру Линды в колледже.

— Простите, но какое отношение это имеет к битью моего окна? — потребовала Винтер.

Голубые глаза Линды больше не казались ледяными. В них пылала лютая ярость. Ненависть.

— Это твоя вина.

Винтер в замешательстве уставилась на нее.

— В чем?

— Во всем.

— Очень многое объясняет. — Ноа повторил свои слова, сказанные предыдущей ночью, и Винтер криво улыбнулась его поддразниванию.

Линде, однако, было не до веселья. Подняв руку, она помахала камнем, который все еще сжимала в руке.

— Это не смешно.

Ноа сузил глаза.

— Если бросите камень, я свяжу вас и потащу в полицейский участок.

— Если бы не ты, Эдгар никогда бы не ушел на покой, — прорычала Линда, но камень все же отбросила. Очевидно, она не настолько потерялась в своей ярости, чтобы не почувствовать, что Ноа говорил серьезно.

— Это не у меня был тайный роман с моей секретаршей, — напомнила Винтер Линде.

— Нет, но это ты так по-детски ревновала, что не могла видеть своего отца счастливым.

— Неправда, — запротестовала Винтер. — Конечно, я хочу, чтобы папа был счастлив.

Линда покачала головой, стиснув руки в кулаки.

— Ты даже не понимаешь, что ты наделала, не так ли, эгоистичная сука?

Ноа низко зарычал, сделав еще один шаг вперед. Очевидно, его терпение с Линдой Бейкер подошло к концу.

— Нет. — Винтер крепче сжала его руку. — Я хочу услышать, что она скажет. — Она вернула свое внимание к Линде. — Что я наделала?

— После смерти матери ты превратила ее в святую. — В голосе Линды прозвучали

пронзительные нотки. — Эдгару следовало рассказать тебе правду о ней, но он хотел, чтобы ты тешила себя фантазиями.

Винтер не могла спорить. Она возвела свою мать на пьедестал, а отец никогда не пытался разрушить ее иллюзии. Возможно, им обоим следовало признать, что Лорел Мур была таким же человеком, как и все остальные. Женщина с достоинствами и недостатками.

— Это не значит, что он не мог снова жениться, — возразила Винтер.

— И заменить идеальную Лорел Мур? — насмеялась Линда. — Невозможно.

Винтер покачала головой. Секретарша обманывала себя, если думала, что их разлучила только мертвая жена Эдгара.

— Если это исключено, тогда почему вы продолжали с ним роман? — спросила Винтер.

Линда обхватила себя руками, внезапно потеряв самообладание.

— Потому что я любила его. — Она сглотнула слезы. — Я была готова принять все, что он мог мне предложить.

Ноа неожиданно фыркнул.

— Включая подъем по карьерной лестнице.

Обе женщины удивленно посмотрели на него.

— Что? — Растерялась Линда.

— Вы вцепились в доктора Эдгара Мура, потому что почувствовали, что он амбициозен и ему суждено занять место заведующего кафедрой английского языка, — обвинил Ноа секретаршу. — Несомненно, вы предполагали, что когда-нибудь он займет пост президента колледжа.

Усиливающийся румянец на лице Линды показал, что Ноа задел за живое. Линда ожидала, что Эдгар станет президентом колледжа Гранта, а она будет рядом с ним. Очевидно, не имело значения, будет ли она его административным помощником или женой.

— В амбициозности нет ничего зазорного, — парировала она, на ее лице проступил гнев.

— Есть, если вы прокладываете себе путь наверх через постель.

Линда задохнулась от прямого нападения.

— Не смейте меня осуждать.

Винтер покачала головой, все чувства жалости, которые она испытывала к Линде, отношения с которой оставались грязным секретом более двадцати пяти лет, разбились о понимание того, что Ноа прав.

— Знаете, я почти пожалела вас, — сказала она Линде.

Секретарша застыла в негодовании.

— Пожалела меня? Почему?

— Вам следовало бы знать, что если бы мой отец искренне заботился о вас, он бы давно женился, — заявила Винтер. — Не имело бы значения, что я думаю об этих отношениях. Не имело бы значения, что кто-либо думает или говорит. — Она посмотрела на Ноа, приятное тепло прогнало горечь от того, что ее ресторан подвергся вандализму со стороны ненавидящей, озлобленной женщины. — Он бы сделал все, что в его силах, чтобы быть с вами.

— Я ему не безразлична — настаивала Линда, ее голос все еще звучал раздраженно.

Винтер повернулась.

— Уверена, что он чувствует... что-то, но отец просто не способен на здоровые отношения. Не знаю, связано ли это с тем, как его воспитывали, или с его несчастливой

браком с моей мамой, но он слишком эгоистичен, чтобы делиться своими эмоциями. — Ее губы искривились, когда она подумала о своей собственной напряженной связи с Эдгаром Муром. — С кем угодно.

Линда сделала шаг назад, как будто надеясь избежать правды слов Винтер.

— Это смешно.

Винтер не закончила. Она сузила глаза.

— Но это не имело значения, потому что вы сами использовали моего отца так же, как он вас?

Линда наклонила подбородок, защищаясь.

— Я его любила.

— Вам нравилось быть секретарем декана, — надавила Винтер, изучая собеседницу с новым пониманием ее притворной преданности. Все эти годы Линда стояла на страже у кабинета Эдгара Мура, предлагая ему все, что нужно, включая теплое тело в его постели. И в обмен на ее преданность Эдгар обеспечил ей должность, которую она так хотела получить. — И теперь, когда все это ушло, вы собираетесь его бросить?

Линда подняла руку и направила палец прямо в лицо Винтер.

— Я его не бросала. Он выгнал меня. Эдгар сказал ему стыдно, что ты узнала, что мы были вместе в ту ночь, когда умерла твоя мать.

Винтер замерла. Мог ли ее отец действительно стыдиться? Или это удобный предлог, чтобы бросить женщину, которая больше не нужна ему в жизни?

Вопросы, на которые Винтер не очень-то хотелось отвечать.

Вместо этого она намеренно бросила взгляд через плечо.

— И в отместку вы решили разгромить мою собственность?

— Ты причинила мне боль. Поэтому я нанесла вред тебе.

Винтер закатила глаза. Линда говорила, как капризный ребенок, а не как профессиональный помощник, который годами относился к Винтер с ледяным презрением.

— Хочешь, чтобы я вызвал полицию? — спросил Ноа.

Винтер задумалась над вопросом. Она не горела желанием звонить в полицию и заполнять бумаги. Не говоря уже о толпе зевак, которые обязательно появятся. С другой стороны, если она не заявит о преступлении, то страховая компания не оплатит ремонт.

Она как раз решала, какой вариант вызовет наименьшее беспокойство, когда Линда прервала ее мысли.

— Если ты позвонишь в полицию, я скажу им правду, — предупредила она.

Винтер замерла, уже чувствуя, что ей не понравится то, что скажет Линда.

— Какую правду?

— Мы с твоим отцом были в отеле в ту ночь, когда умерла твоя мама.

— Я уже знаю это.

Линда с вызывающим выражением лица направилась к своему внедорожнику.

— Ты знала, что этот отель расположен в Пайке?

Винтер смотрела, как Линда с визгом вылетает с парковки, прижав руку к неровно бьющемуся сердцу. Если Линда рассчитывала на драматический финал, то ей это прекрасно удалось.

Внедорожник скрылся на улице, когда Ноа успокаивающе обнял ее за плечи. Она откинула голову назад, чтобы изучить его задумчивое выражение лица.

— Папа был в Пайке в ту ночь, когда умерла моя мама, — повторила она слова, пытаюсь

заставить себя их принять. И не могла. Это не имело никакого смысла. — Ты думаешь, она лжет?

Возможно, почувствовав ее отчаянное желание отвергнуть мысль о том, что ее отец мог находиться в том же месте, где убили ее мать, Ноа кивнул.

— Не исключено. Она явно пыталась найти способ причинить тебе боль.

Винтер стиснула зубы. Никто из них не верил, что Линда лжет. Не тогда, когда выяснить правду не составит труда.

— Почему он оказался там? — вырвалось у нее. — Это не имеет никакого смысла.

— Единственный способ узнать — спросить у него.

— Да. — Слово прозвучало как горестный вздох.

— Но не сейчас. — Ноа повернул ее лицом к зданию. — У нас есть другие дела, о которых нужно беспокоиться.

Винтер прищелкнула языком, изучая разбитое окно.

— Черт. Похоже, завтра я уже не откроюсь.

— Не беспокойся об этом. Я отвезу тебя в больницу, чтобы ты могла проведать дедушку, а потом забегу на лесопилку за фанерой, чтобы закрыть разбитое окно. Когда стекло будет выметено, ты сможешь обслуживать голодные массы. Заодно я закажу замену окна.

Винтер покачала головой.

— Это моя работа — заботиться о таких вещах.

— У тебя есть я, чтобы помочь. В какой-то момент ты мне понадобишься, и ты будешь рядом. — Он улыбнулся. — Вот как работают отношения.

Она смотрела на его лицо, потрясающе красивое в лучах позднего утреннего солнца. Ее сердце наполнилось теплом, похожим на солнечный свет. Оно разливалось по ней восхитительным теплом.

Повернувшись, Винтер прислонилась к Ноа, прижавшись головой к его груди.

— Кажется, мне нравятся такие отношения, — пробормотала она.

Он поцеловал ее в макушку.

— Просто нравятся?

Она хихикнула, и напряжение немного ослабло. С ним все становилось лучше.

— Возможно, я люблю эти отношения.

— Я тоже.

Они стояли на пустом участке, прислонившись друг к другу, еще несколько минут. Ощущение твердых мышц Ноа и ровное биение его сердца под ее щекой придавали Винтер силы. С этим мужчиной рядом она могла справиться с чем угодно.

— Ладно, поехали в больницу, — наконец сказала она.

Они ехали молча, но когда Ноа остановился перед входом, он наклонился, чтобы взять ее за руку.

— Не покидай больницу, пока я не приеду за тобой, — предупредил он.

— Честно говоря, я слишком устала, чтобы куда-то идти, — ответила Винтер.

Ноа поднял ее руку и прижал пальцы к своим губам.

— Как только ты наведишь дедушку, мы вернемся в коттедж и примем горячую ванну. Думаю, нам обоим это не помешает.

Она задрожала при воспоминании о горячей воде, бурлящей вокруг ее тела, когда Ноа двигался над ней.

— Похоже на рай, — прошептала она.

Винтер наклонилась вперед, чтобы коснуться губами его щеки, прежде чем вылезти из джипа и отправиться в больницу.

Она сморщила нос, когда свежий сосновый аромат Ноа сменился терпким запахом отбеливателя. Скоро они будут вместе, напомнила она себе, минуя регистратуру и поднимаясь на лифте на третий этаж.

Ее кроссовки скрипели по натертому полу, привлекая нежелательное внимание, пока Винтер шла по коридору. Она покраснела, когда медсестры на посту подняли головы, чтобы посмотреть, что происходит, но прежде чем успела войти в приемную, высокий стройный мужчина в белом халате поспешил ее остановить.

— А, мисс Мур, — обратился доктор. — Я пытался дозвониться до вас недавно.

Винтер тихо выругалась. Ей нужно заменить этот дурацкий телефон. Еще одна проблема, которая требовала ее внимания.

— Что-то случилось?

Доктор улыбнулся, остановив панику, прежде чем она успела начаться.

— Отек мозга мистера Мура уменьшился, и мы отменили лекарства, которые поддерживают его в бессознательном состоянии, — сообщил он ей успокаивающим тоном, который врачи, несомненно, изучали в медицинской школе. — Возможно, он очнется сегодня днем.

Облегчение обрушилось на Винтер, как приливная волна. До этого момента она не понимала, как сильно боялась, что Сандер не выживет.

— Могу я его увидеть?

— Конечно. Его перевели в отдельную палату напротив отделения интенсивной терапии. Но не торопите его, — предупредил доктор строгим тоном. — Если — я подчеркиваю, если — он очнется, то будет слаб и, возможно, растерян. Дайте ему время вспомнить, что произошло.

Винтер нетерпеливо кивнула.

— Хорошо.

— Я найду к вам сегодня днем, но если что-то понадобится до этого, просто попросите медсестру вызвать меня.

— Спасибо.

Поспешив по коридору, Винтер заглянула в затемненную комнату. Как только она увидела дедушку, лежащего на узкой кровати, то прокралась внутрь на цыпочках. Он все еще выглядел страшно хрупким, и от его тела к аппаратам, окружавшим его, словно армия захватчиков, тянулась дюжина различных проводов, трубок и капельниц. Но щеки Сандера порозовели, а дыхание стало глубоким и ровным.

Она подошла ближе и встала рядом с кроватью.

Что будет, когда он покинет больницу? Она не могла представить, что он будет достаточно силен, чтобы вернуться на ферму. Разумнее всего отправиться в один из домов престарелых в городе. Или даже переехать к ней.

Но когда Сандер Мур отличался благоразумием?

Язвительная улыбка искривила ее губы. Ее дедушка не самый простой человек — на самом деле он очень раздражительный, — но Винтер любила его.

С тех пор как стала достаточно взрослой, чтобы ходить, она следовала за ним, открывая для себя красоту фермы. Она бегала за курами и плескалась в лужах. Когда подросла, то помогала ремонтировать заборы и укладывать сено летом. Не было ничего лучше, чем

проводить дни на свежем воздухе.

Дедушка всегда радовался ее компании и, казалось, никогда не уставал от молодой девчонки с ее непрекращающимися вопросами. Именно он предложил ей построить теплицу, где она могла бы разбить небольшой сад. К пятнадцати годам Винтер уже продавала свои собственные фрукты и овощи местным жителям, чтобы заработать немного денег.

Любовь к кулинарии ей привила бабушка в Пайке, но Сандер Мур стал для нее движущей силой в понимании чистых, свежих ингредиентов. Она не думала, что по-настоящему осознает, чему он научил ее в те жаркие летние дни.

Протянувшись, она слегка коснулась его руки, покрытой старческими шишками. Руки человека, который всю жизнь много работал.

И тут старик без предупреждения издал тихий стон, поворачивая голову из стороны в сторону.

— Эдгар...

Винтер наклонилась вперед.

— Нет, это Винтер.

— Эдгар, — повторил он, его голос хрипел. — Тупой идиот. Слабак. Как его мать. У него нет стержня.

Винтер нахмурилась. Может, Сандеру приснился дурной сон?

— Дедушка, это Винтер.

Морщинистое лицо старика смягчилось, небольшая улыбка искривила его губы.

— Ах, милая Винтер. Моя гордость и радость. В твоих жилах течет кровь Муров. Сильная. Храбрая. Иногда слишком храбрая.

— Ш-ш-ш. — Она похлопала его по руке. — Просто отдыхай.

Он затих, как будто снова погрузился в сон, и Винтер начала отступать назад.

— Винтер. — Неожиданно его глаза открылись, и он попытался поднять руку.

— Я здесь. — Она наклонилась вперед, чтобы он мог видеть ее, не двигаясь.

Сандер шумно выдохнул, как будто воздух выдавливали из его легких.

— Мне жаль.

— Не говори так, — простонала она, испытывая чувство вины. Она никогда, никогда не простит себя за то, что подвергла его опасности. — Это мне жаль. Если бы не я, ты бы никогда не пострадал.

— Нет, нет. — Он вцепился в ее руку, трубки и провода дребезжали. — Только не ты. Ты — единственное хорошее, что осталось в моей жалкой жизни.

— Пожалуйста, послушай меня, — убеждала Винтер. — Ты не должен нервничать.

— Я хочу... — Он замолчал, и его глаза закрылись.

— Просто отдохни, — прошептала она.

Винтер снова начала отстраняться, но замерла, когда глаза ее дедушки открылись.

— Я хочу правду.

Винтер посмотрела в сторону двери. Позвать медсестру? Меньше всего ей хотелось, чтобы дедушка навредил себе. Но она боялась бороться с его удивительно крепкой хваткой.

Может быть, лучше всего успокоить его, пока он снова не заснет.

— Ты хочешь узнать правду, о чем?

— Лорел.

Винтер оказалась застигнута врасплох. Почему, когда он пришел в себя, первое, о чем

подумал, была ее мама? Они явно не любили друг друга, пока она была жива. С другой стороны, возможно, он понял, когда в него стреляли, что это как-то связано со смертью его невестки.

— Я не знаю. — Винтер не могла скрыть разочарования в своем голосе. — И каждый раз, когда пытаюсь что-то выяснить, все становится только хуже.

Сандер повернул голову и уставился невидящим взглядом в потолок. Его горло сжалось, как будто ему трудно глотать.

— Им не следовало жениться, — пробормотал он. — Я предупреждал Эдгара, но она его околдовала.

Винтер почувствовала знакомый приступ раздражения. Ее мама не была святой, но, опять же, как и ее отец.

— Они оба совершали ошибки, — возразила она.

— Да, — прохрипел Сандер. — Молодые. Эгоистичные. Экстравагантные. Наблюдать за ними вместе все равно что наблюдать за плотом, несущимся к краю водопада. Становилось ясно, что они обречены на катастрофу.

Винтер нахмурилась. Он всегда выражался прямолинейно. Обычно слишком откровенно. Ему было не свойственно использовать столь вычурные выражения. Неужели его личное разочарование в выборе невесты для сына вызвало столь бурную реакцию? Или ее родители действительно оказались настолько неуправляемыми?

— Многие первые браки неудачны, — заметила она рассудительным тоном. — Люди разводятся и живут дальше.

Сандер фыркнул в отвращении.

— Только не эти двое.

— Почему нет?

— Одержимость.

Винтер вздрогнула. Она сказала себе, что это из-за прохлады в воздухе. В больнице работал кондиционер, как будто на улице стояла жара в тридцать градусов, а не чуть выше пяти. Но дело не в этом.

Одержимость.

Это слово задело за живое. Как тема, проходящая через фильм ужасов.

Ее родители питали любовь и ненависть друг к другу. Зацикленность Дрейка на женщине, которая украла его сердце. Вожделение доктора Пейтона к ее таланту. Даже отчаянная мечта Тони создать свою гончарную мастерскую.

И безликое чудовище, скрывающееся в тени и только и ждущее, чтобы наброситься снова.

— Это больше не имеет значения, дедушка, — пыталась она успокоить его. — Все в прошлом.

Сандер хмыкнул.

— Было. Похоронено и забыто. — Он повернул голову, чтобы посмотреть на нее. — Зачем ты снова это откопала? Глупая девчонка.

Винтер вздрогнула от его резкого тона. Она слышала, как он часто использовал его в разговоре с другими людьми, но никогда — с ней.

— Я не хотела тебя расстраивать, — произнесла она мягко. — Просто отдохни.

Он заерзал под тонкими одеялами, которые плотно обтягивали его, как будто чувствовал себя в ловушке.

— Я не могу.

— Тебе больно? Может, позвать медсестру?

— Нет. — Его глаза встретились с ее обеспокоенным взглядом. — Мне нужно... — Он сделал паузу, его дыхание громко вырывалось в тишине комнаты. — Прощение.

Глава 28

Винтер говорила мягким, успокаивающим голосом. Она не знала, чем вызвано волнение старика. Может, это реакция на выход из комы? Может быть, из-за лекарств ему снятся кошмары?

— Я прощаю тебя, — заверила она его.

Сандер посмотрел на нее с мольбой.

— Правда?

— Главное, чтобы тебе стало лучше.

Он крепко сжимал ее руку, пока ей не стало больно. Он оказался таким же сильным, как всегда. Это хорошо, сказала Винтер себе, стараясь не вырывать пальцы из его хватки.

— Ты понимаешь, что у меня не осталось выбора, — умолял он.

— Конечно.

— Она собиралась погубить нас.

Винтер замерла, вытеснив из головы беспокойство за деда, когда ее охватило странное чувство. По коже побежали мурашки, которые не имели ничего общего с прохладой в воздухе.

— Она?

— Твоя мать.

Она должна уйти. Ее дедушка находился под действием препаратов и не понимал, что происходит. Но Винтер не могла пошевелиться. Как будто что-то заморозило ее на месте.

— Как она могла погубить вас? — Вопрос вырвался из ее рта прежде, чем она успела его остановить.

Его челюсти сжались, глаза пылали ненавистью.

— Она превратила твоего отца в посмешище, — прорычал Сандер. — Все в Ларкине знали, что она спит со всем, что движется.

— Дедушка...

— Не хватало еще, чтобы он вел себя как размазня. Он, итак, вечно шатался повсюду, уткнувшись носом в книгу. А теперь превратился в мужчину, у которого не хватает яиц, чтобы удовлетворить свою жену. — Старик не дал ей прервать его недовольство. — Слабак.

Винтер сжала губы. Пусть дедушка ранен и, возможно, даже бредит, но она чувствовала себя обязанной защищать своих родителей.

— Почему ты так суров к нему?

— Потому что он последний из Муров, — огрызнулся Сандер. — Мы приходим из старинного рода отважных первопроходцев. Мы работаем руками и ухаживаем за землей. Мы не сидим на заднице в каком-нибудь шикарном офисе.

Винтер вздохнула. Она слышала эту историю тысячу раз. О том, как ее предки отважились на долгое путешествие из Ирландии, чтобы поселиться в Нью-Йорке. Как они своими руками построили повозки и заложили семейное серебро, чтобы купить двух лошадей и отправиться на запад. Иногда рассказ включал в себя сражения с индейцами, иногда они отбивались от бандитов, но в конце концов они упорно шли вперед и основали усадьбу, которая с тех пор принадлежала семье Мур.

— Сейчас не восемнадцатый век, — напомнила она ему мягким тоном.

Его брови сошлись.

— Это традиция Муров.

— Ладно, ладно. Я поняла, — пробормотала Винтер, хотя на самом деле это не так. Каждая семья, не относящаяся к коренному населению, приезжала откуда-то, чтобы обосноваться. Это не делало их особенными.

Словно почувствовав отсутствие у Винтер гордости за первопроходцев, Сандер прищелкнул языком.

— Это еще не все.

— Не все?

— Нет. Дело в деньгах. — В голосе старика слышалось раздражение. — Школьные кредиты, ипотека, бесконечные кредитные карты. Эдгар появлялся у меня каждую неделю с протянутой рукой.

Винтер понадобилась секунда, чтобы понять, что они перешли от раздражения Сандера по поводу отсутствия у его сына мужских качеств и неверности ее матери к другим его претензиям.

— Почему ты просто не отказал?

— Лорел.

Винтер ждала, пока Сандер смотрел на нее с немой мольбой в глазах. Наконец она поняла, что он ждет ее согласия на продолжение. Она колебалась. Предостерегающий шепот побуждал ее уйти. Винтер могла бы позвать медсестру, которая дала бы деду что-нибудь успокаивающее, пока она сходит в приемную за чашкой кофе. Она отчаянно нуждалась в кофеине.

Но вместо этого она произнесла роковые слова.

— А что с ней?

— Она обнаружила мою единственную слабость.

Сандер Мур признался в слабости? Винтер никогда не думала, что услышит такое из его уст.

— Какая слабость?

— Ты, — прошептал он. — Я готов на все ради тебя.

Болезненное волнение сжало ее сердце. Именно Сандер Мур поддерживал ее всю жизнь. Скала, за которую она могла держаться, как бы ни штормило море.

— Я знаю это, дедушка.

— Она угрожала, что заберет тебя.

Винтер дернулась. Этого она ожидала меньше всего.

— Мама?

— Да, твоя мать, — прорычал он.

Винтер растерялась. Лорел Мур ни за что бы не забрала ее. Не для того, чтобы в результате стать матерью-одиночкой.

— Я уверена, что ты, должно быть, неправильно понял.

— Нет, никакого непонимания не возникло, — прорычал он. — Лорел заявила ко мне домой, размахивая пачкой счетов, и сказала, если я не дам денег, она уедет из Ларкина, и мы больше никогда не увидимся.

— О боже.

— Я не мог этого вынести. — Старик смахнул слезы. — Я не мог.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Не говори больше.

— Я должен был ее остановить. — Сандер взял Винтер за руку и притянул ближе, почти перегнув через стальные перила кровати. — Ты понимаешь? Я не мог позволить ей украсть тебя у меня. Не после того, как она уничтожила все остальное.

— Папа никогда бы не позволил ей уйти, — заверила она его, морщась от давления твердой стали на ее талию.

— Ба. У этого болвана не хватило бы духу ее остановить.

— Конечно, хватило бы. Ты сам говорил, что они одержимы друг другом...

— Я должен был что-то сделать, — перебил он. — Я просто обязан был защитить тебя от этой злобной суки. Ни один суд в стране не осудил бы меня за это.

Осудить его? Странная фраза. Особенно для дедушки.

— Что ты сделал?

— То, что я всегда делаю. Решил проблему.

Холод в комнате пробрался под кожу Винтер. Оставаясь неподвижной над кроватью, она вглядывалась в виноватое лицо Сандера и его наполненные слезами глаза.

Дело не в признании о том, что он заплатил Лорел, чтобы она не уезжала с его внучкой. Он уже сказал, что давал им деньги.

Предчувствие кольнуло ее в животе.

— Как? Как ты это решил?

— Я не мог пойти сам. — Ее дедушка отвел взгляд, как будто не мог смотреть ей в глаза. — Поэтому пообещал дать ему денег, в которых он нуждается.

Винтер покачала головой. Неужели дедушка запутался? Неужели он забыл, о чем они говорили?

— Мы говорили о маме и ее угрозах забрать меня, — напомнила она ему.

— Я знаю, о чем мы говорим, — выдохнул Сандер.

— Я не понимаю. Ты сказал, что дал ему деньги, в которых он нуждался, — повторила она его слова. — Дал для чего?

— Разве это не очевидно? Я заплатил ему за то, чтобы она никогда не вернулась из Пайка.

Винтер медленно выпрямилась, из ее горла вырвался придушенный смех. На секунду ей показалось, что дедушка признается в том, что заплатил кому-то за убийство ее мамы.

Но это не могло быть правдой. Ведь так?

— Нет, — прошептала она.

Сандер выругался.

— Я не мог поверить, что этот идиот сделал это у тебя на глазах. Что за чудовище убило бы мать на глазах у ее ребенка?

На глазах у ребенка...

Винтер отошла от кровати, глядя на Сандера в оцепенении. В конце концов, она почувствует острую боль от предательства. Пока же она слишком потрясена, чтобы понять, что он ей говорит.

— Ты заплатил кому-то, чтобы застрелить мою маму? — Она должна услышать эти слова из его уст.

— Я никогда не хотел, чтобы все зашло так далеко. — В его голосе звучала мольба. — Но Лорел продолжала давить и давить. Она требовала больше денег каждую неделю. Она даже предложила мне продать ферму, чтобы расплатиться с ее долгами. — Он резко,

невесело рассмеялся. — Эта земля — мое наследие. Она течет в моих венах, а Лорел... — Его слова оборвались, когда волна усталости нахлынула на него. — Я знал, что шантаж никогда не закончится, поэтому сделал единственное, что мог, чтобы защитить тебя и твое наследство.

Винтер с трудом сглотнула. В ее горле застрял комок.

— Кто? — наконец смогла прохрипеть она. — Кто застрелил мою мать?

Низкий, знакомый голос прозвучал от двери позади Винтер.

— Я.

Глава 29

Ноа поехал обратно в Ларкин, намереваясь заскочить на лесопилку, чтобы взять лист фанеры и заказать новое окно. Он хотел, как можно скорее закончить ремонт и вернуться в больницу. Ноа не думал, что Винтер в опасности, но знал, что она расстроена.

Черт, он и сам расстроен.

Каждый день он просыпался с мыслью, что хуже уже быть не может, и каждый день ему доказывал, что он ошибается. Все больше лжи раскрывалось, секреты становились явными, а трупы появлялись с пугающей регулярностью. Этого вполне достаточно, чтобы решить собрать чемодан и перевезти Винтер в Майами. Только в этом случае она будет в полной безопасности, оставив Ларкин и свою семью далеко позади.

Ноа проезжал мимо полицейского участка, когда увидел Шелли, стоящую на парковке. Он резко вывернул руль, чтобы притормозить рядом с ней. Прекрасная возможность сообщить о вандализме Линды Бейкер, а также рассказать о том, что Эдгар Мур мог быть в Пайке в ту ночь, когда убили его жену. Он не хотел показывать пальцем на отца Винтер, но копам нужен каждый кусочек информации, если они хотят остановить безумие, заразившее Ларкин.

Выйдя из своего джипа, он подошел к Шелли. Прежде чем он успел заговорить, она кивнула в сторону эвакуатора, который сгружал старый пикап с разбитой передней частью, из которого капала вода.

— Я как раз собиралась сказать, что мы должны прекратить такие встречи, но сейчас не в настроении шутить, — пробормотала она.

Ноа нахмурил брови, когда полдюжины мужчин в темных костюмах встали вокруг пикапа. Он забыл о причинах, побудивших его заехать на стоянку, когда устался на незнакомцев.

— Кто эти люди в черном? — спросил Ноа.

— Детективы.

— А. Кавалерия въехала в город.

— Они прибыли час назад.

В ее голосе прозвучала кислая нотка. Ноа бросил на нее понимающий взгляд.

— Они тебе не нравятся. — Утверждение, а не вопрос.

Шелли поморщилась.

— Территориальная агрессия. Мне не нравится передавать дело кучке незнакомцев. Шеф, однако, настаивает, что мы не справляемся. — Она встретила его взгляд с язвительной улыбкой. — А ведь именно ты предупредил меня перед поступлением на службу, что я не умею хорошо играть с другими.

Он положил руку ей на плечо, чувствуя ее разочарование.

— Ты хороший полицейский, Шелли. Не позволяй никому говорить тебе обратное.

Она с видимым усилием заставила свои напряженные мышцы расслабиться.

— Хороший или нет, но я не добилась особых успехов в поисках того, кто сеет хаос в моем городе. Может быть, ребятам из Де-Мойна повезет больше.

Ноа кивнул, оставив свои мысли при себе. Его подруга всегда с трудом принимала свою роль младшего офицера. Она не была высокомерной, но обладала врожденной самоуверенностью, из-за которой ей нелегко давались чьи-либо приказы. Не помогало и то, что ее начальник дал понять, что женщины не должны носить форму.

— Какой им интерес в разбитой машине? — спросил он вместо этого.

— Их интересует водитель.

Ноа нахмурился. Он не узнал грузовик.

— Кто это?

— Джей Уилер.

— Вы нашли его? — Ноа почувствовал вспышку надежды. Может быть, Уилер разбил свой грузовик, пытаясь сбежать из города? Это могло бы стать их первой удачей с тех пор, как Винтер вскрыла конверт в Пайке.

— Да. Он в морге.

Ноа скривился на резкий ответ Шелли. Вот черт. Конечно, он в морге. Только дурак мог ожидать чего-то другого.

— Что случилось?

— Похоже, он съехал с моста и оказался в реке.

— Он был пьян или просто пытался в спешке покинуть город?

Шелли посмотрела в сторону грузовика, не скрывая разочарования.

— Коронер сейчас проводит вскрытие, но люди в черном, похоже, уверены, что он пытался сбежать.

Ноа повернулся, чтобы посмотреть на свою подругу. Он знал этот тон. Она была недовольна направлением расследования.

— У тебя есть другая версия?

Шелли колебалась. Затем, покачав головой, она оглядела джип Ноа, чтобы убедиться, что они вне зоны слышимости.

— Я провела обыск в доме Эрики до появления Департамента уголовного розыска, — призналась она, оглядываясь по сторонам.

Шелли не выглядела встревоженной, но Ноа готов поспорить, не хотела, чтобы кто-то узнал, что она взяла на себя инициативу продолжить расследование. Без сомнения, ей приказали отступить, как только в Ларкин придут «большие пушки».

— Ты что-нибудь нашла?

— Кровь на полу гаража.

Ноа вслушивался в слова, внезапно почувствовав себя глупо. Он так сосредоточился на вопросе, почему Эрика поехала на ферму, что ему и в голову не пришло, что кто-то заставил ее туда приехать. Конечно, они все еще не знали наверняка. Причин, по которым на полу могла оказаться кровь, великое множество.

— Свежая? — спросил он.

— Да.

Ноа нахмурился, стараясь не делать поспешных выводов.

— Она могла споткнуться и пораниться.

Шелли колебалась не так сильно, чтобы решиться на очевидное предположение.

— Или на нее напали и отвезли на ферму.

Ноа прислонился к задней части джипа, сложив руки на груди.

— Есть что-то еще?

Шелли еще раз оглянулась через плечо.

— Я не должна с тобой разговаривать.

— Ты знаешь, что можешь мне доверять, — напомнил ей Ноа.

Наступила долгая пауза, прежде чем Шелли рассказала о том, что она обнаружила.

— Я нашла телефон Эрики в гараже.

— И?

— И в последний раз она звонила в субботу вечером.

— Ясно.

— На номер Винтер.

— Винтер потеряла свой телефон несколько дней назад, — напомнил Ноа своей собеседнице.

— Мы знаем это, но Эрика, вероятно, не знала.

— Верно.

— А значит, она, скорее всего, оставила сообщение.

Ноа кивнул, задаваясь вопросом, почему психотерапевт звонила Винтер. Интересовалась ли она состоянием Сандера? Они уже не были так близки, но Эрика наверняка знала, как Винтер беспокоится о своем дедушке.

Только заметив невозмутимое выражение лица Шелли, он понял, что упустил важный момент.

— Если она оставила сообщение, то тот, кто украл телефон Винтер, наверняка его прослушал.

— Именно.

— Все достаточно просто. У нее старый телефон, и она никогда не утруждала себя введением кода безопасности. — Ноа сузил глаза. — Ты подозреваешь, что Эрика знала что-то о таинственном убийце?

— Это самая очевидная причина для того, чтобы похитить ее и отвезти на отдаленную ферму.

Ноа прокручивал свои мысли, пытаясь упорядочить и перестроить их таким образом, чтобы они обрели смысл.

Эрика была психотерапевтом. Возможно, она подозревала, что в городе есть кто-то, способный на убийство. Возможно, она хотела предупредить Винтер. Или, может быть, кто-то обмолвился о чем-то, что врезалось в память. Она призналась, что дружила с Лорел Мур. Возможно, Эрика набрала номер Винтер, не подозревая, что подписывает себе смертный приговор.

Тогда что?

Убийца пробрался в ее гараж и ждал удобного случая, чтобы нанести удар. Прошлой ночью? Может быть, сегодня утром. Он или она поехал на ее машине на ферму, зная, что Сандер в больнице, и что там пусто.

— Подвал, — выдохнул он.

— Что?

— Мы не могли понять, почему дверь в подвал оказалась открытой. Винтер считала, что там ничего нет. Но если Эрику похитили...

— Идеальное место для содержания пленника. — Шелли завершила его мысль. — Или для избавления от тела.

Ноа кивнул, его челюсти сжались, когда он боролся с мыслью об одинокой и обездвиженной Эрике в руках монстра. Позже будет время для скорби. Пока же ему нужно сосредоточиться на том, что с ней произошло.

— Логичнее, что ее насильно привезли на ферму, а не она сама туда доехала.

— Если Эрика нашла информацию об убийце, она могла позвонить и предупредить Винтер, не зная, что подвергает себя опасности, — пробормотала Шелли, возвращаясь к временной линии. Как будто надеясь прояснить то, что потенциально могло произойти. — Когда Винтер не ответила, она оставила сообщение.

— Если она что-то знала, почему не позвонила в полицию? — задал очевидный вопрос Ноа.

— Она могла быть не уверена, — ответила Шелли. — Это самая сложная часть работы полицейского. Некоторые люди звонят по номеру девять-один-один, если видят кошку, пересекающую их лужайку. Другие наоборот не хотят обращаться в полицию. Я уверена, что такой опытный профессионал, как Эрика, прекрасно понимает, как опасно обвинять без веских причин.

Ноа кивнул в знак согласия. Никто не хотел втягивать кого-то в неприятности, если на сто процентов не уверен в его виновности. Особенно если это кто-то, кого она знала. Пациент?

— Или она кого-то защищала, — предположил он.

Они обменялись долгим взглядом, зная, что Эрика приложила бы все усилия, чтобы скрыть личность пациента. Неужели известие о смерти Дрейка подтолкнуло Эрику к тому, чтобы попытаться сделать что-то для защиты Винтер и при этом сохранить свою профессиональную этику?

— Допустим, ты прав, — пробормотала Шелли. — Эрика позвонила Винтер, чтобы предупредить ее. Затем убийца нападает на нее в гараже и везет на ферму.

Ноа попытался представить себя на месте маньяка. Запаниковал ли он, когда ему позвонили? Бросился ли он к дому Эрики или подождал до следующего утра? Знал ли он, что она в это время пойдет в гараж? Может, он как-то связался с психотерапевтом, чтобы выманить ее из дома?

Его размышления прервались, когда он осознал, как трудно похитить женщину и отвезти ее на ферму Сандера. Существовал более простой способ заставить ее замолчать.

— Почему бы не убить ее в доме? — заявил Ноа. — Эрика живет одна. Никто не нашел бы ее еще несколько часов. Может быть, несколько дней.

Шелли нахмурилась.

— Хороший вопрос.

— И какое отношение ко всему этому имеет Джей Уилер? — добавил Ноа.

Он был готов рассмотреть идею о том, что тот ограбил сейф Сандера и убил Эрику, когда она помешала ему. Но никак не мог представить, что Джей прячется в гараже, а затем везет ее на ферму, чтобы выстрелить в голову.

На лице Шелли заиграли желваки, как будто она и сама находилась в таком же замешательстве.

— Джей Уилер, — прорычала она.

Ноа приподнял бровь.

— Что не так?

— Когда я была маленькой, то любила собирать пазлы, — пробормотала Шелли.

— Меня это не удивляет, — заметил Ноа. Насколько он знал Шелли, она любила разгадывать кроссворды и смотреть передачи о тайнах. Все что угодно, чтобы бросить вызов ее уму.

— Мой младший брат считал забавным подкладывать в коробку кусочек от другой головоломки и смотреть, как я пытаюсь его вставить.

— Досадно.

Шелли фыркнула.

— Ты даже не представляешь, как.

— А в чем смысл? — спросил он. Ноа не хотел показаться грубым, но у него еще куча дел, которые нужно закончить до того, как придет время возвращаться в больницу за Винтер.

— Джей Уилер, — повторила она. — Он тот кусочек, что не подходит этому пазлу.

Ноа кивнул.

— Ты права.

Они разделили момент взаимного раздражения. Начинало казаться, что они никогда не узнают правду.

Затем Шелли глубоко вздохнула.

— Ты что-то хотел? — спросила она.

— К Винтер в ресторан утром наведалься посетитель, — поделился он с ней.

— Это плохо?

— Это была Линда Бейкер. Она заходила, чтобы швырнуть камень в окно.

Шелли повернулась к нему лицом, ее брови сошлись вместе, как будто она подозревала, что он играет в какую-то глупую игру.

— Это шутка?

— Нет.

Шелли положила руки на бедра.

— Какого черта Линда Бейкер бросает камни во что попало, тем более в окно ресторана?

Ноа вкратце рассказал ей о решении Эдгара уйти в отставку, чтобы не раскрывать его роман с секретаршей, и о не слишком радостной реакции Линды на то, что ее уволили с работы. Не говоря уже о том, что ее бросил любовник.

Шелли выглядела усталой. Измученной до глубины души.

— Пусть Винтер зайдет и сделает официальное заявление. И обязательно сфотографируйте повреждения. Я не уверена, когда мы сможем вызвать туда офицера. Шеф уже на взводе из-за наших сверхурочных.

Ноа поднял руку.

— Я не думаю, что она захочет беспокоиться. Я только хотел, чтобы ты знала, потому что Линда угрожала перед уходом.

Усталость Шелли испарилась, она напряглась, явно готовая к действию.

— Физические угрозы?

— Нет, она заявила, что пойдет в полицию и расскажет об отце Винтер.

— Что расскажет?

— Что Эдгар был вместе с ней в отеле в ночь, когда убили мать Винтер.

Шелли сузила глаза.

— И?

— И этот отель находился в Пайке, — закончил Ноа.

Шелли дернулась в шоке.

— Дерьмо.

— Ага.

Наклонив голову, Шелли смотрела на кончики своих начищенных туфель. Ноа предположил, что она пытается решить, что делать с полученной информацией. Смерть Лорел Мур не входила в ее юрисдикцию. Но очевидно, она не доверяла временному шерифу в Пайке.

Она все еще молча размышляла о своем выборе, когда на парковке прозвучало ее имя.

Шелли закатила глаза.

— Меня вызывают.

Ноа протянул руку, чтобы похлопать ее по плечу.

— Удачи.

— Она мне понадобится, — пробормотала она, топая к мужчинам, собравшимся возле разбитого пикапа.

С сожалением осознав, что он только усугубил давление на плечи подруги, Ноа забрался в свой джип и направился в сторону «Винтер Гарден».

Постукивая пальцами по рулю, он легко пробирался сквозь слабое движение. Ноа пытался сосредоточиться на задачах, которые ему нужно решить, прежде чем он сможет вернуться и забрать Винтер, но его мысли постоянно возвращались к словам Шелли.

Кусок, что не подходит этой головоломке...

Неужели Шелли права? Джей Уилер связан и с Лорел Мур, и с Сандером. И тот факт что неприятности начались после его возвращения в Ларкин, указывал на то, что он тоже часть головоломки.

Но он не мог отрицать, что с Уилером что-то неправильное. Ноющее чувство, которое только усилилось теперь, когда Ноа узнал, что тот мертв.

А что, если он просто удобный вариант? В конце концов, у них нет никаких доказательств того, что Джей побывал в доме, кроме зубочистки, которая лежала рядом с телом Эрики. Кто угодно мог оставить ее там.

Ну, не любой, вынужден признать Ноа. Это мог быть кто-то, кто хотел подставить Джея. И кто-то, у кого случайно оказалась бы серебряная зубочистка, чтобы оставить ее на месте преступления.

Бормоча проклятия, Ноа дернул руль в сторону, делая резкий разворот.

Он точно знал, кто мог иметь доступ к серебряной зубочистке.

***

Винтер слышала о «вне телесном» опыте, но понятия не имела, что это значит. Пока медленно не повернулась и не увидела, как в комнату вошел хорошо знакомый мужчина, засунув руки в комбинезон и небрежно приблизившись к кровати.

Ей показалось, что она парит над землей, глядя в упор на Оливера Уилера. Он годами работал на ее деда. И несколько месяцев провел бок о бок с ней, пока они переделывали ее ресторан. Он с удовольствием работал волонтером в продовольственном банке и во время ежегодной сдачи крови. А в прошлом году сыграл Санта-Клауса на школьном празднике.

Он не мог быть причастен к серии чудовищных преступлений. Это просто... немислимо.

— Олли, — пробормотала она, ее губы напряглись, словно не хотели складываться в его имя.

Олли улыбнулся, остановившись рядом с ней.

— Привет, Винтер.

Она тряхнула головой, пытаясь избавиться от странного чувства нереальности.

— Я не понимаю.

Аппараты, окружавшие ее дедушку, запищали, когда старик с трудом попытался сесть.

— Осторожно, Сандер. — Олли вытащил руку из кармана и показал пистолет, зажатый в пальцах. Винтер дернулась в шоке, запоздало пожалев, что в маленькой больнице нет металлоискателей при входе. Или хотя бы охранника, который не проводил бы большую часть времени, пролистывая свой телефон. — Мы же не хотим никаких несчастных случаев.

— Ты ублюдок. — Сандер откинулся на подушку, и писк вошел в устойчивый ритм.

Винтер судорожно вздохнула. Как бы ей ни хотелось, чтобы к дедушке прибежала медсестра, она не могла рисковать тем, что Олли нажмет на курок.

— Чья бы корова мычала... партнер? — протянул Олли, бросив насмешливый взгляд на старика. — Это ты хотел убить Лорел Мур. Ты пришел ко мне с предложением.

Эти слова вонзились в Винтер, как шипы, отравляя сердце ядовитым ощущением предательства, когда она повернула голову, чтобы встретиться с настороженным взглядом деда.

— Ты заплатил Олли за убийство моей мамы?

Сандер открывал и закрывал рот, словно пытаясь решить, стоит ли звать на помощь. Затем его взгляд упал на оружие в руке Олли, и он прочистил горло.

— Я заплатил ему за то, чтобы она исчезла, — пробормотал он.

Лавина эмоций обрушилась на Винтер с сокрушительной силой. Нет. Она не могла принять их все. Единственный способ сохранить рассудок — сосредоточиться на чем-то, что она могла переварить.

— Он же был ребенком. — Поспешно выпалила она.

Брови Сандера сошлись. Очевидно, он не меньше, чем она, удивился первоначальному направлению ее мыслей.

— Чушь. Ему не хватило нескольких дней до восемнадцати, — возмутился он. Как будто его обидели слова Винтер. — Кроме того, он заботился о себе и своей матери многие годы.

— Он прав, — согласился Олли, пожав плечами. — Мне пришлось рано повзрослеть.

Она упрямо покачала головой. Дело не в возрасте Олли. Дело в готовности ее деда использовать уязвимость того, кто ему доверял.

— Ты воспользовался мальчишкой, которого бросил отец и который рассчитывал на тебя в этой роли, — мрачно твердила она.

Сандер фыркнул, его лицо внезапно покраснело.

— Если уж на то пошло, это он воспользовался мной. Он потребовал двадцать тысяч долларов.

Винтер моргнула. Такого она не ожидала. Повернув голову, она посмотрела на стоящего рядом Олли.

— Мне необходимы были деньги, чтобы начать свой бизнес, — объяснил он ей. — Я не собирался вечно работать на ферме, но мне требовалась учеба, чтобы получить лицензию электрика. Кроме того, нужно было обзавестись инструментами, фургоном и, в конце концов, мастерской. Все это стоило денег.

С ее губ сорвался звук, нечто среднее между смехом и рыданием.

— Я не могу в это поверить. — Винтер прижала руку к своему ноющему сердцу и повернулась лицом к Сандеру. — Это должно быть кошмар.

На его лице застыло раздражение.

— Я говорил тебе, что у меня не осталось выбора. Лорел собиралась забрать тебя у меня.

Усилием воли Винтер заставила себя принять ужасающую правду. Человек, которого она любила и уважала, совершил страшный грех.

— И это дало тебе право ее убить?

— Я защищал тебя.

— От моей собственной матери? — Ее голос дрожал от невыносимой боли, которую она не пыталась скрыть.

Сандер потянул за простыню, натянутую до пояса.

— Она никогда не вела себя с тобой как настоящая мать. Никогда. Она бросала тебя на того, кто соглашался взять, чтобы поскорее оказаться в постели со своим очередным любовником. — Он сморщил нос от отвращения. — Если бы она уехала с тобой из города, кто знает, что, черт возьми, могло бы случиться? Возможно, она бы оставила тебя одну. Или бросила тебя с незнакомцами.

Винтер обхватила себя руками. Она не собиралась признавать, что в его словах может быть доля правды. В данный момент ей хватало забот с предательством деда и осознанием того, что Олли — безумный сумасшедший, который может ее застрелить.

Более чем достаточно.

— Может, мама и не была идеальной, но она никогда бы не подвергла меня опасности, — настаивала Винтер.

Сандер посмотрел на нее, словно желая, чтобы она поверила, что у него не оставалось выбора.

— Ты ее не знала. Не так, как я. Она была эгоистичной стервой, которая не заботилась ни о ком, кроме себя. — Он выпятил подбородок, словно маленький мальчик, которого осмелились назвать лжецом. — Я не мог рисковать.

Винтер нахмурилась. Она признавала, что у ее мамы были недостатки. Много недостатков. Но в голосе бабушки звучала отчаянная нотка, свидетельствующая о том, что он не просто пытался убедить ее в том, что спас от участи, которая стоила бы ей жизни. Он старался убедить и самого себя.

— Нет. — Поток горечи присоединился к ядовитому вареву страха и разочарования, бурлившему в глубине ее тела. — Ты не беспокоился обо мне.

— Конечно, беспокоился, — запротестовал старик.

Она покачала головой.

— Ты беспокоился о драгоценном имени Мур.

— Молодец, Винтер, — похвалил Олли, насмешливо улыбаясь лежащему на больничной койке старику. — Она знает тебя лучше, чем ты ожидал, а, Сандер?

Дед не сводил взгляда с Винтера, отказываясь признавать человека, направившего пистолет ему в сердце.

— Если ты имеешь в виду, что я устал видеть, как твоя мать превращает моего сына в местного дурачка, то согласен.

Винтер не пришлось представлять себе ярость деда, наблюдавшего за тем, как его

эпатажная невестка устраивает переполох в застоявшемся Ларкине. Лорел явно не заботилась о скандале. На самом деле, казалось, она делала все возможное, чтобы стать постоянным источником сплетен.

Хуже того, Сандер был старомодным человеком, ожидающим, что женщина будет подчиняться его приказам. Даже одна мысль о том, что его собственную невестку не удастся укротить, приводила его в бешенство.

— Это ты попал в неловкое положение, а не мой отец, — настаивала она.

— Потому что у этой дуры нет ума, которым Бог наделил даже гуся, — огрызнулся он. — Она разрушала репутацию семьи.

Винтер смахнула внезапно выступившие слезы. Как часто мир омывался болью и кровопролитием из-за того, что какой-то упрямец боялся, что задета его гордость?

— И за это ее следовало убить?

Сандер поднял руку в умоляющем жесте.

— Я был в отчаянии.

Винтер отступила назад. С годами она научилась прощать деда за его вспыльчивый характер, отказ признать, что он может быть неправ, и привычку размахивать винтовкой, когда проигрывал спор.

Но это...

Она никогда, никогда не простит его за его участие в смерти ее мамы.

— Ты просто высокомерный ублюдок, которому наплевать на всех, кроме себя.

Рядом с ней Олли посмеивался, словно наслаждаясь напряжением между Винтер и стариком.

— Все еще хуже, а, Сандер? Расскажи ей о деньгах.

Сандер заскрипел зубами.

— Заткнись.

Еще хуже? Ее дедушка организовал смерть ее мамы. Что может быть хуже?

— Что за деньги? — Потребовала Винтер.

Сандер отвел глаза, не желая встречаться с ней взглядом.

— Я же говорил тебе. Она всегда просила денег. Каждую неделю ей требовалось все больше и больше...

— Она не единственная, кому нужно было больше, — перебил Олли.

Винтер перевела взгляд на Олли рядом с ней. Стало очевидно, что ее дедушка не собирается признавать правду.

— О чем ты говоришь?

— О страховке жизни, приобрести которую Сандер уговорил твоего отца. Он хотел убедиться, что у него будет достаточно средств, чтобы расплатиться с долгами по ферме.

Сердце Винтер забыло, как биться. Олли не ошибся. Это гораздо хуже. Уязвленная гордость и смущение могли спровоцировать человека на гнев. Минутное безумие, о котором впоследствии придется пожалеть. Но убедить отца приобрести полис страхования жизни означало, что Сандер хладнокровно спланировал и подстроил смерть ее мамы.

Расчетливый монстр, который использовал всех вокруг себя.

Словно почувствовав всплеск ее отвращения, Сандер в отчаянии произнес.

— Долги твоей матери, Винтер, — настаивал он. — У нее были кредитные карты, и новый автомобиль, и платежи за дом, которые она настаивала, чтобы я оплачивал. Конечно, я влез в долги.

— Долги возникли не только у нее, — насмеялся Олли. — Драгоценное поместье Муров, созданное пионерами и гордость Ларкина, превратилось в денежную дыру.

— Это семейная реликвия. Наследие, — зарычал старик. — Такому человеку, как ты, этого никогда не понять.

Олли рассмеялся.

— Я не из тех идиотов в парикмахерской, которые верят в твою жалкую ложь. Это жалкий клочок земли в глуши с несколькими тощими коровами, парой цыплят и домом на грани развала. Не такое уж большое наследие.

Сандер покраснел. Очевидно, он сильнее переживал, что его драгоценное наследство потерпело крах, а не из-за того, что решил убить невестку, чтобы сохранить свой секрет.

— У нас выдалось несколько неудачных лет, вот и все, — пробормотал он.

Олли послал Винтер торжествующий взгляд.

— Без денег от страховой компании Сандер потерял бы все. Вот почему он хотел, чтобы я убил твою маму.

— Нет, — прохрипел Сандер, снова пытаясь с трудом сесть. — Не слушай его...

Пищащие аппараты пронзительно предупредили, когда старик дернул за провода, и с быстротой, заставшей Винтер врасплох, Олли наклонился вперед и ударил рукояткой пистолета по голове Сандера. Он попал прямо в забинтованное место, где пуля задела его почти неделю назад.

Вскрикнув от боли, Сандер упал обратно на подушку, его глаза закрылись, а звуковые сигналы стихли.

— Что ты делаешь? — Винтер задыхалась, потрясенная неожиданным нападением.

Не стоило. Теперь она знала, что Олли убил ее маму и, несомненно, еще четырех человек. Он был жестоким социопатом. Но знать правду и принять ее — две разные вещи.

Она знала его так долго. Как могло случиться, что Винтер никогда не подозревала, что за застенчивой улыбкой скрывается злое сердце?

— Заставил его замолчать. — Олли облокотился на перила кровати, изучая бледное лицо Сандера без всяких эмоций. — Надеюсь, он умрет. Если нет, я вернусь и прикончу его. — Он выпрямился и повернулся к ней лицом. — После того, как закончу с тобой.

— Закончишь со мной? — Во рту у нее так пересохло, что она с трудом выговаривала слова. — Что это значит?

Он шагнул к Винтер, прижав кончик пистолета к ее боку.

— Мы собираемся покинуть больницу. Ты будешь улыбаться, кивать и убеждать всех, что тебе приятно быть со мной. — Олли вонзил оружие в ее плоть, достаточно сильно, чтобы оставить синяк. — Поняла?

Мысли Винтер неслись вскачь. Какая-то часть ее сознания понимала, что она должна кричать о помощи. По правилам не следует безропотно отправляться в уединенное место с сумасшедшим безумцем, верно? Зачем облегчать задачу Олли? Но другая часть ее сознания предупреждала ее не делать глупостей. Ее бабушка может очнуться и сообщить в полицию. Или Ноа приедет за ней...

Пистолет вошел еще глубже, и Винтер поморщилась от боли.

— Да, я поняла.

Олли обнял ее за плечи, спрятав пистолет и притянув ее к себе. Любой, кто посмотрел бы в их сторону, решил бы, что они пара, поддерживающая друг друга во время стресса. Обычное зрелище для людей, входящих и выходящих из отделения интенсивной терапии.

Винтер надеялась, что кто-нибудь заметит, что Олли прижимает ее к себе слишком близко и что его лицо покраснелось от волнения. Малейшее отвлечение внимания, как она надеялась, придаст ей смелости, чтобы попытаться сбежать.

Но все шансы быть замеченными улетучились, когда он свернул в сторону от главного коридора и вошел в распашную дверь. Мгновение спустя они уже спускались на служебном лифте.

Глава 30

Винтер с трудом дышала. Паника, которую она отчаянно пыталась сдержать, накатила на нее, когда они вышли из лифта. Теперь совершенно очевидно, что никто не бросится на помощь. Она осталась один на один с психопатом, у которого все основания желать ее смерти.

Подойдя к узкой задней двери, Олли воспользовался ключом, который, решила Винтер, ему дали для проведения ремонтных работ. А может, он его украл. В любом случае, они миновали персонал и посетителей, пока он вел ее к своему фургону, припаркованному всего в нескольких больницах.

Винтер тихонько застонала, когда Олли открыл заднюю дверь фургона и втолкнул ее в темноту. Она всегда относилась к жизни с оптимизмом и ценила ее. Но вот сейчас, когда подумала о своей смерти, то поняла, как сильно хочет жить.

Она мечтала зайти в свой ресторан и почувствовать запах теплого хлеба. Хотела проводить вечера, работая в теплицах, собирая сочные овощи и копаясь пальцами в богатой земле. Она хотела засыпать в объятиях Ноа, чтобы его мягкое дыхание касалось ее лица.

Она хотела состариться, жалуясь, что у нее болят колени и что мир уже не такой, как прежде.

Олли заставил ее пройти мимо аккуратно сложенных инструментов и запчастей. Затем, когда они подошли к сетчатому барьеру, защищавшему водителя от груза в кузове, он заставил ее сесть на узкий выступ.

— Олли, ты не должен этого делать, — пролепетала Винтер, расширив глаза, когда он ловко схватил рулон клейкой ленты и связал ее запястья. Затем он оторвал кусок ленты и начал клеить ей рот. Винтер дернулась назад, ударившись головой о борт фургона. — Нет, пожалуйста, Олли.

Он нахмурился, но, возможно, почувствовав ее панику, свернул кусок ленты и отбросил его в сторону.

— Кричи, и я не только убью тебя, но и выслежу твоего отца и твоего драгоценного парня и уничтожу их. — Он направил пистолет прямо на ее бешено колотящееся сердце. — Ты мне веришь?

— Да. — И это не ложь. Винтер не только верила, что он убьет всех, кого она любила, но и получит от этого удовольствие.

— Хорошо.

Выйдя из фургона, он захлопнул дверь, и она услышала звон ключей, когда Олли поворачивал замок. Через минуту он уже сидел за рулем и заводил двигатель, чтобы выехать с парковки и свернуть на боковую улицу.

На мгновение Винтер показалось, что она потеряет сознание. Страх пронизывал ее до дрожи, голова кружилась, а дыхание перехватывало. Только понимание, что если она потеряет сознание, то уже никогда не очнется, придало Винтер мужества бороться с надвигающейся темнотой.

Она выживет, сказала она себе. Так или иначе, любым способом.

Мрачно очистив разум, Винтер посмотрела на окружающее ее оборудование. Должно же найтись хоть что-нибудь, что могло бы помочь ей спастись. Встроенные полки были забиты инструментами. В то же время она заставила себя прислониться к металлической сетке, отделявшей ее от Олли. Она должна его отвлечь. Иначе он поймет, что она что-то замышляет.

— Куда ты меня везешь? — потребовала Винтер.

Олли взглянул в зеркало заднего вида и послал ей улыбку, которая пробрала ее до костей.

— С тобой скоро произойдет несчастный случай. — Он насмешливо прищелкнул языком. — Какая жалость.

— Почему, Олли? Я думала, мы друзья. — Ей не пришлось изображать дрожь в голосе.

— Так и есть. — В его тоне прозвучало искреннее удивление, как будто Олли удивился вопросу. — Я всегда считал тебя своей младшей сестрой. Вот почему согласился избавиться от твоей мамы, когда Сандер попросил меня позаботиться о его проблеме.

Винтер поморщилась. Она никогда не простит своего дедушку. Ни за его участие в убийстве ее мамы, ни за то, что он выбрал мальчишку для выполнения грязной работы. Олли явно психически болен, но Сандер подтолкнул его к этому.

— Я думала, это ради денег, — напомнила она ему.

Ее взгляд скользнул по приборам и сантехническим деталям на полках. В пределах досягаемости не наблюдалось ничего, что она могла бы использовать в качестве оружия. Скорее всего, более острое оборудование заперто в стальных ящиках для инструментов, сложенных сзади.

Олли свернул на узкую проселочную дорогу, идущую параллельно шоссе. Боялся ли он, что его остановит полицейский патруль? Или просто избегал пробок? Какой бы ни оказалась причина, Винтер с трудом держалась на узком выступе, когда они подпрыгивали на крошащемся цементе.

— Если Сандер хотел, чтобы я вынес его мусор, то он обязан оплатить мои услуги, — сказал ей Олли.

Винтер охватила неконтролируемая ярость.

— Моя мама не была мусором.

Она видела, как Олли хмурится в зеркале заднего вида.

— Сандер заставил меня поверить в это. Он говорил снова и снова, что Лорел подвергает тебя опасности и лишь вопрос времени, когда с тобой случится что-то ужасное.

Винтер проглотила резкие слова. Спорить бесполезно. Пока она твердо верила, что мама любила ее, это единственное, что имело значение. Кроме того, сейчас у нее полно более важных дел.

Винтер уже собиралась потребовать ответа, направляются ли они в Ларкин, как вдруг резко полетела вперед и упала на колени, когда машина попала в глубокую выбоину. В то же время прямо напротив нее опрокинулось пластиковое ведро. Она заметила его, когда они только выехали со стоянки, но оно казалось заполнено только кистями, малярной лентой и другими малярными принадлежностями. Ничего, что могло бы послужить оружием. Только когда ведро перевернулось, она увидела на дне изогнутую рукоятку ножа для разрезания коробок.

Он не слишком велик, чтобы причинить какой-либо ущерб, но идеально подходит для

разрезания ленты, скреплявшей ее запястья.

Все еще стоя на коленях, Винтер схватила нож и быстро спрятала его между ладонями, когда Олли сбавил скорость и оглянулся через плечо.

— Что ты делаешь? — прорычал он.

— Пытаюсь удержать равновесие. — Винтер неловко опустилась на выступ, просунув руки между ног. Олли продолжал сбрасывать скорость, словно обдумывая возможность остановиться, и проверить, не завладела ли она молотком или отверткой. — Ты следил за моей мамой, когда она ездила в Пайк в последние выходные? — поспешно спросила она.

В больнице Винтер почувствовала, что Олли не терпится раскрыть, насколько он умно поступил. Он не испытывал ни малейшего чувства вины, когда признался, что убил ее маму. Ему долгие годы сходило с рук убийство, но он так и не смог поделиться своим секретом.

Теперь ему не терпелось блеснуть своей находчивостью.

Олли изучал выражение ее лица, как бы пытаясь понять, действительно ли она заинтересована или просто пытается его отвлечь. Затем, похоже, удовлетворенный, он вернул свое внимание к дороге и нажал на педаль газа.

— Да, я следил за ней, — признал он. — И Сандер оказался прав.

Винтер с облегчением вздохнула, незаметно поворачивая резак, пока лезвие не уперлось в край ленты.

— В чем прав?

— Твоя мама действительно бросила тебя на крыльце бабушкиного дома и помчалась в свой домик к соседу.

Винтер не позволяла себе думать о том, что ее мама и Дрейк Шелтон потакали своим страстям. Это осталось в прошлом. Ничто не имело значения, кроме этого момента. И выживания.

— Ты шпионил за ними? — спросила она, проводя лезвием вверх-вниз легкими движениями. Меньше всего ей хотелось порезать себе запястье.

— Я следил за домиком. Именно там я собирался... — Он пожал плечами. — Ну, ты знаешь.

Винтер стиснула зубы. Ей нужно сосредоточиться на лезвии. Вверх и вниз. Вверх и вниз. По одной доле дюйма за раз.

— Почему ты не убил ее там? — заставила она себя спросить.

Олли фыркнул.

— Ее любовник едва отходил от нее, все то время, что они оставались вместе, только чтобы отлить. — Он сделал паузу, откинув голову назад, чтобы она могла увидеть лукавую улыбку, искривившую его губы. — К тому же не только я наблюдал за ними.

Винтер дернулась в шоке, чуть не выронив резак. Домик стоял слишком уединенно, чтобы в него мог заглянуть случайный любитель подглядывать.

— Ты серьезно? — пролепетала она.

— Совершенно серьезно. — Он свернул, чтобы объехать что-то на дороге, затем его взгляд вернулся к зеркалу заднего вида. — Ну-ка спроси меня, кто там был.

Винтер не хотела. Ее заставляли видеть худшее в людях, которых она любила и доверяла. Ее мать. Ее отец. Ее дедушка. Она не хотела обнаружить темные мотивы кого-то еще.

К сожалению, она должна поддерживать разговор с Олли. Даже если это причинит ей еще больше боли.

— Кто там был?

— Женщина.

Винтер нахмурилась, сильнее прижимая лезвие к неподатливой ленте.

— Какая женщина?

— Тогда я не знал, но оказалось, что это была жена любовника. Я видел, как она подъехала к соседнему дому, ожидая, пока твоя мама заберет тебя из дома твоей бабушки.

— Мона Шелтон?

— Точно.

Винтер вздрогнула. Наверное, ей следовало посочувствовать этой женщине. Как ужасно проводить ночи в слежке за мужем, который одержим другой. Но когда она поймала в зеркале пристальный взгляд Олли, ее желудок сжался от предчувствия.

Мона Шелтон была далеко не одна у домика.

— Кто еще?

Он хихикнул, наслаждаясь резкостью ее голоса.

— Ты знаешь.

— Не знаю.

— Думай, Винтер.

Она не хотела играть в его большую игру. Не хотела доставлять ему удовольствие. Но она не смела его злить. Существовала вероятность, что он просто повернется и выстрелит ей в голову.

— Мой отец, — пробормотала она.

— Отлично, — удовлетворенно сказал он.

— Что он там делал? — Винтер опустила голову, словно пытаясь спрятать лицо. Так она смогла увидеть, как далеко продвинулась.

Больше половины длины.

— Подглядывал в окна, как извращенец, — насмехался Олли. — Мне пришлось залезть на дерево, чтобы не быть замеченным, когда он появился. Я чуть не отморозил себе яйца, пока он наконец не ушел.

Винтер отказывалась думать о том, что ее отец взял свою секретаршу в отель в Пайке, чтобы подглядывать за женой, находящейся в постели с другим мужчиной. А Олли затаился в темноте, как мрачный жнец, ожидающий удара.

Все это так печально, извращенно и ужасно.

— Ты последовал за моей мамой в дом моей бабушки после того, как она вышла из домика? — Она пригласила Олли продолжить рассказ.

Они находились всего в нескольких милях от Ларкина. Ей нужно освободить руки, прежде чем они доберутся туда.

— Да. Я боялся, что упустил свою возможность. — Он покачал головой, как бы разочарованный своей неспособностью нажать на курок. — Я знал, что Сандер будет в ярости. Но потом Лорел остановилась, чтобы заправиться. Бинго. Я снова в деле.

— Как ты мог, Олли? Она была моей матерью.

— Я же сказал тебе. Я верил, что она никуда не годная женщина, — повторил он, и его голос не выражал никаких эмоций. Он словно обсуждал жука, которого ему пришлось раздавить.

К счастью, он не заметил, как она отвлеклась, сосредоточившись на разрезании последних слоев ленты.

— Сандер рассказывал мне о ней. Он говорил, что она занималась извращениями с мужчинами и даже женщинами. И что Лорел слишком много пьет, и он подозревает, что она принимает наркотики. Он говорил, что ты станешь такой же, как мать, если мы от нее не избавимся. — Он сделал паузу, словно смакуя воспоминание о том, как стрелял в безоружную Лорел, которая никогда не сделала ему ничего плохого. Затем он громко вздохнул. — Конечно, мне жаль, что ты присутствовала при этом, Винтер. Я поступил небрежно. Я вовсе не хотел, чтобы ты видела смерть своей матери.

Она не поверила его притворному раскаянию. Возможно, он и не собирался убивать Лорел на глазах у дочери, но какая-то его часть, несомненно, наслаждалась мыслью о том, что кто-то наблюдал за моментом его славы. Она не собиралась говорить ему, что спала, пока он не выстрелил...

Стоп. Внезапное осознание обрушилось на Винтер. На заправке находился еще кто-то, кто наблюдал за его злодеянием.

— Кто-то ведь присутствовал при убийстве? — резко спросила она.

— Очень хорошо, Винтер, — удивился он. — Ты всегда была умной девочкой.

— Тилли узнала тебя?

— Нет, у меня хватило ума не показываться в Пайке.

— Тогда зачем было ее убивать?

Наступило долгое молчание. Как будто Олли не хотел признавать свою ошибку.

— Потому что я сглупил, припарковавшись на обочине рядом с заправкой, — наконец признался он. — Ошибка новичка, но тогда я и правда был новичком.

Винтер нахмурилась в замешательстве.

— И это все? Ты припарковался рядом с заправкой?

— После того, как застрелил твою маму, я побежал к грузовику. Кассирша стояла там.

— Где стояла?

— В окне станции, глядя прямо на мой грузовик.

Винтер вспомнила фотографию, которую шериф сохранил для нее. Очевидно, его смущал тот факт, что не существовало причин убивать ее мать, но заметил ли он в окне очертания кассирши? Кассирши, которая утверждала, что во время стрельбы находилась в подсобке.

— И что? — спросила она. — Многие люди водят грузовики в этом районе.

— Не такой, как мой. Я купил машину на свалке и несколько месяцев собирал запчасти, чтобы привести ее в рабочее состояние. Кузов был ржаво-красного цвета с желтым капотом и зелеными дверями. На бампере зияла огромная вмятина. — Он покачал головой в отвращении. — Я не мог позволить ей описать ее копам. Они бы выследили меня в мгновение ока.

— Почему ты не убил ее той ночью? — Ужасный вопрос, но он отвлек Олли, пока она заканчивала резать пленку.

— Я предположил, что кто-то услышал выстрелы и вызвал полицию. Я не мог рисковать, тратить время на путь к станции, а потом надеяться, что успею вернуться к грузовику и уехать до того, как они появятся. Пайк — не такой уж большой город. — Олли замедлил ход, когда они подъехали к окраине Ларкина. — Вместо этого я направил пистолет прямо на нее. Она закричала и побежала к задней части станции.

Винтер вскинул бровь. Угроза казалась не слишком серьезной.

— И это все?

— Нет. Я проехал несколько кварталов, а потом припарковался, чтобы вернуться на заправку. Я спрятался в тени переулка напротив заправки. Когда шериф вывел кассиршу из станции, чтобы допросить, то вышел на свет, чтобы она увидела, что я за ней наблюдаю. — Он резко рассмеялся, в его голосе прозвучало странное чувство восторга. — Она упала в обморок. Я тогда понял, что она будет держать свой рот на замке.

Винтер стиснула зубы. Тилли Лиддон точно перенесла травму после той ночи. Просто еще одна жертва, заплатившая цену за раздутую гордость старика.

— И это все? — Она говорила нарочито язвительно. — Ты вернулся в Ларкин и получил деньги, чтобы начать свой бизнес.

— Как ты и сказала, «И это все», — согласился Олли, сворачивая на боковую улицу, ведущую через жилую часть города.

Куда, черт возьми, он собирался? Винтер почему-то решила, что они поедут на ферму ее дедушки. Именно там происходили все остальные ужасные вещи. Но если у него есть какой-то адрес в городе, значит, у нее остались считанные минуты, чтобы подготовиться к побегу.

Заставляя себя делать медленные, глубокие вдохи, Винтер нажимала на лезвие, пока не достигла дальнего края ленты. Она не хотела резать до конца и рисковать тем, что лента отвалится.

В то же время она пыталась поддержать разговор.

— Так что же изменилось? Если ты получил то, что хотел, зачем тогда рисковать и убивать Тилли и остальных?

— Ты осталась на ночь в Пайке.

Винтер моргнула, ожидая большего.

— И какое это имеет отношение к делу?

— Я был там.

— В Пайке?

— На кладбище.

— Зачем?

— Для меня это стало важным событием в жизни, Винтер, — укорил он, как бы обидевшись на ее вопрос. — Как и ты, я чувствовал себя обязанным отметить эту годовщину посещением могилы Лорел.

Винтер смотрела на профиль Олли сквозь стальную сетку, силясь принять то, что он ей говорил.

— Ты каждый год ходишь за мной на кладбище?

— Я хотел отдать дань уважения.

Винтер пронзила дрожь. Пока она стояла над могилой Лорел, оплакивая мать, что у нее жестоко отняли, убудок, стрелявший в нее, скрывался в тени. Это просто... извращение.

— Боже, — пробормотала она.

Она видела, как сжалась челюсть Олли, как будто он сопротивлялся желанию настоять на том, что присутствовал там, чтобы как-то почтить память ее умершей матери. Вместо этого он рывком вывернул руль, чтобы повернуть на Седр-авеню.

— Я видел, как ты разговаривала с кем-то у могилы шерифа, а потом пошла к тому дому в нескольких кварталах от кладбища. Это показалось мне странным, особенно когда ты заселилась в мотель, — признался он. — Я понял, что что-то случилось, но только когда увидел, как ты разговариваешь с Тилли, сообразил, что ты копаешься в прошлом. — Он притормозил на мигающем красном светофоре. — Почему?

— У шерифа Янсена хранилась фотография моей мамы. Она уже отдала тебе свою сумочку, и он задавался вопросом, зачем тебе стрелять в нее, — объяснила ему Винтер. Врать не имело смысла. — Очевидно, это не выходило у него из головы все эти годы.

— Эх. — Олли с сожалением прищелкнул языком. — Я был таким дилетантом.

— Дилетант-убийца, — напомнила ему Винтер резко. — Сколько людей ты в итоге убил?

Выражение его лица оставалось невозмутимым. Олли ничуть не обиделся на то, что его убийства швырнули ему в лицо. На самом деле, он, казалось, гордился тем, что застрелил ее мать.

— Я не хотел никому причинять боль, — запротестовал он. — Вот почему я пошел в твою квартиру. Чтобы оставить записку.

— Это ты?

— Кто еще?

— Ты действительно думал, что записка помешает мне узнать, что случилось с моей мамой?

— Должна была. Ничего из этого не понадобилось бы, если бы ты просто позволила прошлому остаться в прошлом.

Олли нажал на газ, вильнув фургоном, чтобы она врезалась в барьер из стальной сетки. Винтер ударилась головой, но ее беспокоила не резкая боль. Ее беспокоило то, что от неожиданного толчка резак вырвался из ее руки и покатился к задней части фургона.

На секунду она подумала о том, чтобы нырнуть за ним. Конечно, это не самое удачное оружие, но лучше, чем ничего. Затем рассудок вернулся. Она не могла рисковать и допустить, чтобы Олли обнаружил, что ей удалось разрезать ленту.

Винтер проигнорировала его тихий смех, пытаясь выпрямиться.

— Полагаю, ты воспользовался ключом, который я тебе дала, чтобы сделать ремонт на кухне. — Винтер нахмурилась, резко вспомнив, что Олли находился на ее стоянке, когда она подъезжала. Она оказалась так глупо слепа. — Господи, мне следовало заподозрить, что ты лжешь насчет таинственного злоумышленника.

— О нет. Я не врал насчет незваного гостя. По крайней мере, не совсем, — запротестовал он. — Пока я находился в твоей квартире, в дверь постучали. Когда я выглянул в окно, то увидел, что кто-то возвращается к своей машине, припаркованной за рестораном.

— Кто?

— Мона Шелтон.

Винтер потрясенно произнесла.

— Мона? Что она там делала?

Он пожал плечами.

— Сначала я ее не узнал. Потом увидел наклейку на заднем стекле ее машины с надписью «Шелтон Констракшн» и понял, что это жена любовника. — Олли поднял руку, помахав кому-то на улице. Как будто это обычный день, когда он ехал по улицам Ларкина, а не держал женщину, которую знал всю свою жизнь, в плену в задней части своего фургона. — Я намеревался проследить за ней и потребовать рассказать, что она там делает, но тут появилась ты.

Винтер обдумывала то, что произошло после того, как она обнаружила Олли на стоянке. Появился Ноа, а затем полицейские. Она перепугалась из-за взлома, чтобы остаться, и

переехала на ферму.

На следующее утро она отправилась в свои теплицы. Да, всё верно. И Ноа был там. Через несколько минут ее дедушка вернулся домой.

Она резко вдохнула.

— Значит, когда ты понял, что записка меня не остановит, то решил меня застрелить?

— Застрелить тебя? — Он фыркнул. — Ты видела, как я стреляю из винтовки, Винтер. Неужели думаешь, что я промахнусь, если буду целиться в тебя?

Это правда. Он всегда выигрывал соревнования по стрельбе по тарелочкам на ярмарке.

— Дедушка?

— Динь, динь, — поддразнил Олли. — Сандер пришел ко мне тем утром. Он сказал, что собирается все тебе рассказать. Я не мог этого допустить. То, что у него случился кризис совести, не означает, что я пойду с ним на дно.

Винтер не знала, что чувствовать. Она никогда не забудет свой ужас при виде дедушки, лежащего на земле с окровавленной головой. Но теперь, когда узнала правду, ее больше не мучило чувство вины, будто она несет за это какую-то ответственность. Сандера Мура подстрелили, потому что он нанял сумасшедшего, чтобы убить ее маму.

— Ты пытался запугать его, чтобы он замолчал, или ты хотел его убить? — спросила она, ее голос звучал до странности спокойно.

— Убить. — Олли бросил на нее взгляд через зеркало заднего вида. — Но твой парень отвлек меня, когда повалил тебя на землю.

Винтер не хотела думать о том, что случилось бы, если бы Ноа не оказалось рядом. В отношении деда ее эмоции были сложными, но она не хотела его смерти.

Проще сосредоточиться на Олли и его готовности сыграть роль Иуды.

— Он был тебе как отец, — обвинила она.

Олли фыркнул.

— Для меня фраза «был как отец» не звучит комплиментом.

— Ладно, с отцами бывают проблемы, — сухо согласилась Винтер. — Но мой дедушка, по крайней мере, согласился нанять тебя, когда твой отец ушел.

— И ты думаешь, я должен быть благодарен? — Он наблюдал за ней в зеркало, ожидая, пока она нерешительно кивнет. — Позволь рассказать тебе о моих отношениях с Сандером. — Его голос внезапно стал жестким. — Он нагружал меня как собаку и платил мне неофициально, чтобы не беспокоиться о законах о детском труде. Я должен был появляться на работе независимо от погоды, или когда болел, или если хотел взять выходной, чтобы присоединиться к своим друзьям.

— Почему ты остался?

— У меня не было выбора. Моя мать не зарабатывала достаточно денег, чтобы оплачивать аренду и продукты. — Его плечи приподнялись в небрежном пожатии. — Либо я работаю, либо голодаю.

Винтер не жалела Олли. Он порочен насквозь. Но она подозревала, что он стал таким не по своей воле. Многие руки лепили из него бездушное чудовище, которым он стал.

— Неужели ты не чувствовал никакой вины, когда нажимал на курок?

Олли затормозил на очередном перекрестке, и Винтер выглянула в лобовое стекло. Они приближались к центру города. Идеальное место, чтобы попытаться привлечь внимание пешеходов, прогуливающих по тротуарам. Или даже одной из машин, которые двигались рядом с фургоном.

Только понимание, что она в ловушке, удерживало Винтер от крика. Пока она заперта, пытаться звать на помощь слишком опасно.

— Единственное, что я чувствовал, это досаду, когда не успел всадить ему пулю между глаз, — пробурчал Олли. — К сожалению, я ничего не мог сделать, когда его отвезли в реанимацию. За ним всегда кто-то наблюдал. Мне оставалось только молиться, чтобы он умер, пока я прятал остальные концы.

Разительное отсутствие сожаления в его голосе уверило Винтер в том, что она не имеет надежды убедить Олли отпустить ее. Он мог утверждать, что думает о ней как о сестре, но на самом деле он настоящий социопат. Он не способен заботиться ни о ком, кроме себя.

Единственное, что она могла пока сделать, это поддерживать разговор с ним и надеяться, что кто-то ищет ее.

— Какие концы?

— Мона, например.

Винтер вспомнила, что та приехала в Ларкин, предположительно, чтобы повидаться с ней. И этот таинственный визит привел к ее смерти.

— Ты использовал мой телефон, чтобы заманить ее в свою ловушку, — обвинила она.

— Да, я нашел его, когда приехал на ферму выполнять работу по хозяйству, — признался он без колебаний. — Не знал, что буду с ним делать, пока мне не пришло в голову, что это отличный способ избавиться от той женщины.

— Как ты узнал ее номер?

— Ее муж оказался достаточно любезен, чтобы указать два номера на своем строительном сайте. Быстрый компьютерный поиск показал, что он такой же предприниматель, как и я, так кому же еще мог принадлежать второй номер?

Это ответило на один вопрос, но не на причину, по которой он убил бедную женщину.

— Почему? — Винтер не пыталась скрыть свое отвращение. — Ты понятия не имел, чего она могла хотеть. Я понятия не имею, чего она хотела.

— Зачем ей приезжать в Ларкин, если она не хочет сказать тебе что-то важное? — защищаясь ответил Олли. — Возможно, она видела меня в ту ночь, когда умерла твоя мама. — Он сказал это так, как будто не имел никакого отношения к ее смерти. — Я понятия не имею, как долго она таилась в тени возле домика в ту ночь. Или видела ли она, как я выслеживал твою маму. И даже если она ничего не знала о моей связи с убийством, она видела мой фургон на парковке, когда приехала в твой ресторан, — напомнил он ей. — И, насколько знаю, она могла заметить меня, когда я выглянул из окна. Не мог допустить, чтобы она рассказала тебе, что это я оставил записку.

Винтер поджала губы. Он оправдывался. Олли явно хотел убить Мону и нашел причину, чтобы исполнить это желание.

— А что насчет Дрейка? — потребовала она.

Он крепко сжал пальцы на руле. Мог ли он услышать нотки презрения в ее голосе?

— Возможно, она призналась, что шпионила за домиком той ночью. — Она заметила, как он поморщился, словно осознавая, что его слова прозвучали неубедительно. — Более того, я надеялся, что все будет выглядеть так, будто это он убил свою жену, а потом покончил с собой.

— Как ты вытащил его в Ларкин?

— Воспользовался твоим телефоном.

Винтер зашипела в шок.

— Ты позвонил ему?

— Нет, я отправил сообщение.

Дрейк не показался Винтер особенно наивным человеком. Как раз наоборот. С какой стати ему отвечать на случайное сообщение от незнакомца?

— Что ты там написал?

— Что ты хочешь отдать любовные письма, которые он посылал твоей маме.

— Как... — Она оборвала свои слова. Олли знал только один способ манипулировать Дрейком Шелтоном. — Ты шпионил за нами, когда мы пошли поговорить с ним.

— Я должен был знать, как много тебе удалось выяснить.

Винтер с отвращением покачала головой.

— Не так уж и много, — пробормотала она.

— Слишком много, — возразил Олли. — Если бы ты оставила его в покое, ничего бы этого не случилось.

— Не вини меня. — Винтер бы прокляла себя, если бы взяла ответственность за то, что Олли впал в безумие. — Я думаю, тебе нравилось причинять им боль.

— Нет. — Он замедлил ход фургона, как будто теряясь в удовольствии воспоминаний. — Я наслаждался хаосом. Огнями. Сиренами. Криками. Они заставляли меня чувствовать.

— Что чувствовать?

— Чувствовать, — повторил он. — Пока я не оказался в том переулке, наблюдая, как полиция, машины скорой помощи и пожарные машины окружают заправку, я никогда не испытывал волнения. Люди кричали, и ты кричала. — Он взволнованно вздохнул. — Мое сердце билось так сильно, что я думал оно выпрыгнет из груди. Просто потрясающе.

Потрясающе? Она приоткрыла губы, чтобы сообщить ему, что в убийстве нет ничего потрясающего, когда Олли резко повернул руль и, проскочив через дорогу, выехал на пустую стоянку.

Винтер приложила о борт фургона, снова ударившись головой. Но не это сорвало крик с ее губ.

Нет, она осознала, где они находятся.

«Винтер Гарден».

Глава 31

Ноа припарковался за белым кирпичным зданием, которое когда-то принадлежало автосервису. Огляделся. Никаких следов фургона Оливера. Идеально.

Выбравшись из джипа, Ноа заглянул в маленькое окошко над мусорным контейнером. Он мог видеть пустые отсеки, которые теперь заставлены полками от пола до потолка, заполненные запасными частями. Здесь хранились провода, выключатели, трубы из ПВХ и сотня других мелочей, необходимых мастеру. В центре отсеков располагалась большая настольная пила и более громоздкое оборудование, которое не помещалось в инструментальный шкаф.

Свет не горел, как будто Оливер не собирался возвращаться какое-то время.

Ноа подошел к задней двери и повернул ручку. Неудивительно, что она не поддавалась. Городок хоть и маленький, но кто-то мог запросто взять инструменты, если бы они лежали без присмотра.

Дверь, однако, выглядела такой же старой, как и здание, и одним сильным толчком плеча Ноа удалось сломать хлипкий замок. Если Оливер захочет выдвинуть против него

обвинение в незаконном проникновении, Ноа наплевать. Он даже заплатит за новую дверь, если его подозрения окажутся ошибочными.

Ступив в узкий коридор, Ноа миновал небольшую ванную комнату и проход в отсеки. Его интересовал только офис, который находился в передней части здания.

Дверь оказалась закрыта, но, к счастью, не заперта. Толкнув ее, он шагнул в узкое пространство, которое когда-то служило приемной.

Помещение поражало аккуратностью: вдоль одной стены стояли шкафы с документами, а у большого окна располагался деревянный стол. Остановившись, чтобы убедиться, что никто не проходит мимо здания, Ноа пересек плюшевый ковер, чтобы пролистать папки, сложенные на столе.

Он нашел счета, бланки заказов, банковские выписки, но ничего, что указывало бы на причастность Оливера к убийствам. Нахмурившись, Ноа повернулся, чтобы уйти, но остановился, увидев дверь, почти скрытую за одним из картотечных шкафов. Личная ванная? Кладовка?

Ноа поспешил открыть дверь. Не мешало бы проверить, раз уж он здесь.

Он обнаружил лестницу, ведущую на второй этаж.

Конечно. Как и Винтер, Оливер создал квартиру над своим бизнесом.

Ноа отказался думать о том, правильно или неправильно вторгаться в личное пространство хозяина. Ничто не имело значения, кроме защиты Винтер.

Ничего.

Поднявшись по ступенькам, Ноа оказался на открытой мансарде с гостиной, которая перетекала прямо в маленькую кухню. Он увидел дверь, ведущую в ванную комнату, а с другой стороны — проем, через который виднелась большая спальня.

Ноа быстро осмотрел гостиную и кухню, прежде чем направиться в спальню. Это казалось логичным местом, где можно спрятать любые улики. Войдя в затемненную комнату, Ноа проигнорировал узкую кровать и книжную полку. Вместо этого он сосредоточился на комод, открыл верхний ящик и обнаружил аккуратно сложенные боксеры и носки, разложенные по цветам. Кто так делал?

Покачав головой, он открыл второй ящик и обнаружил там белые футболки и...

Телефон.

У Ноа перехватило дыхание, когда он достал телефон из ящика и повернул его к свету, лившемуся из гостиной. Ему не понадобилось включать телефон, чтобы понять, что он принадлежит Винтер. Ноа видел его сотни раз за эти годы, с тех пор как она отказалась перейти на более новую модель.

— Попался.

Вытащив из кармана свой собственный телефон, Ноа выбежал из квартиры. Он нажал на номер Шелли, пробормотав проклятие, когда звонок попал на голосовую почту.

— Шелли, я знаю, кто убийца, — сказал он, переходя на бег. — Не спрашивай, как, но я нашел телефон Винтер в спальне Оливера Уилера. Я собираюсь забрать Винтер из больницы. Я принесу телефон в участок, когда вернусь в Ларкин.

***

С тошнотворным нетерпением Винтер наблюдала, как открываются задние двери фургона. Зачем Олли привез ее сюда? Что бы он ни задумал, это не могло быть к добру.

И в то же время она почувствовала прилив храбрости в знакомой обстановке. Это

единственное место, где у нее реально есть шанс сбежать. Ведь так?

Как бы подавляя всякую надежду, Олли направил пистолет в центр ее груди.

— Будь очень, очень осторожна, Винтер, — предупредил он. — Мы собираемся пройти через парковку и войти в твой ресторан, как будто мы два старых друга, наслаждающихся днем. Если ты попытаешься убежать или привлечь чье-то внимание, я прострелю тебе почку. Очень неприятный способ умереть.

Винтер кивнула, стараясь держать руки вместе, как будто лента все еще связывала их. Олли изучал ее, прежде чем слегка взмахнуть пистолетом. Осторожно поднявшись на ноги, Винтер низко наклонилась, чтобы пройти вперед.

Она вздрогнула, когда Олли схватил ее за руку и выдернул из фургона. Ее ноги ударились о твердый асфальт, и она споткнулась. Только безжалостная хватка Олли удержала ее в вертикальном положении.

Как только Винтер обрела равновесие, Олли обхватил ее за плечи и прижал пистолет к боку. Понуждая ее идти вперед, он пересек участок, залитый ярким солнечным светом. Винтер откинула голову назад, глядя на ярко-голубое небо. День выдался прекрасный. Какая ирония судьбы. Она целую вечность ждала весны. А теперь эта весна может стать предвестником ее смерти.

Нет, нет, нет. Винтер отмахнулась от темной волны обреченности, не отрывая взгляда от здания перед ними. Она не собиралась сдаваться. Особенно когда краем глаза заметила окно. Ноа, несомненно, сейчас в хозяйственном магазине. Или даже на пути обратно в ресторан. Все, что ей нужно, это остаться в живых до тех пор.

Набравшись храбрости, Винтер задала вопрос, который не давал ей покоя.

— А как же Эрика?

Олли сканировал близлежащую улицу, явно беспокоясь, что их могут заметить.

— Кто?

— Доктор Томалин.

— Ох. Эта любительница покопаться в чужих мозгах.

Его пренебрежительный тон ударил по нервам Винтер. Он говорил так, словно она всего лишь мусор, прилипший к подошве его ботинка. Что-то, что нужно соскрести и выбросить.

— Почему ты ее убил?

Ее голос прозвучал резче, чем Винтер хотела, и пальцы Олли впились в ее плоть с угрожающей силой.

— Она оставила сообщение на твоём телефоне. Сказала, что у нее есть информация о той ночи, когда убили твою мать.

Винтер удивленно посмотрела на него. Эрика никак не связана с ее семьей. Или с прошлым. Как она могла знать, что произошло в ночь смерти ее матери?

— Какая информация?

— Неважно. Она стала просто еще одним свободным концом.

Винтер не стала задумываться о причине звонка своего бывшего психотерапевта. Скорее всего, эту загадку никогда не удастся разгадать. Вместо этого она сосредоточилась на ужасающей сцене, которую обнаружила на кухне своего дедушки. Теперь это будет сниться ей в кошмарах долгие годы.

— Как ты вынудил ее приехать на ферму?

— После того, как услышал сообщение, я понял, что должен позаботиться о ней, прежде

чем она сможет раскрыть то, что обнаружила. Я поджидал ее в гараже и ударил по голове. Затем отвез на ферму.

Что ж, это прояснило вопрос о том, зачем Эрике ехать в отдаленный фермерский дом. Она не ездила.

— Ты поместил ее в подвал?

— Да. — Они подошли к боковой двери, и Винтер нахмурился, когда Олли полез в карман, чтобы достать ключ. Ведь дверь совсем новая; откуда у него ключ? Затем она вспомнила, как Тоня сказала, что оригинал оставили в почтовом ящике после того, как Джереми закончил установку. Неужели Олли нашел его и сделал копию, прежде чем Тоня успела отнести его Винтер в больницу? Или, что более вероятно, Джереми оставил не один ключ, а Олли просто украл его. Он отпер дверь и втолкнул ее внутрь. — Она должна была оставаться там, пока я не придумаю, как от нее избавиться. Слишком много трупов, чтобы я мог рисковать появлением еще одного. Везение длится до тех пор, пока все не пойдет прахом.

— Что случилось?

— Когда я вернулся на ферму, то обнаружил, что эта сука не спит и пытается выбраться из подвала. Я не ожидал этого. Признаюсь, я запаниковал.

Он с силой захлопнул за ними дверь, словно раздраженный воспоминаниями об отказе Эрики оставаться без сознания. А может, дело в слишком поспешном убийстве.

Винтер старалась выглядеть сочувствующей, как бы погруженной в его рассказ. Однако ее внимание переключилось на кухню, которую она лично спроектировала. Здесь хранились десятки очевидных орудий. Ножи, маленькие паяльные лампы, шампуры. Но в то время как она оценивала расстояние до стойки, где хранились молотки для мяса, Олли подтягивал ее ближе к своему телу.

Самое время для другого отвлекающего маневра.

— Так значит твой отец никогда не появлялся на ферме?

— Нет. — Олли заставил ее пройти по кафельному полу. — Но я не солгал, когда сказал тебе, что поймал ублюдка, пытавшегося удрать с моими вещами. Жалкий неудачник. — Он покачал головой, отпустив ее руку, чтобы взять тяжелую бутылку с маслом, которую Винтер держала рядом с фритюрницей. — Я сказал ему, что если еще раз увижу его в городе, то пушу ему пулю между глаз. Он, должно быть, поверил мне, потому что удрал. Мне следовало догадаться, что он найдет более легкую добычу. Он очень предсказуем.

Она нахмурилась в замешательстве. Что Олли делал с маслом?

— Тогда как его зубочистка оказалась там?

Олли улыбнулся самодовольно.

— Как только нажал на курок, я понял, что ситуация не совсем проигрышная. На самом деле, я решил, что могу обратить ее в свою пользу. Что может быть лучше возможности свалить вину на кого-то другого? — Он пожал плечами. — Мой отец оставил одну из своих зубочисток в моем фургоне, когда я вез его в бар. Всего-то и надо бросить ее рядом с телом и открыть сейф. Проблема решена.

Винтер уставился на него в недоумении.

— Ты подставил собственного отца в убийстве?

— Почему бы и нет? Он неудачник. Он умоляет, лжет, обманывает и крадет. — Олли пожал плечами. — Если кому-то из нас придется сесть в тюрьму, лучше он, чем я.

— Я думала, это моя семья испорчена, — пробормотала Винтер.

— Я знал с тех пор, как пошел во второй класс, что никогда не буду таким, как мой отец. — Олли наклонил подбородок, его лицо сделалось свирепым. — Не имело значения, что мне придется делать. Я собирался добиться успеха.

— Даже если твой путь к вершине включал убийство людей?

Он улыбнулся, как бы гордясь своим успехом в убийстве

— Бизнес есть бизнес, — сообщил он ей.

— Что случилось с твоим отцом?

Улыбка померкла, глаза стали жесткими. Он стал похож на змею.

— Он ушел.

— Куда ушел?

— В ад. Где ему самое место.

Винтер задрожала. Они с Ноа рассматривали несколько вариантов относительно Джея Уилера. Что он был убийцей. Что его подставили. Что он оказался не в том месте и не в то время.

Они никогда не думали о том, что он мертв.

— Олли...

Она не договорила, когда Олли открыл бутылку с маслом и начал разбрызгивать его на плитку, а затем на тяжелый деревянный остров в центре помещения.

— Мне нравится это место. Правда, очень нравится, — пробормотал он, переходя к поливанию маслом стопок аккуратно сложенных скатертей и салфеток. Обернувшись, он с сожалением улыбнулся. — И я люблю тебя, Винтер. Как жаль, что все это должно погибнуть.

— Погибнуть? — Винтер неистово замотала головой, пока Олли доставал из кармана зажигалку. — Пожалуйста, не делай этого.

— Ты не оставила мне выбора. — Он посмотрел на нее, как будто искренне считал, что это ее вина. — Все могло остаться без изменений, но ты не могла перестать совать свой нос в прошлое. Теперь ты погибнешь в результате ужасного несчастного случая.

Задержав на ней полный притворного сожаления взгляд, Олли чиркнул зажигалкой и поднес ее к скатерти. Последовала искра, затем мерцание, а затем голубое пламя охватило всю кучу. Винтер застыла на месте, с недоверием наблюдая, как дым заполняет кухню, застилая глаза и забивая горло.

Кухонное масло распространяло огонь с ужасающей скоростью. «Винтер Гарден» собирался сгореть дотла...

«Двигайся, Винтер, двигайся», — кричал голос в глубине ее сознания.

Ресторан можно восстановить. А вот ее — нет.

Застыв на месте, она смотрела, как Олли разливает масло по направлению к проему, ведущему в обеденный зал. Она кашлянула, дождавшись, пока Олли выйдет из кухни, и бросилась вперед, хлопнув за ним распашные двери. Затем, схватив деревянную ложку, Винтер просунула ее между ручками.

Чтобы сломать ложку и открыть двери, не потребовалось бы большого толчка, но это даст ей несколько секунд, чтобы попытаться сбежать.

Не обращая внимания на его крики раздражения и слепящий дым, Винтер бросилась к двери в свою квартиру. Она никак не могла выбраться из кухни и пересечь парковку без того, чтобы он не увидел ее из окна. Он просто выстрелит ей в спину. И она не могла запереться в своей квартире. Не тогда, когда у него есть ключ.

Выживание зависело от хитрости.

Открыв дверь, она сорвала с запястий липкую ленту и бросила ее на верхнюю ступеньку. Послышался треск дерева, когда Олли колотил в двери, и Винтер, застонав от страха, побежала обратно через кухню. Жар оказался неожиданно сильным, но она не стала смотреть в сторону пламени, которое перекинулось по маслу на кафельный пол и достигло деревянного острова.

Она поступила хитро. Хитрая, как... лиса? Волк?

Винтер проглотила истерический порыв рассмеяться, схватившись за ручку морозильной камеры и потянув ее на себя. Увидит ли он это? Она не осмелилась оставить дверь открытой слишком сильно.

Раздался еще один щелчок, и ложка разлетелась вдребезги. С приглушенным проклятием Винтер бросилась к узкому шкафу для уборщиц рядом с морозильником и забилась под швабры и метлы.

Едва смея дышать, она услышала, как Олли вошел в кухню.

— Винтер, — позвал он. — Почему ты все так усложняешь?

Она прикусила нижнюю губу. Жар от пламени стал невыносимым, и слезы текли по ее щекам от сочетания дыма и ужаса. И что еще хуже, желание кашлять стало почти неотступным.

— Ах.

Его шаги направились к двери квартиры. Винтер напряглась и приготовилась бежать в столовую, если он пойдет наверх. Она могла выйти через парадную дверь и закричать о помощи.

Неудивительно, что он не поддался на ее уловку. В конце концов, она сделала все достаточно очевидно.

— Так, так, Винтер, — насмешливо произнес Олли. — Ты считаешь меня глупым? — Шаги направились обратно к центру кухни. — Выходи, выходи, где бы ты ни пряталась.

Винтер вздрогнула, прикусив губу так сильно, что почувствовала вкус крови. Инстинкт подсказывал ей, что нужно бежать. Будто она мышь, загнанная в угол кошкой. Как это называется? Бежать или драться? Она определенно думала о бегстве. Примечательно, что именно тренировки Эрики удержали ее от глупых поступков. Она научила Винтер дыхательным техникам, чтобы преодолеть приступы паники.

Вдохнуть, задержать дыхание и выдохнуть. Вдох, задержка и выдох.

Она повторяла эту мантру в голове, пока шаги приближались. Винтер глубже вжалась в швабру, посылая быструю молитву. Сейчас или никогда.

— Умно, Винтер, — пробормотал Олли, так близко, что волосы поднялись на затылке Винтер. — Но недостаточно хорошо.

Раздался тихий скрип, когда Олли открыл дверцу морозильной камеры и заглянул внутрь. У него хватило ума не входить до конца, но это не имело значения.

Подгоняемая страхом, яростью и адреналином, Винтер выпрыгнула из шкафа и всем весом навалилась на дверь. Та захлопнулась с удовлетворительным стуком, заперев Олли внутри.

— Сука! — закричал он в гневе. — Я собирался сделать это как можно более безболезненно для тебя. Теперь я намерен заставить тебя страдать.

Раздался скрежет, когда он подергал ручку. Затем наступила шокированная пауза, прежде чем Олли осознал, что она сделала.

— Нет! — Его крик заглушила толстая дверь. — Выпусти меня.

— Тебе следовало починить ручку, больной ублюдок.

Пнув морозильник, чтобы выпустить часть своей лавины эмоций, она вытерла слезы с глаз. Она сделала это. Она выжила. И теперь Олли заперт в морозильной камере до тех пор, пока не приедут полицейские и не увезут его в тюрьму.

Она надеялась, что они запрут камеру и никогда, никогда его не выпустят.

Винтер повернулась, намереваясь выбежать из кухни. Она хотела оказаться подальше от этого места. Но ей не удалось сделать и шага.

Прямо перед ней выросла стена пламени.

Ее сердце сжалось от ужаса. Она попала в такую же ловушку, как и Олли.

***

Ноа с визгом рванул прочь от мастерской Оливера, минуя знаки «стоп» и делая вид, что ограничения скорости не существует, когда мчался по узким улочкам. Он не понимал, что заставляет его срочно ехать в больницу. Однако был уверен, что раскрыл злодея. Иначе зачем бы Оливеру прятать телефон Винтер в комод? И он не сомневался, что Шелли будет искать мастера в Ларкине. Значит, незачем гнать как маньяк.

Но сказать себе, что все в порядке, и заставить себя поверить в это — две большие разницы. На самом деле, от этого становилось только хуже. Сколько раз он ошибался за последнюю неделю? Хотя, в его защиту можно сказать, что никто не думал, что тихий, трудолюбивый мужчина с застенчивой улыбкой — хладнокровный убийца, — язвительно признал Ноа.

Однако он не собирался игнорировать тяжелое чувство ужаса, которое пульсировало в нем. Ему нужно поскорее оказаться рядом с Винтер. Чтобы она находилась в его объятиях, и он точно знал, что она в безопасности.

Пренебрегая осторожностью, Ноа вошел в поворот достаточно быстро, едва не опрокинув свой джип. Раздался громкий гудок машины, которую он только что подрезал, но ему все равно. Он смотрел вперед, мчась по Седр-авеню. Существовали и другие улицы, где движение поменьше, но этот путь вел быстрее всего к близлежащему шоссе.

Он находился в паре кварталов от «Винтер Гарден», когда почувствовал запах дыма. Сначала Ноа едва его уловил. Всегда находились люди, которые жгли листья или мусор, несмотря на то, что в черте города — это запрещено. Но чем ближе он подъезжал к ресторану, тем гуще становился дым.

Неохотно замедляя скорость, Ноа позволил своему взгляду пробежаться по трехэтажному кирпичному зданию. Сначала он не увидел ничего необычного. Затем заметил темный шлейф дыма, выходящий из разбитого окна. Секундой позже он разглядел фургон, припаркованный рядом с рестораном.

Черт. Это был фургон Оливера Уилера.

Вывернув джип в сторону, Ноа перемахнул через бордюр и въехал на пустую стоянку. Если бы он не знал правду об Оливере, то мог бы подумать, что тот приехал, чтобы попытаться потушить пожар. Теперь же Ноа твердо знал, что за облако дыма ответственен этот сумасшедший.

И что еще хуже, он безумно боялся, что Винтер может быть внутри.

Едва вспомнив, что нужно поставить машину на стоянку, Ноа выскочил из нее и помчался в сторону здания. Уже начала образовываться небольшая толпа, и вдалеке Ноа

услышал звук сирен. Его темп не замедлился, когда он врезался плечом в недавно установленную дверь.

Она распахнулась, и вокруг него за клубилось облако дыма. Кто-то из собравшихся закричал. Он подумал, что они призывают его дожидаться пожарных машин. Вероятно, это разумная мысль, но Ноа ни за что на свете не собирался ждать.

Вид фургона Оливера вызвал множество тревожных звонков. Ноа собирался сделать все возможное, чтобы Винтер не подвергалась опасности.

Когда он вошел в кухню, его мгновенно обдало жаром. Он поднял руку, как будто это могло послужить защитой, и стал рассматривать языки пламени, клубящиеся в центре комнаты. Похоже, они сосредоточились на деревянном острове, а небольшие огненные дорожки плясали по кафельному полу. Однако они начинали мерцать и угасать. Как будто у них заканчивалось топливо.

Ноа закашлялся, его глаза слезились, когда он пытался взглянуть в дым. В то же время он протянул руку в поисках огнетушителя, который видел рядом с дверью.

Он только успел обхватить пальцами стальной цилиндр, как услышал голос с другой стороны пламени.

— Там кто-то есть? Помогите!

Винтер.

Сердце заколотилось сильнее, от прилива паники его пальцы стали неуклюжими, когда он выдернул штырь из ручки огнетушителя и помчался к пламени.

— Я иду, Винтер. Держись. — Он брызгал на угасающие нити огня, полный решимости пробиться сквозь огненный барьер.

— Будь осторожен, — отозвалась она, ее голос звучал на удивление спокойно.

— Оливер здесь? — Он продолжал брызгать, создавая проход.

— Да, я заперла его в морозильной камере.

Ноа рассмеялся, запоздало осознав источник стука, который слышал на заднем плане. Он не знал, как Оливеру удалось затащить Винтер в ресторан. И что именно он намеревался с ней сделать. Но маньяк просто сглупил, недооценив ее.

— Ты, любовь моя, удивительная женщина.

Он выплеснул последнюю пену и отбросил баллон в сторону, готовясь броситься вперед. Не успел он сделать и шага, как Винтер проскочила в узкую щель и прыгнула прямо в его объятия.

Ноа прижал ее к себе, успокаивая свое измученное сердце тем, что она жива.

— Ты ранена? — Неохотно он отстранился, чтобы окинуть ее стройную фигуру ищущим взглядом.

На ее лице виднелась копоть, но видимых повреждений не было.

— Я в порядке. — Винтер огляделась вокруг, ее глаза наполнились слезами. — Но мой бедный ресторан.

Он схватил ее за руку, срочно вытаскивая из здания.

— Пожарные машины уже в пути, — заверил Ноа ее.

Она бежала рядом с ним, оглядываясь через плечо на огонь.

— А что с Олли?

Ноа не колебался.

— Пусть горит.

Эпилог

Винтер стояла на холме за фермерским домом своего дедушки, радуясь хорошей погоде. Послеполуденный солнечный свет заливал поля и неглубокие лощины, обнажая первые россыпи полевых цветов и зеленые листья, начинающие распускаться на деревьях.

Все вокруг казалось свежим, новым и волшебным.

Вот почему ее предки поселились здесь, внезапно поняла она. Из-за этого великолепного вида. Здесь богатая, плодородная земля. И возможность заявить свои права на американскую мечту.

В ее сердце поселилось горько-сладкое принятие, дающее покой ее горю.

Последние две недели превратились в мрачную попытку собрать разбитые осколки ее жизни. Не только из-за ее ресторана, который все еще высушал от чрезмерно энергичных струй воды пожарных машин. Но и из-за разгадки тайной жизни Оливера Уилера. Сейчас он сидел в тюрьме и отказывался говорить, но Винтер не сомневалась, что полиция найдет необходимые улики, чтобы связать его с преступлениями. В том числе и с убийством ее мамы.

А еще был ее дедушка.

Винтер не знала, как справиться с его предательством. Она не могла простить его за причиненный ущерб, но, с другой стороны, невозможно перечеркнуть любовь всей жизни. В конце концов, это не имело значения.

Через два часа после того, как Олли ударил его по голове, Сандер Мур скончался. Ей так и не удалось поговорить с ним, но Винтер смирилась с тягостным чувством утраты.

Какая-то часть ее души подозревала, что дедушка приказал себе умереть. Было легче ускользнуть, чем столкнуться с последствиями своего ужасного поступка.

Если бы рядом с Винтер не было Ноа, эмоциональный удар мог бы оказаться непосильным. Она слышала о том, что кто-то может быть «скалой», но в ее жизни никогда не существовало человека, на которого она могла бы положиться. До Ноа.

Словно почувствовав ее мысли, Ноа встал рядом с ней, обхватив руками ее плечи. Она откинула голову назад, чтобы изучить его лицо, на котором зажили затянувшиеся синяки. Душевные травмы последних дней будут заживать дольше.

С другой стороны стоял ее отец, неожиданно успокаивая Винтер.

После смерти дедушки они постепенно начали разговаривать. Эдгар признался, что последовал за своей женой в Пайк. И что он даже отправился к домику с намерением встретиться с двумя любовниками. Вместо этого он вернулся в отель, используя бедную Линду Бейкер, чтобы забыть о своей неверной жене. Он возвращался в Ларкин вместе с Линдой, когда полицейские пытались дозвониться до него, чтобы рассказать об убийстве Лорел.

Они поговорили о том, что он так и не смог пережить смерть жены. Приняли их общую травму, выяснив, что за ее смертью стоит Сандер.

Винтер начала надеяться, что они смогут наладить отношения. И, возможно, когда у нее появятся собственные дети, они смогут... Она поспешно прервала ход своих беспорядочных мыслей, коснувшись браслета, который носила на запястье. Тот самый браслет, который она нашла в домике Лорел. Он выражал негласное примирение с ее прекрасной, любящей, трагически несовершенной матерью.

Ноа уже намекал на то, что у них будет много детей. А образ того, как она держит на руках их ребенка, заставлял Винтер таять от предвкушения. Но сначала она планировала устроить красивую свадьбу, затем провести длительный медовый месяц в домике своей

мамы, а потом отправиться в Майами, чтобы понежиться на пляже.

— Ты готова? — прошептал Ноа ей на ухо.

Винтер колебалась. Он имел в виду урну, которую она держала в руках. Но когда кивнула, Винтер думала о гораздо большем, чем о прощании с бабушкой. Она готовилась смотреть в будущее.

— Готова. — Она открыла крышку урны и наклонила ее в сторону, позволяя бодрому ветерку подхватить пепел. Прах закружился и заплясал в воздухе, а затем легко опустился на поле внизу. — Будь спокоен, бабушка. — Повернув голову, она встретила с внимательным взглядом Ноа. — Пойдем домой.

Он улыбнулся и повернулся, чтобы повести ее к джипу.

Ее внимания ждала тысяча задач. «Винтер Гарден», эта ферма, теплицы. Даже ее грузовик, который все еще оставался в мастерской.

Но сегодня Винтер собиралась понежиться в горячей ванне, в объятиях мужчины, который научил ее, что настоящая любовь — это не темное, ревнивое чувство. Или холодное, отстраненное наказание.

Это две половинки, соединившиеся в мирной гармонии.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net